

С. Н. Сергеев-Иценский

**ВИТЯЗИ
МОРЕЙ**

С.Н. Сергеев-Ценский

ВИТЯЗИ МОРЕЙ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
РАССКАЗЫ
НОВЕЛЛЫ
СТАТЬИ**

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985**

P2
C32

Составитель *В. К. Козлов*

С 4702010200-015 141-85
068(02)-85

© Воениздат, 1985

ПЕВЕЦ БОЕВОЙ СЛАВЫ РУССКОГО НАРОДА

Выдающийся русский советский писатель Сергей Николаевич Сергеев-Ценский — один из крупнейших художников слова нашего времени. А. М. Горький с полным основанием писал ему: «Вы встали передо мною, читателем, большим русским художником, властелином словесных тайн... живописцем, каких ныне нет у нас. Пейзаж Ваш — великолепнейшая новость в русской литературе... Читаешь, как будто музыку слушаешь, восхищаешься лирической, многокрасочной живописью Вашей...»

Эта «лирическая, многокрасочная живопись» свойственна творчеству Сергеева-Ценского. О чем бы он ни писал, он всегда оставался художником-творцом, художником-исследователем, художником-мыслителем, историком и крупным ученым.

Его статьи, очерки, рассказы, новеллы, повести, романы, эпопеи пленяли Горького, Серафимовича, Шолохова и других писателей, как и миллионы читателей, тонким, сложным и совершенным мастерством, широтой и глубиной общечеловеческих проблем, обилием исторических событий, судьбами отдельных людей и русского народа, его мужеством и героизмом в защите родной земли от иноземных захватчиков.

В огромном литературном наследии Сергеева-Ценского большое место занимают патриотические военно-исторические произведения, завоевавшие большую популярность не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Автор трехтомной эпопеи «Севастопольская страда», цикла военных романов эпопеи «Преображение России» был убежденным поборником мира. Он хорошо знал, что такое

война. Это отнюдь не праздная прогулка со знаменами и барабанным боем, а тяжелый ратный труд в крови и жестоких страданиях тысяч и тысяч людей. Писатель обличал организаторов и вдохновителей войн как самых страшных преступников против человечества. Американским королям оружия и их ставленникам в правительстве Сергеев-Ценский гневно бросил в лицо: «Вы — неслыханные преступники... если примените в войне против народов величайшее открытие человеческого ума — энергию атома».

На страницах своих книг Сергеев-Ценский показывал миролюбие русских людей, их гостеприимство, желание жить в дружбе со всеми народами земли. И только тогда, когда над страной нависала опасность, поднимался и «стар и млад» и шел клич от селения к селению: «Не посрамям земли русской... ни русского имени!.. Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет... На том стояла и будет стоять земля русская!»

«Знаменитым словам этим, — говорил писатель, — свыше тысячи лет. И наши люди «не посрамили ни русской земли, ни русского имени» в жестоких битвах с врагами и показали всему миру, что русские воины — великие воины. Они умеют постоять и за себя и за свою землю».

С. Н. Сергеев-Ценский — крупнейший военный писатель русской и мировой литературы, певец и летописец ратного подвига и славы русского народа и русского оружия. Он в совершенстве знал военное искусство, историю войн, жизнь и быт армий и флота. Соприкоснулся с военной средой Сергеев-Ценский очень рано, еще в детстве.

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский родился 30 сентября 1875 года в семье бывшего защитника Севастополя. Его отец, Николай Сергеевич Сергеев, был кадровым военным. Незадолго до окончания обороны города был тяжело ранен на Корниловском бастионе Малахова кургана и эвакуирован в тыл. После излечения женился на терской казачке и вскоре вместе с женой переехал в Тамбовскую губернию — там, в селе Преображенском, ему предложили должность земского учителя. Когда Сереже исполнилось пять лет, семья поселилась в Тамбове.

Зимними вечерами в небольшой квартире отца собирались убеленные сединами, с Георгиевскими крестами на груди, старые воины. Допоздна засиживались они за самоваром, вспоминая о днях, проведенных на севастопольских бастионах.

Жадно впитывал будущий писатель рассказы отца и его товарищей о героях знаменитой обороны Севастополя

1854—1855 гг. Уже тогда он знал имена адмиралов Нахимова, Корнилова, Истомина, военного инженера Тотлебена, генерала Хрулева, великого хирурга Пирогова, матросов Петра Кошки, Игната Шевченко и других героев. Когда его однажды спросили: «А ну-ка, ты какие-нибудь города знаешь?» — маленький Сережа бойко ответил: «Тамбов, Москва, Севастополь».

Впечатления детства подкреплялись и пополнялись в студенческие годы и особенно во время службы в армии. В 1895 году Сергей Николаевич закончил с медалью Глуховский учительский институт и тут же решил отбыть воинскую повинность, для чего поступил вольноопределяющимся первого разряда (по образованию) в 19-й Костромской полк, стоявший в г. Батурише Черниговской губернии. Так как Сергеев-Ценский отказался поступать в военное училище, ему было приказано готовиться к экзаменам на чин прапорщика запаса по военным предметам: тактике, артиллерии, фортификации, топографии и по уставам (стрелковому, полевому, дисциплинарному, гарнизонной и внутренней служб). По истечении восьми месяцев Сергей Николаевич сдал блестяще экзамены и четыре месяца исполнял обязанности офицера. После демобилизации, в бытность работы учителем, он несколько раз призывался для прохождения учебных сборов. Это было основательным знакомством с военным искусством, с военной средой.

Позднее Сергеев-Ценский вспоминал: «Мое вполне добровольное и на первый взгляд как бы даже неожиданное решение соприкоснуться с военным бытом имело для меня большие последствия... Благодаря этому своему шагу я впоследствии призывался как прапорщик запаса в действующую армию во время русско-японской войны и в первый год мировой войны, что дало мне возможность написать роман «Бабаев», повести «Пристав Дерябин», «Медвежонок», эпопеи «Севастопольская страда» и «Преображение России», а это больше половины мною написанного».

Военную тему в своем творчестве Сергеев-Ценский открыл в 1906 году рассказом «Батенька». Рассказ понравился Л. Н. Толстому, и он рекомендовал его для отдельного издания. Похвала великого писателя поддержала молодого автора в его начинаниях, укрепила в нем уверенность в разработке этой трудной темы в литературе.

В последующих военных произведениях — романе «Бабаев» (1907), повестях «Пристав Дерябин» (1911), «Медвежонок» (1912) — Сергеев-Ценский показывает царскую

армию, которая под влиянием первой русской революции начинает терять свою былую монолитность. В ее среде появляются демократически настроенные офицеры, отрицательно относящиеся к монархическому режиму. Однако в этих произведениях писатель не касается военных действий. В то время он считал себя не подготовленным для их описания. И только спустя два десятилетия, после большой подготовительной работы, в романе «Лютая зима» (1936), вошедшем в эпопею «Преображение России», Сергеев-Ценский уверенно рисует батальные картины, происходившие в начале первой мировой войны.

Сергеев-Ценский говорил, что описывать военные сражения — задача для писателя чрезвычайно трудная. За это не брались даже крупные художники слова прошлого. Известно, например, что А. Стендаль был участником наполеоновского похода на Москву. Казалось, как можно было бы с его талантом писателя изобразить в огромном полотне этот поход! Однако он не взялся за это.

Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» дал превосходное описание Бородинского сражения под Москвой. Традиции Толстого нашли благодатную почву на ниве русской советской литературы. Превосходные картины морского боя создал А. С. Новиков-Прибой в романе «Цусима», победоносные сражения молодой Красной Армии в гражданской войне отражены в романах «Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова и др.

Подлинное новаторство, художественную смелость в передаче военных действий проявил Сергеев-Ценский в эпопеях «Севастопольская страда», «Преображение России», повестях «Синопский бой», «Флот и крепость» и других произведениях. В «Севастопольской страде», например, он описывает двенадцать больших сражений и четыре генеральные бомбардировки Севастополя, сохраняя и оттеняя при этом индивидуальные особенности, краски, детали каждого из этих крупных военных действий, создавая повествование исторически точным, запоминающимся.

Если в эпопее «Севастопольская страда» Сергеев-Ценский исследует Крымскую войну, действия которой происходили главным образом вокруг Севастополя, то в цикле военно-исторических романов эпопеи «Преображение России» он воссоздает события первой мировой войны на огромном фронте — от Балтики до Черного моря. Выведено множество действующих лиц — от рядовых солдат до русского императора и германского кайзера.

Во всем своем убожестве перед читателем проходит русская ставка во главе с ограниченным Николаем II, серия портретов бездарных, не желавших, да и не способных, проводить крупномасштабные стратегические боевые операции командующих фронтами — Куропаткина, Эверта, Иванова. Не обошел писатель и казнокрадов, и откровенных предателей, как Эверт, Раиненкампф, и других носителей немецких фамилий, приехавших в Россию «для ловли счастья и чинов». Они беззастенчиво наживались на всем, пользуясь попустительством царствующего дома, выдавали планы пастушательных операций, а где это не удавалось — срывали их. А с какой методичной жестокостью эти предатели в генеральских мундирах подавляли революционные выступления рабочих в Сибири и преследовали солдат и матросов, которые возвращались из японского плена в родные места!

Исследуя войну как общественно-историческое явление, Сергеев-Ценский обнажает ее тайные и явные пружины, закулисные хитросплетения дипломатов, алчность королей оружия, которые ради наживы и высоких прибылей готовы пойти на любые преступления, вплоть до развязывания новой термоядерной войны. Когда за океаном империалисты начали безудержную гонку вооружений, писатель выступил со статьями в защиту мира, клеймил позором поджигателей новой мировой войны.

При изучении архивных материалов в процессе работы над «Севастопольской трагедией» у Сергеева-Ценского, естественно, возникал вопрос: почему же царское правительство проиграло Крымскую, русско-японскую и первую мировую войны? Шаг за шагом писатель прослеживает в эпоху, как ограниченная, самонадеянная и недалководидная политика русских царей и их ближайшего окружения приводила Россию к крупным военным неудачам. Положение усугублялось еще и тем, что на высшие командные посты назначались именитые сановники, умеющие выслуживаться перед царем, но не служить отечеству и народу.

Известно, что Севастополь по вине Николая I и главнокомандующего Крымской армией князя Меншикова остался не защищенным со стороны суши. Этим и воспользовались Англия, Франция и Турция, высадив южнее Евпатории огромный для того времени десант — 65 тысяч пехоты с сотнями орудий, и эта армия двинулась к Севастополю, чтобы с ходу овладеть им. Обстановка сложилась крайне опасной, и Корнилов взял на себя большую ответственность в организации защиты города, а Нахимов стал его деятель-

ным помощником. Для строительства бастионов они сумели организовать и мирных жителей. Работали женщины, старики и дети; работали днем и ночью по планам и под непосредственным руководством и наблюдением военного инженера Тотлебена, адмиралов Корнилова и Нахимова. После сражения у реки Альма Меншиков решил, что ему Севастополь не удержать, и приказал армии отступить к Бахчисараю, полагая, что участь города будет печальной. Однако моряки-черноморцы и их талантливые руководители Корнилов, Нахимов, Тотлебен были неутомимы в строительстве укреплений в Севастополе.

Когда французский генерал Канробер привел свои войска, он увидел линию бастионов там, где не ожидал ничего увидеть, причем полтораста судовых орудий стояло уже на бастионах.

В то время как враг окружал город, готовясь к штурму, Корнилов обратился к защитникам Севастополя с взволнованной речью: «Отступить нам некуда, братцы! Позади нас море, впереди — неприятель! Поэтому отступление командовать не будет. А если услышите, что я, я сам, ваш начальник, скоманую вам отступление, колите меня за это штыками!»

Осада затянулась почти на год, и Меншикову ничего не оставалось, как вернуться с армией в Севастополь.

Также не была Россия готова и к первой мировой войне. Когда наступление русских армий могло спасти от разгрома Италию, а Париж от захвата немцами и ни один из трех фронтов не мог этого сделать, Николай II по настоянию союзников вынужден был назначить главнокомандующим Юго-Западным фронтом талантливого генерала Брусилова, вместо престарелого и совершенно бездеятельного генерала Иванова. За короткое время Брусилов разработал и осуществил прорыв вражеского фронта, получивший в истории название «Брусиловский», описанный Сергеевым-Ценским в романах «Бурная весна» и «Горячее лето». Это был крупнейший успех русских войск за всю первую мировую войну, который оказал влияние на исход войны. Если бы результаты брусиловского наступления решительно использовали русская ставка и командование союзных армий, Германия была бы разгромлена раньше и раньше завершена мировая война.

Значительное место в эпосе «Преображение России» и особенно в эпосе «Севастопольская страда» Сергеев-Ценский уделил вопросам стратегии и тактики воюющих сторон. В одной из статей Сергеев-Ценский писал: «В эпосе

«Севастопольская страда» я раскрываю перед читателем карты стратегов, ведущих Крымскую войну. Со стороны союзников-агрессоров это планы маршала Сант-Арно, генерала Канробера, генерала Пелисье, генерала Низля, главнокомандующего английской армией лорда Раглана; наконец, самого императора французов Наполеона III... С русской же стороны это плапы самого Николая I, исправляемые на месте Меншиковым, а после смерти Николая — планы Горчакова...»

Однако эти планы остались на бумаге. Не нашлось полководцев-стратегов ни с той, ни с другой стороны, чтобы их выполнить. Что же касается России, то николаевский режим не мог выдвинуть великих стратегов в «век розг, кнута, шпицрутенов, ссылки и каторги», когда «из людей государственного ума и способностей делали висельников и каторжников, из даровитейших поэтов — солдат».

В одну из встреч Сергей Николаевич, касаясь вопроса деятельности полководцев, сказал мне:

«Наполеон насчитывал за всю историю человечества только шесть великих стратегов; из этого видно, какой редкостный дар посылает судьба той или иной стране, давая ей выдающегося стратега. Когда Австрия, вступая в союз с Россией Павла I для борьбы против победоносных войск революционной Франции, потребовала, чтобы во главе русской армии стоял семидесятилетний Суворов, Павлу пришлось поневоле вернуть опального героя из ссылки. Так и Александр I вынужден был прислушаться к голосу народа и поставить во главе русских войск, отступавших к Москве перед армией Наполеона, лично ему неприятного Кутузова, хотя и престарелого уже, но великого воина и стратега. И Кутузов оправдал доверие народа. Конечно, и Суворов и Кутузов были люди редкостного ума, однако одного ума недостаточно, для того чтобы быть стратегом. Умных людей все-таки много — стратегов очень мало. Можно быть прекрасным теоретиком военного искусства и совершенно не быть стратегом, даже тактиком, не суметь командовать даже дивизией во время боя. Таких случаев много.

У Наполеона есть афоризм: «Лучше один посредственный главнокомандующий, чем два хороших». Он утверждал этим единоначалие в ведении войны, как условие, без которого нельзя добиться победы.

Во время своего похода на Россию, — продолжал писатель, — Наполеон собрал более чем полумиллионную армию. Но что показал этот поход? Только одно — что стратегические способности его были ниже того, что он задумал сде-

лать. А через столетие на поля сражений в первую мировую войну 1914—1918 годов выступили миллионные армии, и командовать ими стало, бесспорно, труднее, чем даже крупнейшей армией Наполеона. Впервые это доказал Мольтке-младший, проигравший сражение с французами на Марне (в начале сентября 1914 года), где под его командованием было около миллиона солдат и три тысячи орудий против примерно таких же сил французов, предводимых Жеффром... Не прошло и трех десятилетий, как на фронтах второй мировой войны стали действовать многомиллионные армии, насыщенные огромным количеством боевой техники, и управлять ими стало, конечно, делом очень трудным...

Вот завершилась Великая Отечественная война, и каковы ее итоги в военно-стратегическом плане?» — спросил Сергей Николаевич и сам ответил: — «Гитлер и его генералы оказались неспособными осуществить свои зловецкие планы. Они не были ни стратегами, ни великими воинами. Второе, с Советским Союзом нельзя говорить «с позиции силы». Далее, ни одна армия в мире не имеет таких солдат, как наша. Еще прусский король Фридрих II, когда в 1760 году русские войска овладели Берлином, воскликнул: «Русского солдата мало убить, его надо еще и повалить на землю». В стойкости русского солдата убедился и Наполеон, сказавший после Бородинского боя: «Здесь русские приобрели право считаться непобедимыми». Это «право непобедимости» русский воин показал всему миру через сорок с лишним лет после Бородинского боя, защищая от натиска четырех держав наснех сооруженные бастионы Севастополя в течение почти целого года. С большой силой стойкость красного воина проявилась во время гражданской войны, когда Красная Армия громила прекрасно одетые, обутое, снабженные вдоволь продовольствием, обмундированнем, боеприпасами армии белогвардейцев и интервентов.

И наконец, в наше время советский воин поразил весь мир своей стойкостью и мужеством при разгроме сильнейшей империалистической армии фашистской Германии, избавив Европу от коричневой чумы».

* * *

Для Сергеева-Ценского русский народ — народ-борец, народ-труженик и воин, отстаивающий свою жизнь на необъятных просторах своей земли на протяжении многих столетий. В этой суровой борьбе проявились лучшие черты русского народа и его воинов: мужество, храбрость, наход-

чивость и бесстрашие. Многие войны стали народными героями. Их имена стали нашей святыней. О них складывались песни, былины, сказки. Они навеки остались в памяти народной.

«Народная память крепка,— писал Сергеев-Ценский.— Тысячи имен ярко горят в ней, как звезды в ночном небе. И как по звездам находят дороги на земле, так и дорогие народу имена давно умерших людей в иные, особенно трудные времена становятся путеводными.

Они поднимают, они зовут на подвиг, они заставляют расцвести и запылать чувства собственного достоинства у каждого, кто любит Родину; они — гордость страны, ее алмазный фонд».

Когда в Германии фашисты захватили власть и над Европой нависла угроза новой мировой войны, Сергеев-Ценский, по его словам, начал с большим напряжением работать над «Севастопольской страдой», изучать военное искусство великих флотоводцев и полководцев России, с тем чтобы напомнить своим соотечественникам о героическом прошлом своего народа.

Вслед за «Севастопольской страдой» Сергеев-Ценский пишет серию военно-исторических очерков для задуманной книги о русских флотоводцах — Ушакове, Лазареве, Сенявине, Корнилове, Нахимове,— вошедших в настоящий сборник. В годы войны писатель создал серию новелл о ратных подвигах простых русских людей, прославившихся в прошлых войнах.

Тысячи советских воинов в годы Великой Отечественной войны учились ратным подвигам у русских богатырей, которые вставали со страниц произведений писателя. В мае 1942 года, в труднейшую пору обороны, защитники Севастополя писали Сергееву-Ценскому: «Ваша «Севастопольская страда» воюет рядом с нами. Она защищает Севастополь».

Создавая образы великих русских флотоводцев, полководцев, ученых и простых людей, Сергеев-Ценский говорит о них как о выразителях талантливости русских людей, как о людях подвига, людях большой воли и бесстрашия. И никто из них ради лучшей жизни где-то вдали и не помышлял покинуть милую и дорогую Русь. Все они хотели видеть ее могучей и процветающей.

Вот Федор Федорович Ушаков. Адмирал, не знавший поражений на море и на суше. «Строгий к подчиненным, но еще более строгий к самому себе. Первый в бою, как и первый в мирном строительстве». По-отцовски заботливый

и справедливый к матросам и офицерам. После блестящих побед над турецким флотом — у Керчи, Тендры, Калиакрии — Ушаков навел ужас на турецких моряков, которые называли его «Ушак-паша».

Ушаков в сражениях действовал подобно Суворову. Отыскивал в море вражескую эскадру и с ходу шел на сближение с ней, наносил стремительный удар по наиболее уязвимым местам. Экипажи судов действовали по примеру своего командира: искусный маневр, меткая стрельба, стремительность, быстрота и натиск. И враг не выдерживал, панически покидал место сражения.

Когда весь мир облетела весть, что эскадра Ушакова штурмом овладела неприступной крепостью Корфу в Ионическом море, Суворов произнес свою знаменитую фразу: «Сожалею, что не был при этом хотя бы мичманом!» Это была высшая аттестация великого полководца не менее великому флотоводцу.

Сергеев-Ценский отмечает немаловажную заслугу Ушакова перед русским флотом в том, что он, помимо многих командиров, воспитал достойного преемника себе, служившего под его начальством и применявшего впоследствии его приемы в войне, — Дмитрия Николаевича Сенявина. Будучи начальником Черноморского флота и командиром русской эскадры в Афонском сражении, Сенявин разгромил вдвое превосходящий турецкий флот.

Когда недалёковидный Александр I, круто изменив политику, пошел на сближение с Наполеоном, эскадра Сенявина, будучи в Средиземном море, оказалась в тяжелых условиях. Сенявин отлично понимал, что союз Александра с Наполеоном ненадежен. Требование царя о сдаче кораблей французам является поспешным и необдуманном. В этой сложной обстановке Сенявин принимает смелое решение: он уводит свою эскадру в Лиссабон. Оказавшись заблокированным сильным английским флотом, Сенявин сумел добиться выгодного для России договора о переводе судов в Англию на сохранение до конца войны без спуска русского флага, за что Сенявина назвали великим адмиралом.

Вернувшись на родину, «великий адмирал», однако, подвергся опале. Царь не мог простить ему послушания.

В деятельности Лазарева Сергеев-Ценский отмечает его заботу о повышении боеспособности Черноморского флота. Он ввел в состав флота много мелких судов, чтобы молодые офицеры получали навыки приказывать и нести ответственность за свои приказания. Он часто устраивал спортивные

соревнования. И никто лучше Лазарева не мог управлять парусами и обучить этому подчиненных. Он многое сделал для укрепления Севастополя с моря.

П. С. Нахимов — один из любимейших героев Сергеева-Ценского. О нем он писал много, писал с любовью и восхищением.

Сергеев-Ценский первым в советской литературе обратился к героической 250-дневной обороне Севастополя 1854—1855 гг.

В эпопее «Севастопольская страда»*, в военных романах эпопеи «Преображение России», в повестях, рассказах, новеллах, статьях Сергеев-Ценский воспеваает красоту народного подвига, красоту подвига отдельных героев, красоту родной природы. Вместе с тем герои его произведений, полководец ли это или флотоводец, матрос или солдат, рабочий или крестьянин, — все они живые, яркие, самобытные, запоминающиеся. Кто из нас, скажем, прочитав «Севастопольскую страду», забудет адмиралов Нахимова, Корнилова, военного инженера Тотлебена, матроса Петра Кошку, первую медсестру Дашу Севастопольскую? Они, как и другие герои эпопей, незабываемы, потому что каждый из них не жалел себя для блага отчизны.

Писатель часто обращался к истории России, кладовой своих тем и замыслов, смотрел, не остался ли кто в стороне из людей великого подвига.

«Мне надо обязательно написать повести о Чесменском и Наваринском сражениях, эпопею «Фельдмаршал Кутузов», — поделился как-то своими замыслами Сергей Николаевич и тут же дал мне толстую записную тетрадь с подробнейшим планом эпопеи о Кутузове. Потом сказал: «Еще в начале войны у меня возникла мысль написать эпопею о второй мировой войне, события которой я пережил, собрал огромное количество материалов и наблюдений...»

Писатель говорил об этом, когда были подготовлены и вчерне набросаны произведения «Зрелая осень», «Долой царя», «Приезд Ленина», «Великий Октябрь», «Врангеля в море», завершающие эпопею «Преображение России».

Сколько замыслов в восемьдесят лет!

Верилось, что он осуществит их. В этом неуемном человеке было столько творческой энергии, сил, знаний, работоспособности, он обладал такой колоссальной памятью, что

* В 1941 году «Севастопольская страда» была отмечена Государственной премией. — *Прим. ред.*

по верить ему было нельзя, тем более что «Севастопольская страда» им была написана за два с половиной года.

Сергей Николаевич и на девятом десятилетии казался не поддающимся времени богатырем, как и его Шевардин из повести «Сад», который «проделывал гимнастику с пудовыми гирями», или Андрей Силин из повести «Медвежонок», ходивший на медведя с рогатиной, или силач Никита Дехтянский из повести «Печаль полей», который «на ярмарках на потеху мясникам и краснорядцам плясал, весь обвешанный пудовыми гирями, носил лошадей и железные полосы вязал в узлы».

Помнится, в юбилейный год на прогулке в Крымских горах Сергей Николаевич легко зашагал под крутую гору, но, увидев, что мы заметно отстали, остановился и смеясь крикнул: «А ну, молодежь, подтянитесь!» Когда подошли, он не без гордости сказал: «Мне пока безразлично, под гору или с горы спускаться. Вот что значит вести трезвый образ жизни». В те памятные дни никто не мог и подумать, что роковая болезнь уже незаметно подкралась, подтачивала его силы.

3 декабря 1958 года (на восемьдесят четвертом году жизни) его не стало.

21 февраля 1958 года в статье «Берегите Отчизну», опубликованной в газете «Красная звезда», Сергеев-Ценский писал:

«Моим дорогим соотечественникам, оберегающим мир, безопасность и счастье Советской Отчизны, всем сердцем я желаю с честью хранить боевые традиции нашего славного оружия, быть и впредь достойными героического прошлого нашей замечательной Родины».

Это обращение звучит завещанием старого солдата, большого художника и патриота советским воинам.

*Валентин Козлов,
член комиссии по литературному наследию
С. Н. Сергеева-Ценского,
бывший личный секретарь писателя*

НАРОД-ГЕРОЙ

Исторический очерк

Мы видим и знаем, как отстаивает от врага Родину наш народ. Героически борются наши красноармейские части, наши летчики, экипажи судов нашего Военно-Морского Флота. Честь им и слава! Родина не забудет их подвигов, так же как не забывает она подвигов их предков.

В книгу героической жизни нашего народа на наших глазах вписываются одна за другой блестящие страницы. А книга эта пишется свыше тысячи лет, и записи первых наших историков-летописцев очень коротки.

Расселившись по обширной и плодородной равнине между Белым и Черным морями, между Уральскими и Карпатскими горами, славянские племена долгое время не сливались в единое государство: была Киевская Русь, Червоная, или Югорская, Русь (с главным городом Галичем), Новгородская Русь, Суздальская Русь с городами Суздалем и Владимиром и другие.

С юга русские земли подвергались опасности от воинственных кочевников, выходцев из Азии, которых привлекали прикаспийские и причерноморские степи. Это были тюркские племена — хазары, печенег, половцы и несколько позже татары. На северо-западе упорным и сильным врагом был так называемый Ливонский орден, или Орден крестоносцев, — прибалтийские немцы.

Положив много труда, чтобы освоить громадную равнину, освободить для пашни широкие пространства, покрытые дремучим лесом, русский народ издавна умел защищать свою землю.

Летописцы Киевской Руси оставили нам память о великом русском воине Святославе, жившем тысячу лет назад. Собираясь в поход против врагов, он неизменно предупреждал об этом: «Иду на вас — приготовьтесь!» В нем не было и тени вероломства. Войско его было на конях, поэтому, по

словам летописца, он ходил легко, как барс, не возил с собой никаких обозов, все труды и лишения походной жизни переносил, не требуя себе никаких преимуществ. «Таковы же и воины его были», — добавляет летописец.

Святослав всю свою жизнь провел в походах против хазар, печенегов и византийцев. Окруженный большим войском врагов, он обратился к своим воинам со словами: «Не посрамям земли Русской! Ляжем костями! На мертвых не будет стыда!..» Воины его дрались в этом бою, как герои, и вышли из окружения.

Воинственным вождем киевлян был и сын Святослава — Владимир, ходивший походом в Крым, покоривший Херсонес (на месте Херсонеса ныне стоит Севастополь). Ко временам Владимира приурочены народные были о богатырях, защитниках русской земли: Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и многих других. При Владимире же русский народ, бывший до того народом языческим, принял христианство от греков и тем самым приблизился к передовой для того времени византийской, греческой культуре. Монахи Кирилл и Мефодий составили для русских азбуку и начали переводить на славянский язык греческие книги.

Лет сто спустя во главе обороны русской земли от половцев твердо стоял другой Владимир, по прозвищу Мономах, сделавший за свою жизнь несколько десятков больших походов в половецкие степи. Как при нем, так и после него южнорусские города очень часто объединяли свои силы для борьбы с кочевниками, беспокойными и многочисленными. Долгая борьба в южнорусских степях кончилась тем, что половцы были вытеснены на запад. Они осели потом в долинах нынешней Венгрии.

Очень долго тянулась и борьба древнейших русских городов Новгорода и Пскова с немцами Ливонского ордена. Если теперь Гитлер объявил свое нашествие на нашу страну «крестовым походом», то это сделано им как бы в память о походах немцев против новгородцев. Эти походы тоже назывались тогда крестовыми. И если теперь кресты чернеют на немецких самолетах, то и тогда на щитах ливонских рыцарей изображались кресты (отсюда и рыцари назывались крестоносцами).

В железной броне, в железных шлемах, на конях, тоже покрытых броней из мелких железных колец, рыцари эти считались в те времена непобедимыми. Они шли плотным строем — как бы крепость на множестве конских ног. Тактический прием нападения, называемый клипом, применял-

ся ими и тогда, как применяется он теперь: русские звали немецкий клин «свиньей». Этой «свиньей» немцы разрывали строй войск противника, выходили ему в тыл.

И нужно быть гениальным полководцем, каким был призванный новгородским вечем на княжество Александр, разбивший немцев на берегах Невы, за что получил прозвище Невский, и нужно быть воинами чрезвычайной стойкости, какими были воины-новгородцы, чтобы в 1240 году, несмотря на большие силы немцев, наголову разбить их на льду Чудского озера. Уничтожая разбитое войско врага, Александр гнал немецких псов-рыцарей по льду семь верст. Уцелевшие от русских мечей немецкие рыцари были загнаны в полыньи у берега, где они и потонули.

Блестящая победа эта надолго обеспечила русскую землю с запада, но как раз в это время и Киевская Русь, и Суздальское, и Владимирское, и Рязанское княжества подверглись нашествию кочевников гораздо более сильных, чем печенеги и половцы, — татар, также пришедших из степей Азии.

Внук величайшего азиатского завоевателя Чингисхана, по имени Батый, или Батыхан, привел на Русь огромное войско — триста тысяч конников. Это войско снабжено было машинами для метания камней (артиллерия того времени) и таранами — бревнами на железных цепях — для разбивания городских стен.

Разделенная тогда на сравнительно мелкие удельные княжества, к тому же часто враждовавшие между собой, Русь не могла противостоять огромному войску татар. Русские города сжигались врагом, жители истреблялись, и Русь на очень долгие годы оставалась под татарским игмом, задавившим молодую нашу культуру. Ханские баскаки (чиновники) разъезжали по всей русской земле и собирали с населения непосильную дань.

Как победа татар была облегчена тем, что они громили русские удельные княжества поодиночке, так и власть татар над русскими длилась долго потому, что между князьями не было единения. Даже больше того, князья ездили в ханскую ставку на Волге жаловаться один на другого в надежде оттянуть кусок чужой земли, а то и целое княжество.

В это тяжелое для русского народа время и выдвинулась Москва, бывшая вначале небольшим городком Суздальского княжества. И городок был маленький, и река, на которой он стоял, тоже не из больших, но там, в тиши, под защитой лесов, постепенно накапливались силы для борьбы с татарами.

В небольшом городе зрела великая идея освобождения от «нового порядка», заведенного хапами, и, когда московский князь Димитрий, прозванный потом Донским, накопил достаточно, по его мнению, обученных ратному делу людей и заручился согласием соседних князей о помощи, он смело выступил против татарского полководца Мамай.

Встреча с татарами произошла на верховьях Дона, на так называемом Куликовом поле. С обеих сторон тут билось несколько сот тысяч людей. Бой был рукопашный, очень кровопролитный и жестокий. Сам Димитрий бился в рядах простых воинов. Татары пользовались тогда славою непобедимых, однако были побеждены русскими и бежали. Русские конные полки гнались за врагом, уничтожая его, несколько десятков километров.

Куликовское побоище так расшатало власть татар, что она вскоре рухнула. Благодаря этой славной победе русский народ вновь поверил в свои силы. Мужественное русское воинство развеяло легенду, что татар с их огромнейшими ордами нельзя победить.

Приняв на себя удар завоевателей-татар, русская земля спасла, защитила собою Западную Европу, позволила ей развивать общечеловеческую культуру, сохранила для нее свободу этого развития. Сбросив же с себя татарское иго, народ-герой навсегда избавил западноевропейские страны от самой возможности нашествия кочевников.

С тех пор над другими русскими городами поднялась Москва — собиратель земли русской. Москва положила конец очень пагубной раздробленности русского народа на мелкие удельные княжества, Москва объединила многие из них и стала столицей Московского государства.

При замечательном московском царе Иване Грозном пределы государства очень расширились. Покорив последние татарские ханства на Волге — Казанское и Астраханское, Иван Грозный присоединил к московским землям псковские и новгородские и бился за естественную государственную границу — Балтийское море. Кроме того, при нем уральские казаки под начальством Ермака Тимофеевича проникли в Западную Сибирь и «поклонились» ему этим новым обширнейшим лесным краем.

Но вскоре после смерти Ивана началось так называемое Смутное время, расшатавшее государственную жизнь до того, что пришедшие с запада иноземцы с помощью русских изменников-бояр заняли Москву и угрожали народу нашему новым игом.

Спасителями родины тогда оказались жители Нижнего Новгорода Козьма Минин и ратный воевода Димитрий Пожарский. Минин выступал перед нижегородцами с призывом постоять за русскую землю, освободить Москву, изгнать иноземцев. Все свое имущество он отдал на это дело, и воодушевленные им нижегородцы несли ему деньги и ценные вещи, а также и оружие, у кого какое было, а годные для военного дела люди собирались к нему со всей русской земли.

Начальство над полками принял Пожарский. И когда войско стало и многолюдным и обученным, Пожарский и Минин повели его выручать Москву.

И произошло нечто новое в русской истории: столицу свою отбивало у врагов и у своих же изменников войско, пришедшее из далекой провинции. И так силен был призыв патриотов, что, уступая и в числе, и в вооружении, и в знании ратного дела, русские все-таки разбили противника под Москвою, вторично разбили его в самой Москве и наконец заставили его бежать из своего священного города — собирателя Руси.

Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве — это памятник не только им, но и всем героям-нижегородцам, настоящим гражданам своей страны.

После Смутного времени народ наш укреплял свои границы на западе, отбивался от крымских татар, нападавших с юга, и вскоре объединился в одно государственное целое с украинским народом, так что Киев снова стал русским городом, и весь Днепр, старинный славянский водный путь от Балтийского к Черному морю, вошел в русские пределы. Главным деятелем этого объединения явился гетман Украины Богдан Хмельницкий.

Русская равнина, имевшая за несколько сот лет до того много государственных центров, по числу удельных княжеств, получила теперь единый центр — Москву.

Москва стала подлинным сердцем обширнейшей страны. В Москву начали приезжать посольства государств Западной Европы, из Москвы посылались, в свою очередь, послы на Запад. Она уже входила в европейскую жизнь, по настоящее «окно в Европу» суждено было прорубить в начале следующего, XVIII века царю-герою Петру I, о котором сказал Пушкин:

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

До Петра народ русский был сухопутен, так как моря — Черное, Азовское, Балтийское — принадлежали другим. Но среди иностранцев-ремесленников, селившихся в Москве, были и голландцы — природные моряки. Голландцы-плотники построили русскому царю бот, ходивший на парусах. С этого бота и началось строительство военно-морского флота.

Потом пошло: азовские походы, балтийские походы, основание Петербурга на устье Невы и перенесение туда столицы, двадцатилетняя война со шведами за балтийское побережье, громкая победа младенчески юного русского флота над старым шведским при Гангуте (ныне Ханко), еще более громкая победа над шведами под Полтавой.

Петр едет за границу, чего не делал ни один из русских царей; Петр — на Кавказе, в Дербенте; Петр — в Архангельске; Петр строит Петрозаводск; Петр строит каналы на севере; Петр — на реке Пруте... везде Петр!.. При Петре Московское государство стало называться Россией.

При таком не знавшем усталости реформаторе, говорившем: «промедление невозвратимой смерти подобно», преобразился и русский воин — и внутренне и внешне.

Появились офицеры и генералы, фельдмаршалы, как в иностранных армиях, — прежде не было таких названий. Чтобы стать офицерами, дворянские дети должны были учиться арифметике, навигации и прочим мало распространенным до того на Руси наукам.

Учились и в России, в основанных Петром школах, посылались учиться за границу, — все учились, всему учились, и новый русский воин, по крайней мере командный состав, стал уже не хуже врагов разбираться в военной науке.

На Западе русский народ вошел в славу, особенно при дочери Петра Елизавете, когда Россия вступила в союз западных государств — Франции и Австрии — для войны против короля Пруссии Фридриха II, считавшегося непобедимым полководцем.

Русские войска появились тогда в прусских пределах и в сражениях при Цорндорфе и Кунерсдорфе так разгромили немцев, победителей французов и австрийцев, что вся армия Фридриха рассыпалась кто куда, и он остался полководцем без солдат и рисковал остаться королем без королевства, так как и столица его, Берлин, была взята русскими войсками.

Фельдмаршал Салтыков, русский главнокомандующий, так доносил тогда Елизавете: «Что до российских гвардей-

цев касается, могу сказать, что противу их устоять пикто не может, а сами они, подобно львам, презирают свои раны».

Фридрих же пустил крылатую фразу: «Русского солдата мало убить, его надо еще и повалить на землю». Такова была аттестация русскому воину, выданная его врагом; необычайной стойкостью его, мужеством, героизмом объяснял прусский король свое неслыханное поражение. И никогда до того, даже при Петре, не пользовалась русская армия такой славой в Европе, как после этой войны.

Фридрих II до самой смерти своей не переставал удивляться отваге русских воинов и неослабно следил за их действиями в войнах при Екатерине II за овладение берегами Черного моря. Особенно поразила Фридриха победа екатерининского генерала Румянцева, имевшего под своим начальством всего семнадцать тысяч солдат, над огромной, полуторастатысячной армией турок при Кагуле. Спустя несколько лет молодой русский полковник Михаил Илларионович Кутузов приехал в Берлин долечиваться от своей тяжелой раны в голову, семилинейной круглой турецкой пулей навывлет. Фридрих пригласил его к себе во дворец как участника сражения при Кагуле, где один русский воин сражался против девяти турок и победил.

Прусский король не мог понять, как русский полковник сумел обмануть смерть: у Кутузова была сквозная рана в голову — пуля вошла около левого глаза и вышла в правый глаз. Вскоре Кутузов вторично обманул смерть: через два года он был ранен под Очаковым, и тоже в голову навывлет, и врачи, увидев его рану, только безнадежно пожали плечами, а он не только выжил, но еще и прослужил после того в армии лет сорок, брал при Суворове Измаил, сражался с Наполеоном как фельдмаршал и выгнал его из России.

Кутузов был любимый ученик Суворова Александра Васильевича, первого русского генералиссимуса, что считалось выше фельдмаршала.

Когда поэт времени Екатерины II Державин задумался над тем, какую бы эпитафию в стихах написать на могилу Суворова, у него вышло только три слова: «Здесь лежит Суворов». Стихи он признал излишними: Суворова все знали и без похвальных стихов.

О Суворове можно сказать, как о Святославе: «Легко ходил, как барс... таковы же и войны его были». «Суворовские переходы», «суворовские форсированные марши» вошли в обиходный язык.

У Суворова был свой язык, очень образный и вполне понятный русским воинам, которых он называл чудо-богатырями. Он сражался с ними против немцев при Елизавете, против турок при Екатерине, против французов в Италии при Павле и не проиграл ни одного сражения.

Он любил говорить о себе: «Я — солдат», и был действительно всю жизнь солдатом, очень простым в своих привычках. Он добивался и добился того, чтобы обмундировка его чудо-богатырей была наиболее простой и удобной. Он говорил: «Костюм солдата должен быть таков: встал — и готов!»

До сих пор показывают туристам в Альпах «дорогу Суворова», по которой не могли бы пройти никакие войска, кроме русских, — таково мнение всех военных специалистов. «Терпи холод, голод и все солдатские нужды», «Если тебе плохо, знай — неприятелю еще хуже», «Сам погибай, а товарища выручай» — это все заветы Суворова. При нем каждый русский воин «знал свой маневр», то есть действовал по-суворовски: «глазомер, быстрота, натиск!» Суворовской школы были не только генералы, как-то: Кутузов, Багратион, Милорадович, Раевский, Ермолов и другие, но и множество солдат во множестве полков, и они проявили себя, когда русскому народу пришлось отражать нашествие наполеоновских армий в 1812 году.

Наполеонова армия в 610 тысяч человек была для того времени невиданной. Казалось, что она вполне была способна в кратчайший срок раздавить силы России. Однако в кратчайший срок была раздавлена и уничтожена она сама.

Тогда героями были не только русские солдаты и ополченцы, но и весь народ, начавший партизанскую войну с врагом. Армия Наполеона погибла почти вся в пределах России (едва ли тридцать тысяч из нее добрались до Франции), причем погибла она не от морозов, а под непрерывными ударами русских войск и партизан. Наполеон, перейдя реку Березину вместе с армией, насчитывающей еще сто тысяч, бросил потом остатки ее и поспешно бежал во Францию 5 декабря, — значит, все нашествие кончилось еще до наступления настоящей зимы.

Бородинский бой под Москвою, в котором французы потеряли треть всех своих сил, дошедших до Москвы, остался на целый XIX век непревзойденным по своей ожесточенности. Наполеон впоследствии говорил о нем: «Из всех данных мною сражений самое ужасное то, какое я вел под Москвою».

Великое упорство русского воина в этом бою заставило его добавить: «Здесь русские приобрели право считаться непобедимыми».

Это «право непобедимости» русский солдат и русский матрос показали миру через сорок с лишним лет после Бородинского боя, защищая от натиска четырех держав Европы наспех сооруженные бастионы Севастополя в течение почти целого года.

Крымская кампания 1854—1856 годов была начата интервентами с большим размахом, но ограничилась только несколькими городами на побережье Крыма и Приазовья благодаря упорной защите Севастополя моряками Черноморского флота и пехотинцами. По словам поэта того времени,

...Одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хранила сынов ее смелых.
Но росла и росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали, —
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!

Двадцать лет спустя, в войне 1877—1878 годов за освобождение балканских славян, русские воины стойко выносили «холод, голод и все солдатские нужды», то есть то самое, от чего будто бы погибла армия Наполеона I в России.

Если предводимые Суворовым русские войска совершили беспримерный переход зимою через Альпы, то в войну 1877—1878 годов, также зимою, русские перевалили с боями через Балканский хребет.

С особенной силой и яркостью стойкость русского воина проявилась во время гражданской войны, когда героическая Красная Армия, не имевшая еще достаточно оружия и обмундирования, разгромила прекрасно одетые, обутые и снабженные вдоволь техникой, продовольствием и боеприпасами армии белогвардейцев и интервентов четырнадцати держав!

В одной из официальных немецких газет последнего времени говорилось по поводу наших красноармейцев, что они могут вести войну, в таких условиях, которые считали бы для себя невозможными солдаты всех других европейских армий. Это сказано было, разумеется, в объяснение того, что «молниеносная» война провалилась, но вместе с тем это невольная дань признания, вырванная героизмом советских бойцов у наших заклятых врагов — гитлеровцев.

Внуки суворовских чудо-богатырей оказались достойными дедов.

Откуда же все-таки эти черты геройства, присущие русскому народу?

Если какой-либо народ живет издавна на берегах моря, причем берега эти изрезаны удобными бухтами, то вполне естественно, что народ этот даст опытных и отважных моряков, привыкающих владеть изменчивой водной стихией. Степи рождают лихих конников; горы вырабатывают энергичный тип людей, так и называемых горцами; леса — охотников, метких стрелков, следопытов.

Но обширнейшая Родина наша, простирающаяся на север до полюса, на юг — до Ирана и Китая, на восток — до Тихого океана, имеет в изобилии все, перечисленное выше, и длиннейшую линию морских и океанских берегов, и степи всех видов, и леса (до миллиарда гектаров у нас лесов!), и горные хребты, местами растянувшиеся на тысячи километров, с вершинами, покрытыми вечным снегом.

Настойчивый, выносливый, упорный в достижении своих целей, всюду проник великий землепроходец — русский человек! Поморы Крайнего Севера, эти кряжистые люди, уходящие на своих иолах и карбасах бить морского зверя на островах Ледовитого океана, — им ли занимать у кого мужества и геройства!.. Они дали некогда родине великого русского ученого Ломоносова, а герой в науке то же, что и герой на войне. Они открыли и освоили, как охотники, то, что до них было только «белым пятном» на картах мира.

Сибирские казаки пробивались по своим многоводным рекам через тайгу и тундру в тот же Ледовитый океан и часто оставались там на зимовье. За исключением таких, как братья Лаптевы, Семен Дежнев, и нескольких других, они не оставили нам даже и своих имен, а между тем они отважнейшие путешественники, исследователи планеты Земля.

Преодолевая бесконечные девственные леса, дикие горы, бесплодные песчаные пустыни, русские люди не то чтобы «отправлялись в экспедиции», они просто жили в тех условиях, в какие попадали, и эта «простая жизнь» из года в год, из поколения в поколение, из века в век создала того типичного русского человека, которому не страшны никакие труды и лишения войны, который привык смотреть в лицо опасности не мигая.

В этой страшной борьбе не на жизнь, а на смерть, какую ведем мы сейчас с германскими полчищами, героями

ведут себя и женщины, боевые подруги бойцов и партизан, и даже дети, чего гитлеровцы не видали нигде на Западе.

Как ни молоды наши Красная Армия и Военно-Морской Флот, но они сверху донизу, от маршалов до рядовых бойцов, проникнуты идеей защиты Родины от подлых захватчиков, а эта идея мастита и величава. Она рождает героев.

Когда-то Петр I писал по поводу своей победы при Полтаве: «Непобедимые господа шведы хребет свой показали!»

Мы видим, как показали уже хребет свой и «непобедимые господа немцы».

«Доброе начало — половина дела» — говорит пословица. От мала до велика мы все уверены в том, что вторая половина нашего общего дела не за горами.

Народ-герой побежденным быть не мог и побежден не будет, а кровожадный, подлый враг не будет владеть нашей землей.

1941 г.

ГЕРОИЗМ РУССКИХ МОРЯКОВ

Исторический очерк

о Петра I военно-морского флота в России не было. Русское московское государство было континентальным. По Белому морю плавали летом только поморы, бывшие морских зверей и собиравшие на островах гагачий пух, а по Каспийскому астраханские купцы вели малую торговлю с персами. Балтийское море, выведившее в культурные страны Европы, как и Черное, было отрезано, и, по существу, вся деятельность Петра свелась к тому, чтобы отвоевать берега этих двух морей и на них закрепиться.

Началось с азовских походов. Занят был город Азов при устье Дона, как ключ к Азовскому морю, но дальше этого не пошло.

Война со шведами из-за берегов Балтийского моря велась 21 год. Для этого строились оружейные и пушечные заводы вблизи и вдали от фронта; для этого проводились северные каналы; для этого был построен Петербург, в который переселился Петр, объявив его столицей; для этого строился и флот, военный и торговый.

Не зря сам Петр ездил в Голландию учиться корабельному делу. Он, родившийся в Москве, вдали от морей, по-

чему-то оказался неукротимым моряком, влюбленным в море. Под непосредственным руководством Петра младенчески юный русский флот одержал над старым шведским блестящую победу при Гангуте (ныне Ханко).

Заслуги Петра перед нашей страной, которую он принял закупоренной, а оставил морской, с широко прорубленным окном в Европу, совершенно исключительны. Грановский писал о нем: «Он дал нам право на историю и на века вперед указал нам наше призвание».

Чтобы дать флоту образованных офицеров, Петр завел навигационную школу, учеников которой экзаменовал сам. Сам же он служил во флоте образцом героизма. Чувствуя себя на море как в родной стихии, он не прятался от противника за многочисленными островами Финского залива, а искал его, чтобы напасть на него и разбить. Он создавал у первых моряков-балтийцев крепкие традиции активности, воспитывал неуклонное стремление к победе.

Робкого, ученического периода русский флот не знал.

Петр привлекал к себе на службу во флоте «морских волков»: голландцев, англичан, скандинавцев — и как знаток дела не ошибался в выборе.

Он не успел сам лично побывать в водах Тихого океана, омывающих берега Дальнего Востока, но снаряжал туда экспедиции с научной целью, в результате чего появились довольно точные карты тех берегов.

Идея Петра укрепиться на теплом Черном море была подхвачена Екатериной II, при которой был создан Черноморский флот.

Когда в 1787 году Екатерина совершила феерическое путешествие в присоединенный к России Крым, Потемкин смог уже показать ей в севастопольских бухтах не один десяток вполне оснащенных и вооруженных кораблей и фрегатов.

Правда, эти первые суда были плохи. Они делались в Херсоне и Севастополе, были тихоходны, валки и из сырого леса.

Черноморские моряки, прибывшие сюда на службу из Балтики, покрыли славой и себя и русский флот. Из их среды выдвинулся такой великий флотоводец, как адмирал Ушаков — морской Суворов, — победитель во всех сражениях, какие ему пришлось вести.

До него петровские традиции в русском флоте поддерживали адмиралы Спиридов, Орлов-Чесменский, Грейг, благодаря которым русский флот заставил говорить о себе

всю Европу. В их руках были уже испытанные балтийские моряки на испытанных судах.

Воспитанник петербургского Морского корпуса, Ушаков, сам отличный моряк, сумел так воспитать матросов и командиров, что они действовали во время самого жаркого боя, как на практическом ученье.

Представляя моряков к наградам после одной победы, Ушаков так писал о них: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей: они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такой сноровкой, что казалось, каждый учится стрелять по цели».

Меткая стрельба моряков, их способность быстро маневрировать, их хладнокровие в бою обращали численно превосходящего противника в бегство.

После смерти Екатерины сын ее Павел I вступил в союз с Турцией против Франции, и Черноморский флот был призван действовать в Средиземном море вместе с турецким против французов.

Любопытно, что, хотя турецким флотом командовал полный адмирал Кадыр-бей, а русским — вице-адмирал Ушаков, султан все же приказал Кадыр-бею быть в подчинении у «паши Ушака» и старательно учиться у него науке побеждать.

Союзником Ушакова в эту кампанию был знаменитый английский адмирал Нельсон, только что уничтоживший французский флот в сражении при Абукире, у дельты Нила. На общем собрании был принят план Ушакова — прежде всего атаковать французов, занявших Ионические острова, населенные греками и раньше принадлежавшие Венеции.

Русские моряки разгромили одно за другим французские укрепления и захватили острова, за исключением самого большого из них, Корфу, где была старинная и сильная, высеченная в скалах крепость, считавшаяся неприступной. Крепость охраняли 3 тысячи человек гарнизона и 650 орудий. Она была обильно снабжена боеприпасами и продовольствием.

Вся Европа следила за действиями русских моряков около этой неприступной твердыни, простоявшей века. Положение Ушакова затруднялось тем, что часть русской эскадры была брошена на другие многочисленные острова. Экипажи русских судов, блокировавших Корфу, терпели во всем большой недостаток. Зима и в Ионическом море была зимой — со штормами и проливными дождями или снегом. Ждать помощи от Турции было нечего, так как она всячески задерживала снабжение даже своей эскадры, не только

русской. Эскадра, посланная удивлять подвигами Европу, не была обеспечена даже снарядами. «Недостатки наши, бывшие при осаде Корфы, во всем были беспредельны, — доносил Ушаков об этом в Петербург. — Даже выстрелы пушечные должно было беречь для сильной и решительной атаки, посему не мог я постоянно наносить желаемого вреда неприятелю».

Не было снарядов, не было также и муки для хлеба, не было обуви у матросов, изнасилась одежда, и «пришлось купить до тысячи капотов», чтобы из них выкроить что-нибудь для матросов. А между тем только они, свои, черноморские матросы, одни и работали не покладая рук. «Наши люди, — писал Ушаков, — от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность; они работали в дождь, в мокроту, в слякоть, или же обмороженные, или в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались».

Результаты этих стараний матросов, ставивших батареи на берегу, против крепости, удивили действительно весь мир: неприступная до того крепость на острове Корфу была взята штурмом, длившимся всего только шесть часов.

Суворов, который в то время тоже воевал с французами в Италии, был восхищен подвигами русских моряков. «Сожалею, — говорил он, — что не был при этом хотя бы мичманом!» Нельсон прислал Ушакову поздравительное письмо.

Среди командиров кораблей эскадры Ушакова был Сенявин, которому пришлось при преемнике Павла — Александре I — снова, уже будучи вице-адмиралом, привести в Ионическое море русские суда, на этот раз Балтийского флота.

Противниками русских были и тогда тоже французы, только Франция была уже не республикой, а империей, и на троне ее сидел Наполеон I.

Русская эскадра держала в страхе французские гарнизоны на побережье Ионического и Адриатического морей, неоднократно высаживая десанты для сражений с ними, например в Далмации. Но изменчивая политика Александра I, приведшая его в 1807 году к миру с Наполеоном, поставила русских моряков в щекотливое положение. Не подчиниться приказу Александра — покинуть бассейн Средиземного моря и идти в Россию — Сенявин не мог, однако подчиниться ему медлил, считая этот политический шаг императора ошибочным: мириться с Наполеоном, стремившимся к мировому господству, по мнению Сенявина, было немислимо, и он все ждал отмены этого приказа.

Но приказ был подтвержден, пришлось уйти; подвиги

русских моряков в чужих водах оказались совершенно напрасны. Необычайной силы шторм заставил нашу эскадру отставаться и перейти на ремонт в гавани Лиссабона. Когда же французы заняли этот город и Наполеон на основе дружбы с Александром вздумал стать хозяином русских кораблей и русских моряков, Сенявин решился на самостоятельный шаг: он договорился с командиром английской эскадры, блокировавшей в то время Лиссабон, и русская эскадра под своим флагом пошла в Англию, хотя Александр по договору с Наполеоном должен был поддерживать направленную против Англии континентальную блокаду.

Конечно, Александр до самой смерти своей не простил этого шага Сенявину и, уволив его в отставку, не принял вновь на службу даже во время нашествия Наполеона на Россию.

Менялась политика русского правительства в зависимости от положения в концерте европейских держав: вчерашние враги становились союзниками, друзья — врагами. Но доблесть русских моряков всегда оставалась неизменной.

Нужно сказать, что моряки наши при том же Александре I, хотя и не любившем флота, вышли уже на океанские просторы. Между прочим, Александру в 1818 году пришла мысль послать два брига для отыскания Южного полюса. Плавание это было богато открытием многочисленных, неизвестных до того островов, получивших названия «Бородино», «Тарутино», «Березина», «Смоленск», «Кутузов», «Багратион» и пр. — в память незадолго перед тем бывшей Отечественной войны. И хотя суда наши не дошли до полюса из-за сплошных ледяных полей, все же они подошли к нему ближе, чем суда всех исследователей Южной Арктики до этой экспедиции.

Плавание в Южном Ледовитом океане требовало от матросов и офицеров очень большой выдержки, выносливости, способности управлять парусами во время любой непогоды. Это была первая экспедиция русских моряков в неведомые до того воды и льды, и они выполнили ее с честью и с большой пользой для науки.

Одним из бригов командовал Лазарев, будущий адмирал, много поработавший над укреплением Севастополя, над увеличением мощи Черноморского флота.

Когда на престол Франции взобрался Наполеон III, племянник Наполеона I, он сделал все, чтобы поднять Турцию на войну с Россией, обещав ей всемерную помощь.

Осенью 1853 года началась эта война, которая привела к осаде Севастополя с суши при блокаде с моря.

Никогда, ни раньше, ни позже, вплоть до современной Отечественной войны, русские моряки не проявили столько беззаветного героизма, как во время обороны Севастополя.

Каждый человек наиболее силен, когда он в своей привычной стихии. Но моряки-черноморцы действовали тогда не на море, а на суше, бок о бок с солдатами, защищая свой родной порт и город как артиллеристы на бастионе, как участники почти каждую ночь повторявшихся вылазок, прочно вошедших в систему обороны. Напряженнейшие бои за Севастополь тянулись почти целый год (349 дней).

Моряки научили пехотинцев севастопольского гарнизона спокойно стоять под ураганным огнем противника даже тогда, когда генеральные сражения длились по десяти и более дней подряд. Площадка бастиона была для них той же палубой корабля, и когда на бастионе после выстрела откатывалось орудие назад по деревянному настилу, то раздавалась команда: «Орудие к борту!» Да и орудия эти в большинстве были сняты с кораблей.

Моряки с песнями шли на бастионы, даже на такой опасный, как четвертый, находившийся под интенсивнейшим перекрестным огнем многочисленных осадных батарей. Чуть только выбывал матрос у орудия, его немедленно заменял, как на корабле, другой матрос.

Весь стиль лихих вылазок, чрезмерно выматывавших противника, создан моряками, неизменно стоявшими во главе каждой вылазки.

Презрение к смерти, какое обнаруживали на каждом шагу моряки, вело, конечно, к большим потерям и вызвало даже приказ «отца матросов», адмирала Нахимова, который пытался разграничить «удальство» и «храбрость». «Не удальство, — говорил он, — а только истинная храбрость приносит пользу отечеству, и честь тому, кто умеет отличить ее в своих поступках от первого».

Но как и самому Нахимову, так и любому из моряков трудно было отличить удальство от храбрости: слишком напряженной была обстановка знаменитой обороны. И так велик был патриотизм моряков, что многие из них, закаленные в боях, плакали, когда по приказу главнокомандующего Горчакова вынуждены были взрывать и покидать родные бастионы.

Имена учеников Лазарева — адмиралов Нахимова, Корнилова, Истомина, Новосильского, Панфилова, капитанов 1 и 2 ранга Юрковского, Зорина, братьев Перелешиных, Будищева, Бутакова, Руднева, лейтенантов Бирюлева, Белкина, Завалишина, Стеценко, Никонова и других, а также многих

матросов, начиная с легендарного храбреца Кошки, Болотникова, Шевченко и других, навсегда остались в истории этой войны, а частью — в памяти народной.

Военные пароходы, которых было всего шесть, малосильные, колесные, но с лихими командами, нередко помогали гарнизону Севастополя при отражении штурмов. Они подходили к берегу на самую близкую дистанцию, необходимую для действия картечью. Они же выручили и отступавшую после Инкерманского боя армию нашу, на которую наседали французы.

Упорнейшая, доблестная защита Севастополя до того измотала силы французов, что они первые заговорили сначала о перемирии, а потом о мире. И мир, который был заключен тогда, никак нельзя назвать иначе, как только почетным.

Известно, что о Бородинском бое Наполеон I говорил: «Здесь русские приобрели право считаться непобедимыми». Это право подтверждено было защитой Севастополя, отбившей у союзных армий всякую охоту идти после оставления нашими бойцами севастопольских руин не только в глубь России, но даже и в глубь Крыма.

Русские моряки вправе гордиться тем, что благодаря главным образом черноморцам спасено было достоинство России.

Капитан 2 ранга Руднев молодецки командовал тогда пароходом «Херсонес» и спас его при общем затоплении оставшихся после очищения Севастополя судов. Другой Руднев в начале русско-японской войны, командуя крейсером «Варяг», принял бой у Чемульпо, на Дальнем Востоке, с целой японской эскадрой. Высадив после боя с израненного судна команду, он затопил его и канонерскую лодку «Кореец», открыв кингстоны, но не сдал японцам. Так же самоотверженно сражался в одиночку с целым отрядом японских судов и миноносец «Стерегущий», погибший в этом бою. Герейски сражались с эскадрой Камимуры крейсера владивостокского отряда «Рюрик», «Богатырь» и «Россия».

Большой героизм и доблесть проявляли русские моряки, и если неудача постигла наш Балтийский флот в генеральном сражении при Цусиме, то в этом виновато морское министерство того времени. Именно оно сочинило заведомо нелепый поход старых в большинстве кораблей вокруг света для встречи с отлично подготовленным и несравненно более сильным японским флотом в японских же водах, где постоянно совершались маневры флота и была пристреляна каждая пядь Цусимского пролива.

Отголоском Цусимы, где погибло много балтийцев, явилось восстание черноморцев на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков», послужившее сигналом к революции 1905 года.

Матросы, хранившие традиции непобедимости, не могли иначе реагировать на Цусиму. Это слово стало нарицательным и понималось как крушение, разгром не столько флота России, сколько русского правительства, бездарного, жестокого, паразитического, невежественного и отгороженного непроходимой бездной от трудящихся масс.

Матросы того времени были поголовно грамотны, так как безграмотных во флот не посылали при наборе. Если матросам старого, парусного флота приходилось иметь дело только с парусами и орудиями, то матросы парового флота с первых дней призыва ставились к разнообразным машинам, с которыми знакомились как практически, так и теоретически. Эти особенности флотской службы резко отличали матросов от солдат пехоты или кавалерии, тем более что обязательная служба во флоте была гораздо продолжительнее, чем в сухопутной армии.

Броненосец «Потемкин» был сильнейшим кораблем Черноморского флота. Алый флаг революции, поднятый его героическим экипажем с матросом Матюшенко во главе, был подхвачен потом рабочими всей России. Начались забастовки железнодорожников, остановились фабрики и заводы в Москве, на Красной Пресне, появились баррикады...

Большую деятельность по обороне страны черноморцы развили во время первой мировой войны. Два германских крейсера, «Гебен» и «Бреслау», появились в Черном море.

При первой же бомбардировке Севастополя, открытой этими крейсерами, черноморцы вышли из Северной бухты в море, вступили с ними в бой и повредили оба крейсера так, что после они долго чинились.

И впоследствии, во все время войны, черноморцы являлись господами положения на своем море.

Моряки-балтийцы во время этой войны, имея дело с гораздо большими вражескими силами, часто наносили им крупные потери, в общем итоге значительно большие, чем понесли сами.

Нужно помнить, что все вообще действия флота в Балтийском море несравненно труднее, чем в Черном, вследствие частых туманов, почти постоянной плохой видимости из-за ненастной погоды, чрезвычайного обилия подводных камней у берегов и не меньшего обилия мелких островов, очертания которых обыкновенно скрываются в дожде и ту-

мане. Так что все боевые действия балтийцев обычно осложнялись обстановкой, в которой приходилось действовать.

Большую роль сыграли наши матросы в Великой Октябрьской социалистической революции как на юге, где действовали черноморцы, так и на севере — в Кронштадте, где ярко проявили себя балтийцы.

Всем известно, как крейсер «Аврора» навел орудия на Зимний дворец, как матросы появились с винтовками в зале Учредительного собрания и матрос Железняков закрыл это собрание; все знают, какую поддержку в матросах-балтийцах нашел Ленин...

Геройски вели себя и матросы-черноморцы в боях за Советскую власть, против татарского курултая, затем против генерала Каледина в Ростове-на-Дону, против Корнилова, против Деникина и других мрачных деятелей махровой реакции.

Фигура матроса-«братишки», в бушлате, в бескозырке с лентами, с винтовкой за спиной и гранатами за поясом, прочно вошла в историю гражданской войны и нашла выразительные образы в произведениях наших писателей, драматургов и поэтов.

Новый флот — советский — вырос за последние двадцать лет на Балтике, на Черном море, на Дальнем Востоке, на Севере. В войне с белофиннами зимою 1939/40 года проявил себя Краснознаменный Балтийский флот, но эта война была только репетицией к той войне, которую старательно готовил против нас и вероломно начал 22 июня германский фашизм.

Моряки Северного военно-морского флота, Балтики и Черноморья стали на защиту морских границ от врага, накопившего огромные средства нападения. В первые же дни войны мы услышали о нападении с воздуха на Севастополь, на Одессу, на Ленинград — три портовых города, которые впоследствии подверглись осаде; несколько позже воздушные силы врага, собранные в Финляндии, неоднократно пытались обратить в развалины Мурманск.

Геройски упорно борются с сильным своей техникой врагом моряки наших кораблей, надводных и подводных, и летчики флота.

Громя румынские порты Констанцу и Сулин, уничтожая с воздуха нефтезаводы Плоешти, взорвав мост через Дунай, потопив несколько подводных лодок и транспортов противника, доблестные черноморцы нанесли большие потери румынским и немецким войскам, сильно затормозив их продвижение на юг.

Только благодаря деятельному участию флота и морской пехоты удалось на два месяца задержать многочисленные немецкие и румынские дивизии под Одессой, окруженной и отрезанной от наших сухопутных сил.

Севастополь сейчас, как и 87 лет назад, отстаивают моряки-черноморцы, и внуки оказались достойными дедов.

Огромные силы брошены врагом на Севастополь. Тут есть и румынские части, и итальянские, но в большинстве это немцы группы Клейста, назначение которых было захватить Кавказ. Один поток их отбит от Ростова — «ворот Кавказа», другой прикован к нашей твердыне Черноморья.

Славную защиту Одессы повторяют севастопольцы-моряки: в ней участвуют те же корабли, те же летчики Черноморского флота. Морская пехота и экипажи некоторых судов занимают передовые позиции, отбивают вражеские атаки артиллерийским, минометным, пулеметным огнем и сами очень часто переходят в контратаки, так как борьба на подступах к городу ведется буквально за каждый метр земли.

Взятие нашими доблестными частями Красной Армии во взаимодействии с моряками-черноморцами города Керчи закрыло «вторые ворота на Кавказ» немецким захватчикам.

Растут и растут ряды героев-севастопольцев, и когда-нибудь со временем будет написана эпопея потрясающей силы о подвигах моряков-черноморцев в эту войну.

С первых же дней Отечественной войны стали на страже наших берегов и краснознаменные балтийцы. Они защищали Таллин, острова у входа в Рижский залив и многочисленные острова Финского залива.

Крупным событием в деятельности балтийцев явилось потопление в одну ночь 13 больших немецких транспортов с пехотой и 2 сопровождавших их миноносцев, причем еще 13 транспортов было подожжено, а спустя несколько дней были уничтожены 11 транспортов и огромный танкер.

Дорого стоили немцам бои балтийцев за остров Эзель в середине сентября. Тогда были уничтожены 5 больших транспортов, вмещавших по 2½ тысячи пехоты каждый, и до 80 мелких, а также 2 миноносца и 10 торпедных катеров из охраны. Эти геройские действия балтийцев предотвратили высадку большого десанта вблизи Ленинграда.

Подводные лодки проникали в гавани врага и производили там опустошения, а летчики-балтийцы совершали налеты на Кёнигсберг и другие немецкие порты и города.

Когда же громадные мотомеханизированные армии врагов подошли к Ленинграду, балтийцы стали на его защиту.

В сообщениях Информбюро неоднократно отмечалось, как крейсер «Киров» и другие крупные корабли поражают снарядами своих дальнобойных орудий укрепления противника и его живую силу; как самоотверженно действуют отряды морской пехоты, отражая натиски немцев на подступах к городу Ленина; сколько героев из своей среды выдвинули летчики-балтийцы, оберегающие город от бесчисленных попыток воздушных ппратов разрушить его.

Та же боевая страда выпала на долю краснофлотцев и командиров, а также летчиков молодого Северного флота. Там, на не замерзающих благодаря Гольфштрему водах Баренцева моря, идет непрерывная борьба с немецкими транспортами, стремящимися высадить десант на мурманском берегу, с подводными лодками и другими вражескими кораблями мелкого тоннажа, а также с эскадрильями фашистских бомбардировщиков.

И до сих пор недосыгаемым остается для врага самый северный из наших европейских портов — Мурманск, охраняемый частями Красной Армии и Северным флотом.

Наш Военно-Морской Флот во многом отличается по своим возможностям и действиям от флота даже первой мировой войны, не говоря о временах более ранних: так много новых средств и способов борьбы на воде, над водой и под водой введено на наших глазах. Но практика войны заставляет неуклонно и неустанно совершенствовать эти способы, применяясь к неожиданным обстоятельствам, в которых протекает борьба.

Тут мало одного мужества: нужна еще и находчивость, быстрая сметка, или, как пишут немцы, говоря о наших бойцах, «хитрость». Этой «хитростью» в должной мере наделены наши краснофлотцы, и со временем, когда будет писаться история этой ужаснейшей из всех войн, в нее войдут «хитрые» приемы борьбы, применяемые нашими краснофлотцами в исключительно трудных положениях, в какие их ставит предприимчивый противник.

Пока же можно сказать, что знамя доблести, завоеванное предками наших героев моря и воздуха, попало в надежные руки.

Руки эти молоды, но знамя героев они держат крепко, и пезаятнанным получают его из этих рук моряки-наследники.

АДМИРАЛ Ф. Ф. УШАКОВ

Исторический очерк

I

Борьба России за обладание северными и восточными берегами Черного моря и за возможность свободного плавания по этому морю началась давно, еще с азовских походов Петра I, но замерла надолго после неудачи, постигшей его прутский поход в 1711 году.

Однако его мысль строить большие суда на реках, впадающих в море, чтобы потом появиться на море с целым флотом, вполне оснащенным, вооруженным и грозным для неприятеля, не заглохла — она возродилась при Екатерине II. Тогда блестящие победы русских солдат, предводимых Румянцевым, Суворовым, Потемкиным, сломили силу сопротивления сухопутных турецких армий и навсегда закрепили за Россией Приазовье и Причерноморье, включая и Крым; тогда же на помощь им вышли на морской простор весьма неуклюжие, очень валкие, однако снабженные лихими командами, построенные на Дону, Днепре и Буге суда, и, хотя больше из них было гребных, чем парусных, все-таки они делали свое дело.

Окончательное, в 1783 году, присоединение Крыма к России дало возможность Потемкину основать и настоящий морской флот, и стоянку для него — порт Севастополь; а славные страницы в историю Черноморского флота суждено было вписать принявшему над ним начальство Федору Федоровичу Ушакову.

Родился Ушаков в 1745 году в глуши Тамбовской губернии, в Темниковском уезде, в семье весьма обедневшего помещика, который не мог дать приличного образования своему сыну по недостатку средств. Подростком Федя Ушаков, вооружась рогатиной, ходил со старостой на медведя и вообще больше развивался физически, чем умственно, а читать-писать учил его сельский поп.

При императрице Елизавете основан был в Петербурге Морской кадетский корпус в 1752 году, туда-то и удалось устроить Ушакова кадетом непосредственно после его охоты на медведей; было ему в то время шестнадцать лет.

Морской корпус представлял тогда собой подобие киевской бурсы, в которой воспитывались сыновья Тараса Бульбы. Суровое было это учебное заведение, несколько сот пи-

томцев которого готовились для борьбы с морскими бурями, но почему-то вне корпуса, в обычных условиях общежития, были совершенно невозможны по своей исключительной необузданности и грубости.

Многому научиться в корпусе Ушаков, конечно, не мог, и выручил его только большой природный ум. Свою офицерскую службу начал он в Балтийском флоте, а в Черноморский — точнее, Азовский — переведен был в 1768 году, но участия в боевых экспедициях не принимал, а только содействовал постройке судов в Таганроге, доставляя с севера по Дону лес для этой цели.

Но вот князь Долгоруков во главе 45-тысячной армии занял в 1771 году весь Крым, проникнув в него через Перекоп и Арабат, и Крым объявлен был независимым от Порты, что явилось переходной ступенью к его включению в состав России.

Азовская флотилия вышла в Черное море для охраны берегов Крыма, так как татары не имели своих судов. Лейтенант Ушаков получил тогда под командование палубный бот «Курьер» и на нем отправился из Таганрога через Керченский пролив сначала в Кафу (Феодосия), а потом даже и в Балаклаву.

Флот, вышедший из устьев рек в Черное море, был тогда еще очень слаб, но зато и турецкие крупные суда были прикованы тогда к Дарданеллам, которые блокировались русским Балтийским флотом под общей командой адмирала Спиридова. Этот последний флот, разделенный на несколько эскадр, сумел нанести несколько поражений турецким морским силам и держал их в страхе.

Однако оттоманское правительство никак не могло примириться с мыслью о потере Крыма, и довольно часто крейсировали у крымских берегов турецкие суда, высматривая удобные места для десанта в целях оказать поддержку татарам для борьбы с русскими оккупационными войсками. Также оружие и порох доставлялись татарам с этих судов, так что русские флотилии должны были нести вдоль берегов сторожевую службу и нередко вступать в перестрелку с противником гораздо более опытным и лучше снаряженным.

Это была боевая школа Черноморского флота, находившегося еще в младенчестве. Однако и тогда не было в нем недостатка в смелых и уверенных в себе людях. К их числу принадлежал и лейтенант Ушаков, которому дан был в командование уже не бот, а корабль. Но надобно сказать, что громкое название кораблей присвоено было в те времена

старым и ветхим судам, имевшим на бортах по 20 и даже по 16 малокалиберных пушек, да и подобных «кораблей» было во флоте всего только восемь.

Корабль «Модон», данный в командование Ушакову, был до такой степени ветхим, что его не решились даже выпускать из Балаклавской бухты, где он и простоял на охране до июля 1774 года. Остальные же суда, хотя и деятельно стерегли берега Крыма и Таманского полуострова от высадки турецкого десанта, все-таки не могли успешно противодействовать довольно сильной эскадре, прикрывавшей транспорты с войсками, и десанты были высажены как на таманском берегу, так и в Крыму, в Алуште. Незначительные русские отряды вынуждены были отступить с побережья внутрь Крыма, но это был второстепенный театр военных действий, а главный был на Дунае, где фельдмаршал Румянцев одерживал одну победу за другой и наконец принудил верховного визиря просить мира, который и был заключен в Кучук-Кайнарджи.

По этому миру турки очистили занятые ими местности и на Таманском полуострове, и в Крыму, а эскадра их ушла в Босфор.

В следующем году Ушаков был переведен снова в Балтийский флот, с боевой на мирную службу, которая тянулась около восьми лет. Он был в заграничном плавании, командуя уже большим, шестидесятичетырехпушечным кораблем и имея чин капитан-лейтенанта, на котором засиделся дольше, чем мог бы ожидать. Зато из капитанов 2 ранга в капитаны 1 ранга был произведен быстро: он снова попал тогда в Черноморский флот, на глаза Потемкина, развившего усиленную деятельность в обширных землях, отошедших от Турции к России по Кучук-Кайнарджийскому миру в 1774 году.

II

Непрочен был этот мир. Оправившись от поражений, турки снова, лет через восемь, высадили десант в Тамани и подняли на восстание крымских татар. Сторонник России хан Шагин-Гирей вынужден был бежать в Керчь, так как иначе был бы убит сторонниками турецкой ориентации. Восстали и прикубанские татары — Суворов был послан подавить это восстание, а генерал-поручик граф де Бальмен привел к покорности Крым, который тогда же, в 1783 году, объявлен был просто частью Таврической губернии с административным центром, основанным на

месте татарского селения Ак-Мечеть и названным Симферополем, что значит по-гречески «Полезный город». Шагин-Гирей был отправлен в Калугу.

Потемкин, получивший титул «Таврический», всю свою энергию направил на создание флота, который мог бы вполне соперничать с турецким. Строительство этого флота шло тогда в Херсоне, и Ушаков вместе с другими офицерами, присланными с Балтики, занялся знакомым ему уже по Таганрогу делом. Один из новопостроенных шестидесятишестипушечных кораблей — «Св. Павел» и поступил под команду Ушакова, тогда уже капитана 1 ранга.

Через три года после этого, в 1787 году, Екатерина совершила путешествие в Крым. Великий мастер устраивать блестящие празднества, Потемкин сумел очаровать императрицу стройным видом 6 кораблей, 12 фрегатов и до 30 других судов, хотя все они строились наспех, из сырого леса, были весьма тихоходны и грозили серьезными авариями во время штормов.

Потемкин показал даже, как бомбардируются крепости военными кораблями, и один из кораблей на глазах у Екатерины разрушил и сжег снарядами деревянную крепостцу, построенную заблаговременно для этой цели на берегу Севастопольской бухты.

Екатерина была чрезвычайно довольна всем, что она увидела, но тем резче для нее был переход от игрушечной к настоящей войне, которую подготовило и начало в том же году турецкое правительство, не хотевшее мириться с мыслью, что Крым потерян для него навсегда.

Эта-то новая война и выдвинула Ушакова сперва на одно из первых мест в командном составе Черноморского флота, а затем и на первое: молодому флоту нужен был талантливый флотоводец, и он нашелся, заменив собою контр-адмирала графа Войновича, выходца из Черногории.

Граф Войнович оставил после себя память только в том, что главная пристань в Севастополе, с которой он имел обыкновение садиться на катер, стала называться потом Графской, но как командир флота он был весьма зауряден.

Любопытно предписание Потемкина, посланное ему, как только турецкий флот появился в Черном море: «Подтверждаю Вам собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дела, ожидаемые от храбрости и мужества Вашего и подчиненных Ваших. Хотя б всем погибнуть, но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Где завидите флот турецкий,

атакуйте его во что бы то ни стало, хотя б всем про-
пасть».

Приказ был энергичный, но выполнен он был из рук
вон плохо. Кому, как не командующему флотом, должны
быть известны свойства судов, в него входящих, и свой-
ства моря во время осенних равноденственных бурь? И од-
нако Войнович с плохо построенными, валкими кораблями
и фрегатами, пренебрегая необходимой разведкой, пу-
стился искать турецкую эскадру у берегов Болгарии, в то
время когда она, конвоируя транспорты с войсками, под-
ходила к Днепровско-Бугскому лиману, на одном берегу
которого была небольшая крепостца Кинбурн, занятая
русским гарнизоном, а на противоположном — сильная
турецкая крепость Очаков.

Эскадру Войновича разметало в виду Варны штормом,
причем один из фрегатов затонул со всем экипажем, дру-
гой шесть дней носило по морю, пока не пригнало након-
ец в Босфор; едва не погиб и корабль «Св. Павел», спас-
шийся только благодаря его командиру Ушакову; на краю
гибели был и флагманский корабль, залитый водою, при-
чем не сам Войнович, а старший адъютант его, капита-
н-лейтенант Сенявин, сохранил и это судно и весь экипаж
его.

Флот вернулся в Севастополь в таком состоянии, что
должен был долго чиниться, а в это время турки стали
полными хозяевами моря. Надеясь войти в Днепровский
лиман и разорить Херсон, они высадились сначала в числе
5 тысяч человек на Кинбурнской косе, и нужно было,
чтобы сам Суворов защищал тогда Кинбурн, а при ком-
либо другом едва ли удалось бы небольшому гарнизону
сбросить в море и почти совершенно истребить десант,
поддерживаемый огнем целой турецкой эскадры.

Блестящее дело это отбило у турецкого адмирала охоту
атаковать Херсон, и он вернулся в Константинополь, а на
следующий год Потемкин затеял осаду Очакова, чтобы
покончить с этим оплотом турок на выходе из лимана.

Конечно, осаде Очакова с суши должен был содейство-
вать с моря наш флот, и он вышел было из Севастополя
с этой целью, имея в авангарде несколько судов под общей
командой Ушакова, но неудача преследовала графа Войно-
вича и тут: снова флот его был жестоко потрепан бурей
и должен был бесславно вернуться, а большой турецкий
флот — 10 кораблей, 6 фрегатов и несколько десятков мел-
ких судов — выстроился совершенно беспрепятственно в
виду Очакова. Его командиру канудан-паше Эски-Гассану,

который был прозван турками «крокодилом морских сражений», предписано было султаном теперь уже не только захватить Кинбурн и разорить Херсон, но еще и, покнячив с этими пустяками, идти непосредственно к берегам Крыма и там перебить без остатка весь новоявленный русский флот.

Задания были нешуточные, однако и морские силы турок оказались велики, так как кроме отряда Эски-Гассана послан был к гирлу Дуная другой отряд судов, ничуть не менее значительный: для больших целей оттоманское правительство мобилизовало почти все, что могло, тем более что ничто не угрожало в это время столице Турции со стороны Средиземного моря, как это было в предыдущую войну.

Гребная флотилия, снаряженная в Херсоне, с одной стороны, и береговые батареи, сооруженные на Кинбурнской косе Суворовым, с другой, блестяще отстояли устье лимана от всех попыток капудан-паши выполнить первую часть данного ему султаном приказа, и, потеряв несколько судов из своего отряда, но зато чрезвычайно усиленный присоединившимся к нему другим отрядом, он направился к берегам Крыма, чтобы истребить Черноморский флот.

Однако черноморцы сами шли ему навстречу, предводимые все тем же Войновичем, хотя силы их сравнительно с турецкими были совершенно ничтожны. Пятнадцати кораблям «крокодила морских сражений» Войнович мог противопоставить только два средней величины — шестидесятишестипушечных, в то время как у капудан-паши было пять восьмидесятипушечных, и из них кроме адмиральского два флагманских — под вице-адмиральским и контр-адмиральским флагами.

Корабль, на котором держал свой флаг Войнович, назывался «Преображение господне», другой корабль, «Св. Павел», был под командой Ушакова. Встреча враждебных флотов произошла около острова Феодониси (он же Змеиный), и началось сражение между ними 3 июля 1788 года.

Против каждого из русских кораблей капудан-паша направил по пять своих, чтобы разом обезглавить черноморцев. Но и оставшиеся в его распоряжении после этого маневра силы были столь велики, что он хотел окружить и наиболее сильные фрегаты, чтобы взять их на бордаж.

Бывшему в передовой линии Ушакову надобно было не только угадать намерения своего опытного и предприимчивого противника, но еще и противопоставить ему

свои контрманевры, клонившиеся к тому, чтобы отрезать два корабля и атаковать их.

Все время давая сигналы фрегатам своего отряда, Ушаков так стеснил эти корабли, осыпаяемые ядрами, что те наконец, прибавив парусов, сочли себя вынужденными пуститься в бегство, и напрасно «крокодил морских сражений» приказал палить им вслед, чтобы задержать их. Теперь восьмидесятипушечный корабль оказался атакованным Ушаковым, и не слыше получаса мог он выдерживать огонь «Св. Павла», а когда от выстрелов с русских судов доски кормы адмиральского корабля полетели в воду, Эски-Гассан последовал сам за уходившими на всех парусах двумя своими лучшими судами.

На нескольких турецких кораблях и фрегатах неоднократно начинался пожар от брандсугелей, и наконец, после трехчасового боя, вся огромная флотилия турок пустилась уходить от русских судов, оставляя за ними поле сражения.

Конечно, русские корабли и фрегаты получили повреждения: иные в корпусе, иные в рангоуте и такелаже (то есть в мачтах и парусах), но не поэтому не могли они преследовать убегающих, а по своей тихоходности. Турецкие суда были не только гораздо лучшего устройства, но и значительно быстроходнее; тем изумительнее нужно считать победу над ними со стороны неповоротливых и валких тихоходов.

Объяснение для нее мы находим в рапорте Ушакова Войновичу. Испрашивая награды для команд судов своего отряда, Ушаков писал: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей: они стреляли в неприятельский корабль с такою сноровкою, что казалось, что каждый учится стрелять по цели...» И дальше: «Прошу наградить команду, ибо всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи. Равно и в прошедшую кампанию одна только их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопы, когда штормом носило его по морю». При этом Ушаков называл бой у острова Феодониси «первой на здешнем море генеральной нашего флота баталией», как оно и было в действительности, но Войнович не захотел делить с ним лавров победителя и реляцию о бое Потемкину составил, приписав честь победы только себе; Ушакову же ответил на его рапорт резким письмом.

Так началась вражда между контр-адмиралом и капитаном бригадирского ранга, как тогда именовался Ушаков. Дошло до того, что Ушаков просился даже в отставку, но

Потемкин имел свой взгляд на каждого из враждовавших и вместо отставки дал ему начальство над всем корабельным флотом в Севастополе, а Войновича перевел в Херсон.

Когда же в следующем году Войнович не выполнил предписаний Потемкина о нападении с херсонским флотом на турецкую эскадру около Гаджибея (нынешняя Одесса), то князь Таврический отправил его в Каспийское море командовать флотом, у которого не было противников, а Ушакова назначил командиром Черноморского флота с производством в контр-адмиралы.

На это доверие к себе со стороны Потемкина Ушаков ответил поражением турецкого флота у мыса Таклы — между устьем Кубани и входом в Керченский пролив — 8 июля 1790 года.

Теперь противником его был не Эски-Гассан-паша. «Крокодил морских сражений» развенчал себя неудачами в столкновениях с черноморцами и был переведен с моря на сухопутье: султан назначил его сераскиром, то есть главнокомандующим армией, которая должна была непременно отобрать обратно у русских Очаков. Флотом же командовал 22-летний Гуссейн-паша, женатый на сестре султана и сделанный капудан-пашою, то есть верховным главнокомандующим флотом, не по своему опыту, которого у него не было и не могло быть, а по старой, с детских лет, дружбе с султаном Селимом III, тоже молодым еще человеком.

Ушаков был вдвое старше своего противника, по зато флот его был вдвое слабее турецкого, и, решившись дать бой, держа все суда свои под парусами, русский флотоводец надеялся искусным маневрированием привести противника в замешательство и тем одержать над ним верх; важно, что он действовал вполне обдуманно и не ошибся в своих расчетах.

То доверие к нему со стороны команд, о котором он писал в рапорте Войновичу, в полной мере сказалось в этом бою. По сигналам с флагманского корабля суда переменили свои места точно и четко, как на учении, хотя понадобилось целых пять часов, пока наконец запальчивый по своей молодости и высокому положению Гуссейн-паша не понял, что дело его проиграно, и не ударил отбой.

Ушаков пытался преследовать его, надеясь захватить какое-либо судно, сильно избитое и потерявшее поэтому свою ходкость; но наступившая ночная темнота прекратила преследование. Однако и к концу боя видно уже

было, что потери на судах противника, особенно на транспортах с войсками, приготовленными для десанта в Крыму, очень велики. Одно подобное судно было потоплено, и с него никто не спасся. Флот Гуссейн-паши, как потом выяснилось, разбившись на три эскадры, пошел чиниться частью в Синоп, частью в Варну, частью в Константинополь; затея султана овладеть с налета Крымом лопнула, а Потемкин, донося об этом сражении в Петербург, назвал Ушакова «начальником достойным, храбрым и искусным».

Нельзя было думать, впрочем, что Гуссейн-паша не повторит своей попытки: слишком глубоко было задето его самолюбие; и действительно, месяца через полтора после боя у мыса Таклы Ушаков получил известие, что близ устьев Дуная стоит наготове еще бóльшая, чем прежде, флотилия, имеющая намерение двинуться с десантными войсками к берегам Крыма.

Теперь султан дал уже своему зятю опытного помощника — Саид-бея, бывшего в чине капитан-бея, то есть полного адмирала, но Ушаков, несмотря на это, отправился из Севастополя навстречу туркам и нашел их суда стоящими на якоре между островом Тендрой и гаджибейским берегом; это было 29 августа того же 1790 года.

Появление Черноморского флота было так неожиданно для турецких адмиралов, что они приказали рубить канаты якорей и пустились в бегство, хотя и были в превосходных силах. Ушаков, следуя за ними, вынудил их все-таки принять сражение, которое началось в три часа дня и окончилось при совершенной темноте с тем же результатом, как и первое, у м. Таклы; но так как Ушаков не прекращал теперь уже погони за разбитым противником, то наутро он настиг два оставших неприятельских корабля, сильно поврежденных в бою, причем один тут же сдался, другой же, бывший под флагом Саид-бея и лучший из всех кораблей турецкого флота, долго еще сопротивлялся, наконец загорелся и взлетел на воздух.

С него успели снять всего несколько десятков человек, причем Саид-бей вытащили на шлюпку последним.

Гуссейн-паша бежал в Константинополь, но по пути у него затонул еще один сильно разбитый корабль и несколько мелких судов, так что эта встреча с Ушаковым в море обошлась ему гораздо дороже первой: он потерял три корабля и несколько мелких судов и одними пленными до 800 человек, а потери Ушакова не достигали и 50 человек убитыми и ранеными.

Потемкин писал по поводу этого сражения в одном из своих частных писем: «Наши, благодаря бога, такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу!» — и представил Ушакова к Георгию II степени, за который впоследствии Ушаков получал по 400 рублей в год в виде пенсии.

III

Конец 1790 года был ознаменован взятием при помощи штурма сильнейшей турецкой крепости на Дунае — Измаила, — имевшей 42 тысячи гарнизона.

Один из величайших подвигов Суворова и его чудо-богатырей, штурм этот явился в то же время одним из самых кровопролитных, какие только знает история. Суворов был вправе доносить: «Не было крепости крепче, не было обороны отчаянней Измаила, но он взят».

Падение такой твердыни, естественно, произвело слишком угнетающее впечатление не только на придворные круги Константинополя, но и на весь народ, поэтому нашли виновника поражения в лице сераскира Гассан-паши: он был обвинен в измене и казнен.

Но кроме Суворова на суше был еще Ушаков на море, победы которого ошеломляюще действовали на турок, так как казались им совершенно необъяснимыми, и Селим III приказал для успокоения впечатлительных жителей столицы привести торжественно несколько своих же судов, но под русскими флагами, и объявить всем, что это — призовые суда, взятые у «Ушак-паши», как стали называть Ушакова турки.

Перемирие, предложенное было султаном Потемкину, было отвергнуто, поэтому Порта начала усиленно готовиться к продолжению войны.

Она собрала флоты своих владений в Африке, то есть Алжира, Туниса, Триполи, и у нее образовалась в общем внушительная сила: 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и несколько десятков более мелких судов.

Тот же капудан-паша Гуссейн был поставлен во главе этого флота, но кроме него* было во флоте еще восемь адмиралов, между которыми особенно выдавался алжирец Саид-Али, известный своей исключительной отвагой и удачливостью в боях. На него возлагались большие надежды как на достойного соперника «Ушак-паши», да он и сам был уверен в успехе и обещал султану непременно привезти Ушакова пленником в Константинополь.

В начале июня 1791 года русскими войсками была обложена турецкая крепость Анапа с гарнизоном в 25 тысяч человек, и часть турецкого флота двинулась было ей на помощь, но опоздала: крепость была взята блестящим штурмом. Вскоре после этого на Дунае была разгромлена турецкая армия при Мачине.

Эти две крупные неудачи окончательно склонили Порту к переговорам о мире, но как раз в тот день — 31 июля, когда были подписаны предварительные статьи договора, Ушаков встретил весь турецкий флот при мысе Калпакра, у румелийских (ныне болгарских) берегов.

Перед тем как выйти из Севастополя, Ушаков получил письмо от Потемкина с характерной для князя Таврического фразой в конце: «Я вам поручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать там так, чтобы наши берега были неприкосновенны».

О неравенстве сил не говорилось: это уже вошло в обыкновение, что Ушаков побеждает с гораздо меньшими, чем у противника, силами. И теперь у него под начальством было всего 18 кораблей и фрегатов против 35 турецких, то есть почти вдвое меньше. Однако, как только совершенно неожиданно для турецких адмиралов оказалась на горизонте эскадра Ушакова, все они растерялись. Даже растеряли и часть матросов своих, оставшихся на берегу в то время, как отдан был приказ рубить канаты и уходить. Дело в том, что был как раз магометанский праздник — рамазан-байрам, матросы праздновали его, так же как и их начальство.

Ушаков повел свою эскадру наперерез уходившим, и те начали на ходу стронуться к бою, причем явно было, что суда строились по сигналам не капудан-паши, а паши Саида-Али, который поставил в передовую линию свой алжирский флот.

Так как Саид-Али решил непременно победить Ушакова, то свой флагманский корабль он сблизил с кораблем, несшим контр-адмиральский флаг Ушакова, заранее приказав павалить на борты абордажные лестницы, но в то же время, зная неустойчивость своей команды, велел приколотить гвоздями к флагштоку флаг, чтобы при всем желании спустить его не могли бы сделать этого офицеры.

Начался бой, и от метких выстрелов русских комендоров полетели в воду абордажные лестницы, и реи, и обломки раззолоченной кормы адмиральского корабля, а

Ушаков, до которого еще раньше дошла похвальба Саида-Али, кричал, грозя кулаком:

— Я тебе покажу, бездельник Саид, как давать такие клятвы султану!

Не прошло и получаса, как избитый корабль Саида должен был уйти под защиту других судов. Выдвигавшиеся на его место также в короткое время приводились огнем кораблей Ушакова в растерзанный вид, и в конце концов, после канонады, длившейся около четырех часов, весь флот противника, пользуясь наступившей темнотой и густой дымовой завесой, покинул поле сражения.

Некоторое время гнались было за ним суда Ушакова, но поднялось сильное волнение, суда же были по-прежнему не только тихоходны, но и очень валки, а так как иные из них имели подводные пробоины, то Ушаков счел за лучшее стать в укрытом месте на якорь и заняться их починкой.

Но зато о возможности чиниться не смели и думать во флоте капудан-паши. Спасаясь от погони, там шли полным ходом, пока могли идти. Но далеко уйти некоторые из кораблей, особенно сильно потерпевшие, не могли, конечно, и из них несколько пошло ко дну со всем экипажем, так как ветер развел большую волну, а при такой волне темной ночью, когда на всех уцелевших парусах суда спасались бегством, нечего было и думать о спасении людей, тонувших в море.

Весь флот разбился на отдельные эскадры, из которых состоял, и каждая спасалась по мере разумения своих командиров: одна у берегов Румелии, другая у берегов Анатолии. Только алжирцы добрались до Босфора и вошли в пролив ночью, но корабль Саида-Али в виду Константинополя стал тонуть и пушечной пальбой требовал помощи, так как большая половина его экипажа была убита или ранена. Отчаянный вид судов алжирской эскадры, масса убитых и раненых на ней и полная неизвестность, что случилось с остальными эскадрами и куда делся сам капудан-паша Гуссейн, так испугали султана, что он повелел немедленно заключить мир с Россией.

Окончательно заключен был этот мир в январе следующего года в Яссах, уже после смерти Потемкина, последними строками которого было донесение Екатерине II о победе у м. Калиакра, одержанной Ушаковым.

Благодаря чему же все-таки одерживались эти победы кроме личного мужества и искусства замечательного русского флотоводца?

Противник во всех боях был в подавляющих силах, а в последнем — даже в двойных, суда его, по свидетельству современников, были лучшего устройства, не говоря уже о их большей ходкости, и все-таки он неизменно терпел поражение.

Для объяснения этого странного на первый взгляд явления следует припомнить характеристику, данную Ушаковым командам своих судов, когда он, обращаясь к Войновичу, представлял их к наградам: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей: они стреляли в неприятельский корабль не часто и с такою сноровкою, что казалось, каждый учится стрелять по цели».

Эти слова похвалы командира своей команде являются лучшей похвалой и ему самому: людей нужно было научить этому проворству и этой сноровке в стрельбе; в них нужно было воспитать эту храбрость.

Совсем другое дело было на турецких кораблях, где капудан-паша продавал должности командиров судов тем соискателям их, которые платили ему большой «бакшиш», а те выручали данные ему деньги, распродавая на своих кораблях должности старших и младших офицеров. Каким же образом подобный офицерский состав мог обучить морскому делу матросов, когда он сам не имел ни любви к нему, ни знаний в нем?

Конечно, для того чтобы поставить флот свой на большую высоту сравнительно с русским, султан и его помощники в этом деле — сперва Эски-Гассан, затем Гуссейн-паша — приглашали корабельных инженеров из Франции и Швеции, и суда-то строились лучше, чем их строили в России, притом в самом спешном порядке, но как можно было переделать в короткий срок порядки, царившие во флоте?

Из подданных султана самыми лучшими моряками были греки, и те суда, где они в экипаже были в большинстве, обыкновенно сражались и с большим умением, и с отчаянной храбростью. Но конечно, будь у Ушакова корабли так же хорошо построенные, обшитые медью, как турецкие, а не обросшие ракушками и морской травой, не изъеденные морским червем, обитавшим в севастопольских бухтах, результаты его побед были бы совсем другими, и это надо понимать прежде всего при их оценке.

IV

Через несколько лет после заключения мира в Яссах и самому Ушакову представилась возможность быть в Кон-

стантинополе именитым почетным гостем, познакомиться со своими противниками на Черном море, посетить доки и эллинги, где строились новые суда и чинились старые, — словом, из страшного врага превратиться в дорогого друга: в 1798 году император Павел I вступил в союз с Турцией против Франции, и Черноморский флот призван был действовать в Средиземном море заодно с турецким против французов, причем полному адмиралу турецкого флота Кадырбею приказано было султаном Селимом не только быть в подчинении у вице-адмирала Ушакова, но еще и учиться у него.

За время, протекшее с окончания последней войны с Турцией, политическая обстановка в Европе чрезвычайно осложнилась в связи с Великой буржуазной французской революцией.

В начале 1793 года был казнен на эшафоте король Людовик XVI; Франция, объявленная республикой, вводила у себя новые общественные и государственные идеи; место старой родовой знати, которая частью была уничтожена, частью эмигрировала в другие государства — между прочим, и в Россию, — заняла талантливая буржуазная молодежь, действия которой не могли не привести и привели, конечно, к столкновению с правительствами соседних государств, стоявших на страже монархической власти и всего, что ей было присуще, что ее поддерживало и питало. Но Франция в весьма короткое время не только создала огромную армию, но еще и выдвинула для нее десятки блестящих молодых генералов, из которых один, Наполеон Бонапарт, оказался гениальным полководцем. Его победы над войсками такого сильного государства, каким была Австрия, заставили австрийского императора подписать очень невыгодный для него Кампоформийский мир (в 1797 г.), по которому к Франции отошла вся Ломбардия (северная часть нынешней Италии, бывшая тогда под властью Австрии), переименованная в Цизальпинскую республику, а за три года до того Франция присоединила к себе Голландию, переименованную в республику Батавскую.

Такое быстрое и уверенное перекраивание карты Европы, такое победное шествие новых республиканских идей, конечно, испугало русскую императрицу Екатерину, которая умерла среди приготовлений к войне с Францией, обещав своим союзникам — Австрии, Пруссии и Англии — всемерную помощь и сухопутными войсками и флотом. Восстание в Польше, поднятое под предводительством Костюшко, ясно показало ей, что революционные идеи, идущие из

Франции, для нее действительно опасны. Но она не успела активно вмешаться в дела Западной Европы, и это сделал ее сын и наследник Павел, писавший своим полномочным послам при дворах Берлина и Вены: «Оставшиеся еще вне заразы государства ничем столь сильнее не могут обуздать буйство сея нации, как оказательством тесной между ними связи и готовности один другого охранять честь, целость и независимость».

С этой целью в первую голову были посланы одна за другой две эскадры в помощь Англии из состава Балтийского флота, а затем, когда вполне определилось, что позиция Турции стала враждебной Франции в связи с экспедицией Наполеона Бонапарта в Египет, черноморская эскадра получила приказ идти в Константинополь на помощь Турции.

Султан Селим III, незадолго перед тем дипломатично отклонивший содействие России в борьбе с Францией, теперь, напуганный движением огромного французского флота к Египту, сам обратился в Петербург за этим содействием. Так Ушаков сделался в Константинополе желанным гостем; к нему относились с большим почтением, ему показывали все, что готовилось для затеянной войны, у него просили советов.

Сам султан, переодетый в платье боснийца, ездил на шлюпке около эскадры Ушакова, состоявшей из 6 кораблей и 7 фрегатов, чтобы собственными глазами увидеть суда, наносившие когда-то поражение за поражением его флоту. Он подарил не только золотую с бриллиантами табакерку Ушакову, но и кучу червонцев для раздачи русским магросам, которые должны были защищать его от возможного покушения на Константинополь французов.

Как раз в это время пришли сведения об успехах Наполеона Бонапарта в Египте, и теперь уже не русский, как это случалось прежде, а французский посланник был заключен в Семибашенный замок, и дом французского посольства был разграблен и сожжен.

Впрочем, не один только приход Ушакова с его эскадрой так взбодрил турок, но еще и крупная морская победа англичан над французами: в сражении при Абукире, у дельты реки Нила, был истреблен адмиралом Нельсоном французский военный флот, под конвоем которого шли из Тулона в Египет войска Бонапарта.

На конференции в Константинополе потом обсуждался в присутствии английского уполномоченного и турецкого министра иностранных дел план Ушакова относительно

дальнейших действий и был всеми одобрен и принят. План этот сводился к тому, чтобы прежде всего освободить захваченные французами Ионические острова, населенные греками православного исповедания.

Постановлено было склонить население островов к восстанию против французов, чтобы были основания явиться к ним на помощь; кроме того, решено было обещать им независимое правление, а составить для них конституцию возложено было на Ушакова.

Ушаков снесся с Нельсоном относительно того, что он намерен был начать, предложив, между прочим, ему свою помощь против французского флота, если будет нужна эта помощь, и, получив согласие Павла на свой план действий, начал действовать вполне самостоятельно. «Во всех местах оказаны мне отличная учтивость и благоприятство, также и доверенность неограниченная», — писал он в донесении Павлу.

С турецкими судами составилось в эскадре Ушакова всего около тридцати крупных единиц с экипажем до шести тысяч человек. Это был первый случай в истории, когда эскадры завязых и давних противников шли бок о бок к одной общей цели под начальством русского вице-адмирала.

Необходимо сказать, что Ионические острова, состоявшие из семи больших, как Корфу, Кефалония, Занте, Итака, Чериго, Левкас, Паксос, и нескольких мелких, служили в то время яблоком раздора для нескольких государств.

Они принадлежали до Кампоформийского мира Венецианской республике, но по мирному трактату все владения этой республики были поделены между Австрией и Францией, и последней досталось кроме этих островов еще и албанское побережье. На островах укрепились французские гарнизоны, однако Австрия не прочь была захватить их при удобном случае, чтобы стать полной наследницей приказавшей долго жить республики дожей.

С другой стороны, острова эти очень нравились и Англии, и Нельсон просто несколько опоздал предложить ионийцам покровительство британского флага, хотя о своем намерении идти туда после того, как ему нечего уж будет делать у берегов Египта, писал английскому посланнику в Константинополе.

Но и Константинополь, в свою очередь, лелеял тайную мечту тем или иным путем прикарманить эти прекрасно расположенные острова.

Что же касается Павла, то он в то время был уже мальтийским кавалером, взяв под свое покровительство остров Мальту, принадлежавший долгое время ордену мальтийских рыцарей, но захваченный Бонапартом на пути в Египет и потому блокируемый английской эскадрой. Конечно, он тоже прельщен был мыслью о покровительстве, заодно с Мальтой, и целой группе Ионических островов, благо население их исповедовало православную веру.

Но кто бы и в какой бы степени ни желал присвоить себе острова, заняты они были, и очень быстро, русскими десантными отрядами благодаря распорядительности Ушакова.

Наиболее укрепленным из них был самый большой по величине — Корфу. Лежащий между Грецией и Италией, он издавна считался ключом той и другой, поэтому им всегда стремились владеть то греческие государства, то государства Апеннинского полуострова, и с давних пор укреплялся он то теми, то другими.

Но венецианцы, владевшие им в последнее время, вложили много труда и средств, чтобы сделать из него первую-классную морскую крепость, способную успешно сопротивляться неоднократным посягательствам на остров турок. Эта крепость могла вместить до пятнадцати тысяч гарнизона, и стены ее считались недолимыми.

Единственным слабым местом крепости было отсутствие воды в ее районе. Она делилась на старую и новую, причем строителями старой были генуэзцы, оставившие и у нас в Крыму памятники своего искусства в постройке крепостей. Но в сущности всех крепостей, объединенных в большую, было пять, причем цитадели их увенчивали собой огромные скалистые утесы с крутыми боками.

Кроме того, рвы и валы отделяли эти пять крепостей одну от другой, так что для осаждающих нагромождены тут были серьезнейшие преграды на каждом шагу, а батареи были расположены так, что внутри каждый метр пространства мог обстреливаться перекрестным огнем.

Нечего и говорить, что большие береговые орудия охраняли крепость со стороны моря, а другие, подобные же по калибру, направлены были на город, откуда могла вестись атака десантными войсками.

Ушаков отлично знал, конечно, мнение о неприступности корфинской крепости и только блокировал остров, пока не были взяты остальные из группы Ионических. Когда же на всех остальных были уже поставлены гарнизоны, состояв-

шие поровну из русских и турецких солдат, он собрал к Корфу все свои морские силы и начал правильную осаду.

У него не было, конечно, никакого опыта по осаде подобных крепостей, не было и советников, знакомых с этим делом. Он знал только, что как бы ни была сильна крепость, но ее надобно было взять, и чем скорее, тем лучше, несмотря на все трудолюбие и искусство генуэзцев и венецианцев, ее строивших, высекавших в скалах подземелья и подземные ходы, сделавших целый лабиринт в таком неподатливом скалистом грунте.

Гарнизон крепости состоял из трех тысяч человек, вооружение — из 650 орудий. Но защищены были особыми большими батареями и мелкие острова на подступах к Корфу, и наибольший из них — Видо — имел свой гарнизон в 500 человек, и все было сделано на нем и на остальных островах, чтобы воспрепятствовать десанту, так что даже шлюпки не могли пристать к ним из-за охраняющих их бонов — железных цепей, протянутых между мачтами, укрепленными в дне.

В то же время невдалеке от крепости была прекрасная бухта, служившая для стоянки флота венецианцев, снабженная доками, имевшая когда-то даже адмиралтейство.

В то время когда флот Ушакова приступил к осаде крепости, в этой бухте, под охраной крепостных батарей, стояло на якоре несколько французских судов и одно призовое, бывшее английское. Французский семидесятитысячпудовый корабль «Женерé» не только удачно укрылся здесь после разгрома всего флота, к которому он принадлежал, при Абукире, но еще и взял потом в плен английский вестовой корабль «Леандр», посланный Нельсоном в Англию с донесением о победе.

Конечно, «Леандр» был взят после упорного боя, потеряв много людей убитыми и ранеными, и теперь оба они — и «Женерé» и «Леандр», — а также фрегат «Ла Брюнь», бомбарда, бриг и несколько галер были блокированы русско-турецким флотом.

Такова была сложная обстановка, в которой должен был разобраться Ушаков, чтобы не допустить ничего опрометчивого, чтобы не осрамить ни русский флаг, ни доверенный ему флаг турецкий, ни честь России и Турции, ни свою личную честь.

Нужно сказать еще, что французы отнюдь не были склонны равнодушно смотреть на то, что был осажден их гарнизон в корфинской крепости. С итальянского берега, из Анконы, ожидалось несколько их транспортов с тремя

тысячами человек и провиантом для них, а по другим сведениям, целая эскадра из нескольких кораблей, фрегатов и транспортов готовилась в Тулоне, чтобы доставить на Корфу десяти тысячный отряд.

Между тем десантные силы самого Ушакова, как русские, так и турецкие, были незначительны, и ему приходилось обращаться за помощью и к населению занятой уже части острова Корфу, и к одному турецкому вассальному паше, у которого было двадцать тысяч своего войска, хотя паша этот, так же как и несколько других, получил прямой приказ Порты доставить три тысячи человек «или столько, сколько главнокомандующий потребует».

В донесении Павлу писал тогда Ушаков: «Если бы я имел один только полк русского сухопутного войска, непременно бы надеялся я Корфу взять, совокупясь вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к этому не допускать».

Это донесение было вполне правдиво: жители Корфу боялись турок больше, чем французов, а французы из крепости рассылали к ним прокламации, что они будут отданы под власть турок; поэтому начали уже сильно сомневаться в действительных замыслах Ушакова и корфийцы, и вместо большого отряда в помощь ему едва набралось из них около двух тысяч, да и то очень плохо вооруженных.

Серьезным вопросом для Ушакова явилось и продовольствие для своих экипажей, доставка которого лежала на турецких властях, но доставлялось оно очень неаккуратно и плохого качества, так что, вместо того чтобы подорвать блокадой питание гарнизона крепости, блокирующие сами стали нуждаться в самом необходимом.

Наконец, дисциплина в турецком флоте была настолько плоха, что Ушаков скоро потерял надежду на помощь командиров турецких судов своего же отряда. В своих письмах он постоянно жалуется на то, что всю блокаду вести приходится одним только русским силам, а это при обширном районе, который надо было обслуживать незначительным количеством судов, привело к тому, что однажды темной ночью в крепость прорвалась французская бригантина, а в другую темную и бурную ночь случилось худшее: бежал корабль «Женерé», который мог бы быть очень ценным призом; кстати, он увел с собою и бригантину, «вычерня все паруса, чтобы было незаметно».

Когда от пашей, подвластных Порте, прибыло наконец, на четвертом месяце блокады Корфу, в феврале 1799 года, около четырех тысяч албанцев, Ушаков приступил к пра-

вильной осаде, для чего стал строить батареи на берегах против крепости и устанавливать большие корабельные орудия.

Убедившись в том, что эта мера действительна, что орудия его батарей успешно состязаются с крепостными, он начал подготавливать все к штурму, предоставив нескольким из своих судов захватить о. Видо. Так как руководить штурмом приходилось ему лично, то он придумал свыше ста сигналов флагами, которыми мог передавать с флагманского корабля приказание и всем судам в море, и десантным отрядам на берегу в день штурма. Приготовлены были штурмовые лестницы, матросов обучали стрельбе из ружей, корфютам даны были подробные указания касательно помощи, какая от них требовалась.

Штурм был назначен на 18 февраля и начался рано утром, чуть рассвело. Сам Ушаков, верный своим правилам, которых держался во всех боях, неся флаг на том же «Св. Павле», подошел очень близко к берегу против самой батареи и сбил ее своим огнем, несмотря на то что та палила в его корабль калеными ядрами.

К полудню огонь крепости ослабел настолько, что Ушаков подал сигнал свозить на берег десанты, и в два часа дня после упорнейшего сопротивления французов крепость, считавшаяся неприступной, была взята, и над ней подняты были русские и турецкие флаги.

V

В каких условиях проходила блокада Корфу, видно из донесения Ушакова Павлу I, помеченного 18 декабря 1798 года: «Скоро от совершенного уже неимения провианта находиться будем в крайне бедственном состоянии, и, чем пропитать людей, способов не нахожу... А притом люди в эскадре, мне вверенной, крайнюю нужду терпят, не имея платья и обуви, не получив оных за нынешний год, и как обмундировать их, средств не нахожу, потому что в здешнем краю ни мундирных материалов, ни обуви даже за весьма дорогую цену достать невозможно; да и на выдачу жалованья почти за целый год денег я еще в наличии не имею».

Из этого видно, что эскадра Ушакова послана была совершать подвиги и вести притом борьбу с богатой европейской державой без малейшей тени заботы о матросах со стороны своего правительства. Эти заботы, правда, возлагались Павлом на Порту, но у Порты и к своим войскам было издавна такое же отношение, как у тургеневского охотни-

ка Ермолая к его собаке Валетке: «Стану я пса кормить! Притом же пес — животное умное, сам себе найдет пропитание!»

Порта всячески задерживала деньги на содержание эскадры и выдачу для них провианта, так что Ушакову приходилось самому на призовые суммы покупать пшеницу на покоренных островах по дорогим ценам и отправлять ее на мельницы, покупать кожи и устраивать сапожные мастерские, чтобы обеспечить матросов обувью; также он принужден был купить «до тысячи капотов для солдат, бывших на батареях».

К этому надо добавить, что действовать под Корфу пришлось зимой, а всякий знает, что такое зимняя кампания даже на суше, — тем более трудностей доставляет она на море. А зима 1798—1799 года была особенно сурова, обильна бурями, снегом и проливными дождями на юге Европы.

Может быть, хотя снарядами снабжена была в изобилии наша эскадра, посланная удивлять подвигами Европу? Нет, не было даже и этого. «Недостатки наши, бывшие при осаде Корфу, — писал после Ушаков, — во всем были беспредельны; даже выстрелы пушечные необходимо должно было беречь для сильной и решительной атаки, посему... не мог я постоянно наносить желаемого вреда неприятелю».

Что же было в таком случае у русского адмирала, руководителя турок и албанцев, осаждающего французов в венецианской крепости, устроенной на греческом острове в Ионическом море?

Были свои матросы и солдаты небольшого десантного отряда, привезенного из Севастополя, о которых отзывался Ушаков в таких выражениях: «Наши люди, от ревности своей и желая угодить мне, оказывали на батареях необыкновенную деятельность; они работали в дождь, в мокроту, в слякоть, или же обмороженные, или в грязи, но все терпеливо сносили и с великой ревностью старались».

Командант крепости генерал Шабо сдался со всем гарнизоном на милость победителя, и, как ни нашептывал адмирал Кадыр-Абдул-бей своему другу-начальнику, что хорошо бы было в одну прекрасную ночь перерезать всех французов, Ушаков предложил Шабо почетные условия сдачи: каждый военнопленный дал подписку не служить против России, Турции и их союзников в течение полутора лет, и только; во французский порт они отправлялись на транспортах победителей. Шабо со слезами на глазах бросился обнимать Ушакова, когда с ним прощался...

Победители начали делить добычу, которая оказалась

огромной, и тут турецкие адмиралы за себя постояли, хотя во время блокады и осады предпочитали не беспокоить себя никакими делами, предоставив это всецело «Ушак-паше».

Из огромного числа орудий было много весьма ценных медных пушек, мортир и гаубиц, — именно свыше четырехсот. При сварядном голоде на эскадре Ушакова в крепости оказалось 137 тысяч ядер и несколько гранат и бомб. Пороху запасено было столько, что победителям досталось свыше 3000 пудов. Ружей нашлось пять с половиной тысяч и патронов к ним 132 тысячи. И в то время, как Ушаков не знал, чем и как прокормить и во что одеть и обуть осаждающих крепость, осажденные оставили провианта на весь гарнизон на два месяца, а склады их ломились от запасной мундирной одежды, обуви, рубах, одеял, тюфяков и прочего добра.

Кадыр-бей при дележе всей этой добычи старался ставить на вид Ушакову, что Россия — очень богатая страна, а Турция бедна, поэтому турецким морякам должно дать большую половину. Когда же дошло до дележа призовых судов, оказался по-восточному любезен и не спорил с начальником-другом, которому очень нравился корабль «Леандр»; этот корабль он деликатно уступил ему, себе же взял фрегат «Ла Брюнь» и все прочие мелкие суда.

Он не прогадал при таком дележе, прогадал Ушаков: англичане добились того, что «Леандр», отбитый у них французами, был возвращен им обратно, так что русский флот остался без приза, а турецкий обогатился несколькими судами, хотя и небольшого тоннажа.

С занятием Корфу все Ионические острова были очищены от французов, но им нужно было дать приемлемую для населения конституцию, и вот Ушаков выступает в совершенно новой для себя роли: он вырабатывает пункт за пунктом правила выборов начальствующих лиц для независимой республики Ионических островов, испросившей себе покровительство России.

Торжественно проведены им были выборы в члены Большого совета, или греческого сената, причем Ушаков собственноручно написал текст присяги, которая произносилась всеми выборщиками и избранными. Сенат заседал на острове Корфу и имел председателя; в сенате большинством голосов решались политические, военные и хозяйственные дела. Малые советы избраны были и на всех прочих островах. По планам Ушакова, острова имели возможность и должны были сформировать три корпуса войск: один — артиллерийский, один — регулярной пехоты и один — иррегулярной пехоты — для защиты республики от возможных

на нее покушений соседей. Также должен был быть устроен и достаточный для тех же целей военный флот.

Способно удивить нас, потомков, уже одно то, что русский адмирал времен такого самодура-самодержца, как Павел, явился учредителем республики на завоеванных им островах, населенных греками, единоверными русским. При этом нельзя не отметить, что Ушаков не знал ни одного иностранного языка и не имел секретарей, а всю переписку вел сам, для чего должен был вникать лично во всякую мелочь, все продумывать, предусматривать, соображать части с целым и обратно — быть, словом, незаурядным дипломатом, кроме того, что быть совершенно исключительным флотоводцем и полководцем.

Весь тогдашний мир ахнул от изумления, когда узнал, что после весьма непродолжительной осады взята была Ушаковым крепость, которую никто не был в состоянии взять с боя в течение нескольких веков.

Даже Суворов, который в это время воевал с французами в Италии, был восхищен успехом Ушакова и говорил: «Сожалею, что не был при этом хотя бы мичманом!» Нельсон прислал поздравительное письмо.

Павел I произвел Ушакова в адмиралы, султан Селим наградил его челенгом, то есть бриллиантовым пером на шляпу, что представляло тогда в Турции высшую степень в списке наград.

VI

Однако взятием Корфу и устройством независимой Ионической республики далеко не ограничилась деятельность Ушакова в бассейне Средиземного моря. Борьба с французами неминуемо должна была перекинуться и перекинулась по приказу Павла в Италию.

Павел задался целью восстанавливать опрокинутые французами троны и алтари, а в Южной Италии как раз оказался такой опрокинутый трон: король неаполитанский Фердинанд IV бежал под напором французских войск в Палермо, на о. Сицилию, и победители объявили Неаполитанское королевство Парфенопейской республикой.

Фердинанд взывал о помощи к Павлу; Павел отослал приказания об этом как Ушакову, так и Суворову, но Суворов тогда был еще очень далеко, в Северной Италии, а для флота Ушакова, хотя и не вполне завершившего еще тогда свои дела в Ионическом море, западные берега Апеннинского полуострова были так же доступны, как и восточные.

Уполномоченный короля Фердинанда передал Ушакову его просьбу помочь его сторонникам, собравшим для борьбы с французами совершенно недисциплинированное ополчение, во главе которого стал неистовый кардинал Руффо. С другой стороны, с подобными же просьбами стали являться к Ушакову и представители прибрежных городов. Приходилось отделить часть своей эскадры для действий в Италии, и Ушаков назначил для этого несколько фрегатов под общей командой капитана 2 ранга Сорокина, который в свою очередь должен был, вследствие обширного района действий, разбить свой отряд на две небольшие группы и во главе одной остался сам, а другую вверил одному из командиров фрегатов, капитан-лейтенанту Белле.

Эти птенцы гнезда Ушакова — Сорокин и Белле — оказались людьми незаурядных военных способностей: с малыми средствами, которые были в их распоряжении, они сумели в очень короткий срок изгнать, руководя местными ополчениями, французов из многих занятых было ими городов, между прочим и из Неаполя.

Но ополчения, предводимые кардиналом Руффо и другими роялистами, были монархическими, а противники их, французы, опирались на другие ополчения — республиканские; в то время в Италии шла гражданская война.

Русские моряки, таким образом, вынуждены были, оторвавшись от устройства республики на семи Ионических островах, подавлять республиканцев в Италии. Однако к их чести нужно сказать, что они не только не участвовали в ужасных жестокостях, которые учиняли монархисты в отношении побежденных уже республиканцев, но и противились им, насколько были в силах.

Совсем иначе вели себя англичане во главе с Нельсоном, который тоже участвовал в осаде Неаполя. Он приказал ни больше ни меньше, как повесить на мачте одного из своих судов республиканца адмирала Карачиолло, чем вызвал глубочайшее возмущение в русских моряхах, помнивших, как обращался с пленными французами их адмирал Ушаков. Всячески стараясь оградить побежденную часть Неаполя от неистовств Нельсона, кардинала Руффо и других вождей монархистов, наши моряки заслужили большую признательность неаполитанцев, а исключительная храбрость маленького русского десантного отряда — он весь-то состоял из пятисот человек! — изумила как французов и итальянцев, так и англичан; даже Нельсон писал о «храбрости и великих достоинствах капитан-лейтенанта Белле и каждого офицера и рядового, находящегося под его командой».

Но кроме Фердинанда, короля неаполитанского, к Ушакову через посредство Суворова обратился за помощью еще и Франц, император австрийский. Французы в то время владели городом Анконой на Адриатическом море. Это город был уже в другой основанной ими республике — Римской. Отсюда, из Анконы, французы мешали свободному плаванию австрийских транспортных судов в северной части Адриатики. Ушаков командировал в Анкону несколько своих кораблей и фрегатов под командой контр-адмирала Пустошкина, с которым вместе учился в Морском корпусе. Эта операция была серьезнее первой, так как Анкона была хорошо укреплена французами, имела двухтысячный гарнизон, а в гавани ее стояло несколько судов, в числе которых были и два корабля.

Обстреляв Анкону, Пустошкин предложил было гарнизону сдаться, но получил отказ, а десантных войск для тесной осады у него не было. Опираясь на местные повстанческие силы, Пустошкин занял окрестности Анконы и хотел было приступить к осаде, но внезапно был отозван Ушаковым, так как появились слухи о большом франко-испанском флоте, будто бы идущем против него и Нельсона, осаждавшего тогда о. Мальту. Нельсон снял осаду Мальты, Ушаков — осаду Анконы, чтобы сгруппировать свои силы, но слух оказался ложным.

Вторично послана была к Анконе небольшая эскадра, уже под начальством капитана 2 ранга Войновича, брата контр-адмирала. Теперь гарнизон Анконы стал уже больше на тысячу человек, и окрестности, занятые Пустошкиным, конечно, снова захвачены были французами.

Однако, войдя по примеру Пустошкина в связь с народным ополчением, Войнович повел правильную осаду Анконы, и гарнизон крепости был уже близок к сдаче, когда совершенно неожиданно появился под стенами ее восьмитысячный отряд австрийцев под начальством генерала Фрейлиха.

Австрийцы были союзниками русских, и, казалось бы, Войновичу оставалось только радоваться, что «нашего полку прибыло», но на деле вышло иное.

Фрейлих отнесся к Войновичу и предводимым им русским силам весьма презрительно, так что даже не хотел с ним общаться, а изнемогавший уже и вдвое уменьшившийся численно гарнизон уговорил сдаться непосредственно ему на соблазнительно почетных условиях.

Французы сдались ему; Войнович донес об этом Ушакову; страшно возмущенный таким поступком австрийского

генерала, Ушаков послал соответствующее донесение Павлу; Павел потребовал от Франца суда над Фрейлихом, и хотя тот по суду был исключен со службы, но тем не менее союз между Францем и Павлом дал такую глубокую трещину, что очень скоро распался, так как и без нее был непрочен из-за подлого отношения австрийского правительства к Суворову и русской армии, борющейся за целостность и неизбежность трона Франца.

К концу лета 1799 года подобные трещины появились и в отношениях с Турцией и Англией.

В турецкой эскадре, предводимой Кадыр-беем, начались волнения среди матросов. Был ли это свой голос турецких матросов, или пели они с голоса своего начальства, которое видело, что затянувшаяся война, требовавшая участия турецких судов в экспедициях против различных городов Италии, не способна принести Турции никакой существенной пользы, но волнения дошли до того, что матросы совершенно отказывались повиноваться. Кадыр-бей снесся по этому поводу с Константинополем и получил оттуда приказ привести всю эскадру в Дарданеллы.

Турки ушли; на Средиземном море остались как союзники русских только англичане. Ушаков с Нельсоном и королем Фердинандом при личном свидании в Палермо установили дальнейший порядок действий, но этот порядок не вполне соответствовал желаниям Павла.

Павел был великий магистр Мальтийского ордена, наряжался в парадных случаях в далматик соответственно своему новому званию, раздавал орденские знаки Иоанна Иерусалимского (между прочим, и Ушакова наградили этим мальтийским орденом), и, вполне естественно, желал он, чтобы Мальта была наконец очищена от захвативших ее «свято-татцев» французов, а у Нельсона, осадившего Мальту одновременно с тем, как Ушаков осадил Корфу, дело не двигалось.

От Павла получал Ушаков предложения помочь Нельсону, но Нельсон всячески отклонял эту помощь, так как работал не на русского императора, а на своего, британского короля и Мальту думал приобщить к английским владениям.

Поэтому на свидании в Палермо Нельсон доказывал необходимость помощи не ему, а все тому же Фердинанду IV; конечно, Фердинанд при этом всячески обосновывал свою нужду в доблестной русской эскадре и ссылался на обещания императора Павла всемерно укрепить его на престоле.

Ушакову оставалось только вести эскадру в Неаполитанский залив и стать там на якорь.

Как года за полтора перед тем в Константинополе, так теперь в Неаполе Ушаков стал самым почетным лицом. Все отдано было королем в подчинение русскому адмиралу. Он формировал неаполитанские войска, для которых, нужно сказать, нашлось у короля всего только пять тысяч ружей; он обучал их, делал им смотры, заботился о снабжении их всем необходимым для похода в соседнюю Римскую республику, чтобы из нее сделать прежнюю Римскую область.

С показным горячим восхищением следил за этой деятельностью Ушакова некий Трубридж, командир единственного английского корабля, стоявшего тогда в Неаполе. Но вдруг Трубридж снялся с якоря, якобы отправляясь в Палермо. На самом же деле он отправился в Чивиттавеккья, откуда начал переговоры с французским гарнизоном в Риме о сдаче ему, Трубриджу, на почетных условиях, иначе-де он весь будет истреблен Ушаковым.

Английский Фрейлих достиг своей цели. Генерал Горнье, комендант Рима, сдался ему, сохранив при этом свое оружие, и очень любезно был доставлен во Францию.

Возмущенный поступком Трубриджа, Ушаков не хотел даже, чтобы русский десантный отряд следовал в Рим, однако с уходом французов там началась анархия, и восстановление порядка сделалось необходимым. И вот по улицам Вечного города замаршировали русские матросы.

Целый месяц пробыл в Риме русский десант, являясь единственным сдерживающим началом в клокочущем котле борьбы партий. Он был отозван только тогда, когда, по-видимому прельщенный ловким маневром, проделанным капитаном Трубриджем, Нельсон сам захотел проделать нечто подобное.

Он вдруг начал усиленно просить о том, что отвергал раньше, — именно, о помощи, какую мог бы оказать ему Ушаков со своей героической эскадрой при осаде Мальты; он ссылаясь при этом, конечно, и на то, как будет приятно это великому магистру Мальты, повелителю доблестного русского адмирала.

Ушаков, разумеется, согласился помочь в этом Нельсону и начал готовиться к новому походу, но тут как раз получил приказание Павла возвратиться на родину вместе со своей эскадрой. Войска Суворова в это время покинули уже Австрию. Порвав с Австрией, Павел, таким образом, рвал и с Англией, так что Трубридж, как и Фрейлих, принесли все-таки большую пользу России.

Несмотря на всю свою умственную косность, Павел все же понял благодаря им и им подобным, что укрепиться на Средиземном море ему не дадут если не французы, то англичане и австрийцы и что все подвиги его матросов и солдат, его адмиралов и генералов не в состоянии будут уравновесить удобство сообщений и близость баз его соперников.

Он представил, наконец, во всей ясности картину будущих затруднений даже и с Ионическими островами, которые он взял под свое покровительство, в то время как вход в Средиземное море и выход из него были в чужих руках. Поэтому он решил сделать это покровительство только номинальным, а борьбу с революционной Францией прекратить, поскольку она в руках первого консула Наполеона Бонапарта становилась уже на обычный монархический путь.

Творцу же государственной жизни ионийцев оставалось только проститься с теми, кого он освободил от чуждой власти и для которых составлял конституцию, писал текст присяги.

Это прощание вылилось в очень одушевленные и трогательные манифестации со стороны граждан «Республики семи островов».

Остров Итака поднес ему золотую медаль с изображением своего легендарного героя Одиссея, воспетого Гомером в его поэмах; остров Занте — серебряный щит и золотую шпагу; остров Кефалония — золотую медаль с портретом своего освободителя; наконец, Корфу — золотую с бриллиантовым эфесом шпагу, на которой красовалась надпись: «Корфу — освободителю своему Ушакову...»

Не добавили слово «адмиралу», но этого не было нужно, так как в те времена имя Ушакова было одним из самых громких в мире.

В 1802 году, то есть уже при Александре I, Ушаков был переведен на высшую командную должность в Балтийский флот, а через пять лет вышел в отставку по расстроенному здоровью.

Умер он в 1817 году, и последние годы жизни его были проведены, таким образом, вне службы родине, но навсегда остался в истории России и русского флота адмирал, не знавший поражений на море, как и на суше, строгий к подчиненным, но еще более строгий к самому себе, первый в бою, как первый и в мирном строительстве, вполне доверявший своим матросам и пользовавшийся их неизменным доверием, сделавший юный Черноморский флот полным гос-

подином Черного моря и прославивший русский ф́лаг в чужих морях.

Немалой заслугой Ушакова является и то, что он воспитал достойного преемника себе в лице долгое время служившего под его начальством и применявшего впоследствии его приемы в войне и мире Дмитрия Николаевича Сенявина.

Крым, Алушта, 1940 г.

АДМИРАЛ Д. Н. СЕНЯВИН

Исторический очерк

I

митрий Николаевич Сенявин, уроженец Калужской губернии, происходил из морской семьи: моряки Сенявины были еще во флоте Петра Великого, так что фамилия эта не переводилась в русском флоте со времени его основания. Отец адмирала Сенявина был морским офицером; двоюродный брат отца, Алексей Сенявин, был адмиралом, и при его помощи десятилетний Митя в 1773 году был определен в Морской корпус — весьма жуткое учебное заведение, как это видно из воспоминаний его бывших питомцев.

Очень живописно рассказывает о себе сам Сенявин.

«Батюшка отвез меня в корпус, прямо к майору Г-ву; они скоро познакомились и скоро подгуляли. Тогда было время такое, без хмельного ничего не делалось. Распрощавшись меж собою, батюшка сел в сани, я поцеловал его руку; он перекрестил меня и, сказав: «Прости, Митюха, спущен корабль на́ воду, отдан богу на́ руки, — пошел!» — змиг с глаз скрылся».

Единственным педагогическим приемом в корпусе было жестокое сечение розгами, и маленький Митя скоро испытал на себе, что такое математика и навигация и прочие морские науки: чуть ли не ежедневно его секли.

Немудрено было возненавидеть корпус. Экзекуции кадет Сенявин научился переносить стойчески, но в науках решил не двигаться ни на шаг, чтобы быть поскорее исключенным из корпуса.

Отец, сдав сынишку «богу на́ руки», о нем больше не заботился, и только брат отца, капитан 1 ранга, служивший в Кронштадте, узнав, что его племянник уже три года сидит в одном классе и на самом худом счету у начальства

корпуса, решил применить к нему свои меры воздействия. Он привез его к себе, долго и прилежно уговаривал его не срамить фамилии Сенявиных, взяться как следует за науки, но закончил он свои наставления так же точно, как в корпусе: позвал людей и высек племянника так старательно, как его и майор Г-в не сек!

Это был поворотный момент в биографии Дмитрия Николаевича. «Возвратясь в корпус, — пишет он, — я придумался. Уже и резвость на ум не идет. Пришел в классы, выучил скоро мои уроки. Память я имел хорошую, и, прибавив к тому прилежание, дело пошло изрядно. В самое то время возвратился из похода старший мой брат, часто рассказывал в шабашное время красоты корабля и все прелести морской службы. Это сильно подействовало на меня, я принялся учиться вправду и, не с большим в три года, кончил науки и в 1777 году, в ноябре, произведен в гардемарины».

Из всего этого видно, что учился Сенявин «чему-нибудь и как-нибудь». Три года потом он плавал гардемаринном, наконец выдержал офицерский экзамен и произведен в мичманы и в этом чине был записан на корабль, который отправлялся в числе других в заграничное плавание — в Лиссабон.

Это был первый большой иностранный город, в котором восемнадцатилетний мичман Сенявин провел очень веселую зиму, попадая почти каждый день «с корабля на бал». Этот город подарил ему и первую любовь к какой-то весьма юной англичанке, но не мешает отметить и то, что этот же Лиссабон сыграл роковую роль в карьере Сенявина лет тридцать спустя, о чем будет сказано ниже.

Возвратясь из плавания, Сенявин был назначен в Азовский флот, и вот только теперь, проездом из Кронштадта в Крым, завернул он по пути в свое родное село Комлево, к матери, которую не видал девять лет.

Покинув ее мальчиком, он явился к ней высоким стройным голубоглазым юношей с густым румянцем на щеках, с веселой улыбкой, почти не сходившей с его губ. На красивого мичмана заглядывались уездные девицы. Естественно было и матери предсказать ему, что он будет со временем в больших чинах; притом же отыскалась и подходящая примета, а именно: сын спал непременно на спине — так привык — и подложив обе руки под голову. Поза важная, что и говорить, и в данном случае примета за себя постояла: Дмитрий Сенявин дослужился до предельного морского чина.

В Крыму Сенявину посчастливилось не умереть от чумы во время эпидемии, выхватившей из экипажа эскадры свыше ста человек, видеть последнего крымского хана Шагин-Гирея и даже получить от него в подарок серебряные часы и, наконец, попасть в адъютанты к контр-адмиралу Мекензи, который был озабочен устройством порта близ татарского селения Ахтиар, где имелись бухты, укрытые от ветров горами, причем одна из них длиной до семи верст и шириной в версту. Этот новоустроенный порт скоро получил от Потемкина название Севастополь, то есть «Знаменитый город».

Что город этот будет знаменит когда-то, предугадать было не трудно, раз в бухтах могла быть стоянка огромного военного флота, а на берегу на высоком столбе Потемкин приказал прибить доску с надписью славянскими буквами: «Дорога в Константинополь».

Как бы блестяще ни рисовалось самому Потемкину будущее этой местности, тогда, когда был там Сенявин, это был еще совсем пустынный край, где только одни развалины древнего Херсонеса и генуэзских укреплений у Балаклавы да Инкерманские пещеры свидетельствовали о былом; теперь здесь были только небольшие и бедные татарские аулы, а Балаклава представляла собой селение рыбаков-греков.

Контр-адмиралу Мекензи принадлежит заслуга первоначальной разбивки и застройки Севастополя как города. Каждый командир корабля привлекался к постройке дома для себя и казармы для своей команды, однако строительных материалов под рукой не было, как не было и строительных рабочих. На кораблях были, конечно, матросы-плотники, но не каменщики, а дома приходилось делать из камня за неимением леса. Из местных жителей каменщиков нашли только среди балаклавских греков, и им в помощь даны были матросы.

Имея в виду показать Севастополь Екатерине II во всей красе, Потемкин всячески нажимал на Мекензи, тот же — на своих адъютантов, а эти в свою очередь — на рабочие команды судов.

Готовый пиленный и бутовый камень привозили с развалин Херсонеса, но дело это далеко не пошло вначале по недостатку извести; потом наловчились класть камень на глине с морским песком, наконец, чтобы ускорить строительство, ограничивались стенами из плетня, обмазанного глиной; крыши же на всех постройках были камышовые, как это было принято в низовьях Днепра.

В то же время строились и разные мелкие суда, и пристань и устраивались кирпичные заводы, — вообще, работа кипела. Дома командиров судов расположились на берегу Южной бухты, и в поябре Мекензи в своем доме, который, конечно, оказался и больше, и благоустроеннее всех других, дал первый бал.

С Севастополем, таким образом, связано было несколько лет службы Сенявина. По мере своих сил и положения он содействовал и первоначальному устройству этого города, и увеличению, хотя и мелкими судами, флота на Черном море. При нем учреждено было адмиралтейство в Херсонесе и Главное Черноморское управление, благодаря чему Черноморский флот получил отдельное от Балтийского бытие; при нем очень часто наезжал в Крым, неизменно навещая и Севастополь, князь Потемкин, причем Сенявин постоянно назначался к нему в ординарцы, так что Потемкин иногда подолгу беседовал с ним, привык к нему, называл его без чинов по имени.

Энергичный, находчивый, Сенявин перешел после смерти Мекензи адъютантом к новому командиру Севастопольского порта и флота графу Войновичу и в 1787 году, то есть 24 лет, был уже капитан-лейтенантом.

В этом году, как известно, Екатерина II приезжала в Крым, и Сенявин был очевидцем феерического путешествия «северной Семирамиды», так как с важными бумагами, полученными из Константинополя, был послан Войновичем к Потемкину, встретил его в Кременчуге и потом вместе с чрезвычайно многочисленным кортежем Екатерины возвратился в Крым.

О том, что ему пришлось наблюдать при этом, он довольно подробно говорит в своих воспоминаниях, но вполне естественно, что его наблюдения были поверхностными — иными при его положении они и не могли бы быть. Так, он, между прочим, описывает, как Екатерина обратилась к матросам-гребцам на приготовленном для нее в Севастополе катере: «Вон как далеко я ехала, чтобы только увидеть вас!» На что один из матросов ответил: «От ефтакрой царицы все может статься!» — а Екатерина, оборотясь к графу Войновичу, сказала по-французски с большим удовольствием: «Какие ораторы твои матросы!»

Бумаги, которые вез и привез Потемкину Сенявин, были действительно важные: они представляли донесения русского посла в Константинополе Булгакова о том, что турки готовятся к войне с Россией из-за Крыма. И турки в том же

1787 году, посадив Булгакова в Семпашенный замок, начали войну. В эту-то войну, тянувшуюся четыре года, отличился и выдвинулся Сенявин.

II

Так как турки ввели в Черное море свой сильный флот, то Потемкин приказал Войновичу отправиться для встречи и сражения с ними к берегам Румелии (Болгарии); но в сентябре обыкновенно бывают в Черном море так называемые равноденственные бури.

Об этом не забыли, конечно, но всей опасности плавания в такое время не учли и поплатились за это жестоко. Эскадру трепало штормом в виду Варны с такой силой, что один корабль потерял и мачты и руль, сделался игрушкой ветра и занесен был в подарок туркам прямо в Босфор, другое судно — фрегат «Крым» — затонуло, и ни один человек с него не спасся; та же участь грозила и адмиральскому кораблю «Преображение господне», и если этот корабль со всем его экипажем был все-таки спасен от гибели, то благодаря исключительной энергии Сенявина.

Трюм корабля был уже полон воды, и матросы надевали уже чистые рубахи, как это было принято делать в армии и флоте перед боем, когда каждому грозила смерть. К смерти готовились и все офицеры корабля, и сам Войнович — один только Сенявин не потерялся, не впал в отчаяние.

Он сам с топором в руках лазил по упавшим мачтам и обрубал такелаж, чтобы уменьшить раскачку корабля. Но главным была вода, с каждой минутой все глубже погружавшая корабль. Он выкрикивал приказания матросам насчет того, чтобы всеми средствами выкачивали воду из трюма, ему отвечали угрюмо: «Выкачивай сам море в море!» И истово крестились, готовясь к смерти.

И Сенявин начал работу сам.

Помпы уже не действовали, и он орудовал простым ушатом так старательно, что матросы, глядя на него, одни за другим принялись ему помогать. Их было до восьмисот человек, и, когда все они наконец взялись за дело, вода в трюме заметно начала убывать.

Сенявин исправил помпы, и, когда они начали действовать, у всех уже появилась надежда, что корабль уцелеет. Несколько часов длилась напряженнейшая борьба людей со стихиями, и стихии были побеждены. «Преображение» вместе с другими кораблями, также потерявшими и мачты и рангоут, благополучно вернулось в Севастополь, а имя

Сенявина резко выдвинулось среди имен других офицеров флота.

В следующем, 1788 году уже не со штормом, а с турецкой эскадрой пришлось сражаться юному Черноморскому флоту. В это время Потемкин осаждал турецкую крепость Очаков, осажденным же помогала своим огнем большая эскадра под начальством самого капудан-паши, то есть морского министра, Эски-Гассана.

Эскадра эта значительно превосходила силой весь Черноморский флот, но все-таки Потемкин вызвал его из Севастополя, чтобы отвлечь турок от Очакова, который он готовился штурмовать.

Пока приготовились и вышли в море русские суда, к турецкой эскадре подошли подкрепления, и к моменту столкновения морских сил противников у острова Фидониси 3 июля (ст. ст.) 1788 года у Эски-Гассан-паши было пятнадцать линейных кораблей, у Войновича только два: адмиральский все тот же, «Преображение господне», и на нем в качестве старшего адъютанта Сенявин, другим же кораблем командовал капитан-бригадир Федор Федорович Ушаков, впоследствии знаменитый адмирал.

Пятнадцать кораблей против двух при равном почти числе фрегатов и более мелких судов — это подавляющее неравенство, и все же черноморцы после двухчасового боя заставили турок поспешно ретироваться. Так как главная атака турок была направлена на оба русских корабля, то это дало возможность отличиться как Ушакову, так и Сенявину, положив начало их соперничеству, хотя Сенявин был значительно ниже Ушакова по чину и должности.

Это было первое большое сражение между молодым флотом Черного моря и старым турецким, и с донесением о нем Потемкину граф Войнович отправил Сенявина. В свою очередь и Потемкин отправил с бумагами к Екатерине того же Сенявина, и потом Сенявин гордился собственноручным подарком царицы — золотой табакеркой, осыпанной бриллиантами. По возвращении к Потемкину из Петербурга Сенявин был произведен в капитаны 2 ранга и оставлен при главнокомандующем как генерал-адъютант.

Штурм Очакова между тем все откладывался, осада затянулась, турецкий флот снова всячески помогал осажденным, и Потемкин пришел к мысли отвлечь его подальше, к берегам Малой Азии, если даже не весь целиком, то хотя бы в большей части, для чего думал послать в экспедицию несколько судов, так как основные силы Черноморского флота необходимы были для защиты Крыма.

Потемкин хорошо знал состав своего флота и отрядил для экспедиции пять крейсерских судов, но задумался над тем, кому же вверить эти суда, чтобы они не сделались легкой добычей турок и не погибли совершенно без пользы для дела осады Очакова. И вот тут-то, приглядываясь еще и еще к Сенявину, он решил вдруг послать в Севастополь его, никогда до того не командовавшего никаким судном, принять команду над целым отрядом судов.

Прощаясь с ним, Потемкин даже прослезился: ему казалось, что у того, кого он посылает в опасное предприятие, гораздо больше шансов пропасть, чем вернуться, а между тем предприятие само по себе представлялось необходимым. Расцеловал он его на прощание, благословил и сказал с чувством: «Исполни свой долг, Дмитрий, а мы будем за тебя молиться!»

Сенявин принял начальство над маленькой эскадрой и вышел в море снова в бурном сентябре, взяв курс на Синоп.

Вопреки опасениям Потемкина, он не только не погиб сам и не погубил доверенных ему судов и экипажей, но «пошарпал берега Анатолии» вполне исправно и выдержал шторм в открытом море. Он вернулся в Севастополь в октябре, и Потемкин доносил о нем в Петербург в следующих выражениях: «...благополучно возвратился, исполнив возложенное на него дело с успехом, разнесши страх по берегам анатолийским, сделав довольное поражение неприятелю, истребив многие суда его и доставив вместе с пленными богатую добычу».

Нужно сказать, что Черноморский флот в первый раз именно в эту экспедицию пересек Черное море и очутился у противоположных его берегов, так что Сенявину довелось сделать как смелое, так и вполне новое дело. Им заработал он Георгиевский крест и получил в командование шестидесятипушечный корабль, несколько раньше взятый в плен у турок.

Помогла или нет экспедиция Сенявина, но через два месяца после того, как он вернулся, Очаков был наконец взят, и это дало нашему адмиралтейству в Херсоне возможность беспрепятственных сношений с Севастополем и морем.

Но турки и после того не теряли еще надежды вновь овладеть Крымом. В июне 1791 года вошла с этой целью в Черное море огромная флотилия, в которой кроме знакомой уже нашим морякам эскадры было еще три: тунисская, алжирская и триполийская, так что турки стянули теперь

на борьбу с недавно возникшим русским флотом почти все свои морские силы.

Из командиров отдельных эскадр выдавался алжирец Санд-Али-паша, флотоводец весьма опытный и отважный. Во главе же русского флота стоял Ушаков, теперь уже контр-адмирал, который пошел навстречу противнику и дал ему бой против Варны, у мыса Калнакра.

Участником этого боя был и Сенявин, командовавший большим кораблем «Навархия», но героем дня явился Ушаков, распорядившийся боем и нанесший туркам жестокое поражение. Сенявин же, из чувства ли соперничества с ним или по другим мотивам, выполнил в этом бою маневр, который от него требовался, не с тою отчетливостью и быстротой, какие ожидалось Ушаковым, и на этой почве между ними после боя произошла размолвка, так что Ушаков считал себя вынужденным жаловаться на своего подчиненного самому Потемкину.

Как ни любил Сенявина Потемкин, но посадил его все-таки под арест. Однако раздувать ссору двух самых доблестных представителей командного состава Черноморского флота ему, весьма естественно, не хотелось, и он призвал к себе Сенявина и сказал возможно строго: «Дмитрий! Выбери одно из двух: или ты испроси себе прощения у того, кого ты обидел, или я должен буду разжаловать тебя в матросы!»

Конечно, Сенявин выбрал первое, тем более что чувствовал за собой бесспорную вину против правил военной дисциплины, и извинение его перед Ушаковым в присутствии офицеров состоялось.

Это событие в жизни Сенявина весьма поучительно. Во время горячего боя, разумеется, часто бывает так, что распоряжения командующего, данные предварительно, оказываются невыполненными, когда инициатива перехвачена противником. Тогда, напротив, командир отдельной части должен найти другой выход из положения, который сулил бы успех. И конечно, у Сенявина в пылу боя появился свой план действий, но, выполняя его, он нарушил в чем-то план действий Ушакова. Извинившись, Сенявин признал свою опрометчивость, и Ушаков, который был вспыльчив, но не злопамятен, широко раскрыл объятия.

«Федор Федорович, — писал Ушакову Потемкин, когда услышал о примирении, — ты хорошо поступил, простив Сенявина; он будет со временем отличный адмирал и даже, может быть, превзойдет самого тебя».

Справедливость требует сказать, что Ушаков после этого

случая отнюдь не затирал своего строптивного подчиненного, но всегда предоставлял ему возможность отличиться. Слова Потемкина, умершего в том же 1791 году, он помнил и часто говаривал: «Не люблю я, очень не люблю Сенявина, но он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честью быть моим преемником в предводительствовании флотом».

III

Сенявин доказал, что его верно угадали и Ушаков и Потемкин, что он не пустозвет, что не какое-то счастливое стечение обстоятельств выдвинуло его на первых порах, что он не затем блеснул и раз, и другой, и третий, чтобы потом бесславно погаснуть.

Умер Потемкин, «великолепный князь Тавриды», кончился вскоре после того и век Екатерины. Царствование Павла поставило перед Черноморским флотом другие задачи. Турки в это время ушли в тень, на передний план исторической жизни Европы выступили французы, и Черноморский флот с Ушаковым во главе получил назначение идти в Архипелаг и очистить Ионические острова от французов, которые их захватили.

Еще Екатерина, опасаясь, что идеи Великой буржуазной французской революции проникнут в Россию, готовилась к войне с Францией, деятельно ведя переговоры по поводу этого с Австрией и Англией, в коалицию с которыми хотела вступить, но неожиданно умерла она среди этих приготовлений.

Сын ее, Павел, задавшись мыслью восстановления опрокинутых разливом революции тронов и алтарей, не только дал у себя приют многим представителям французской знати, но и начал против Франции военные действия в союзе с Австрией, Англией и... Турцией.

Турцию чрезвычайно встревожила экспедиция в Египет, предпринятая французским генералом Наполеоном Бонапартом, и султан Селим III сам предложил России совместные действия, если она выступит против Франции; Павел же задался целью освободить от власти французов Ионические острова, населенные греками православного исповедания и до 1797 года принадлежавшие Венецианской республике; так у недавних врагов — России и Турции — оказались общие интересы в бассейне Средиземного моря.

Черноморскую эскадру, посланную Павлом в Архипелаг отвоевывать Ионические острова, возглавлял вице-адмирал

Ушаков, прославившийся своими победами над турецким флотом, а одним из кораблей в этой эскадре командовал капитан 1 ранга Сенявин.

Султан обязался платить по 600 тысяч пиастров в год на содержание русской эскадры, а свою эскадру с адмиралом Кадыр-беем во главе отдал не только под начальство, но еще и в обучение непобедимому «Ушак-паше», как называли Ушакова турки.

Английский адмирал Нельсон, уже истребивший к тому времени французский флот в сражении при Абукире, поджидал, крейсируя в Средиземном море, другой французский флот, который снаряжался в Бресте, чтобы идти к Египту. Ушаков известил Нельсона о своих намерениях, и кампания союзных эскадр началась.

Восставшее на Ионических островах против своих поработителей население помогло Ушакову осенью 1798 года последовательно занять острова Чериго, Занте, Кефалонию и другие. Не сдавались только наиболее укрепленные французами — самый большой из всех Ионических Корфу и Святая Мавра — небольшой островок возле албанского побережья. Сам занявшись блокадой Корфу, Ушаков командировал Сенявина взять остров Святой Мавры, очень крутобережный и защищенный крепостью, в которой было свыше 60 орудий и 600 человек гарнизона.

Сенявин высадил на острове десант и сам распоряжался его действиями, которые привели к тому, что на тринадцатый день осады гарнизон крепости сдался, хотя далеко не истощил еще всех возможностей обороны.

Через четыре месяца после этого был взят и весь о. Корфу, и таким образом Ионические острова были совершенно очищены от французов. Любопытно, что за взятие Святой Мавры и административную деятельность свою Сенявин был произведен Павлом в генерал-майоры, но нужно сказать к случаю, что гораздо легче оказалось очистить от французов эти острова, чем ввести прочное управление ими.

Население всех островов едва доходило до 200 тысяч человек, но потомки Одиссея с острова Итаки, а также других героев, воспетых Гомером, мечтали о полной самостоятельности под покровительством России, которая, конечно, не должна была в будущем давать их кому-нибудь в обиду, а Павел при всей своей неуравновешенности понимал все же, что это покровительство чревато для него большими последствиями: оно не сулило ему никаких осязательных выгод, требовало больших затрат на содержание флота и гарнизонов, кроме того, всегда могло вовлечь его в войну с

государствами, которым острова эти приходились «под межу».

Уже и тогда, в 1799 году, протектората над ними добивался султан Селим III, ссылаясь на то, что турецкий флот участвовал в их завоевании; но, с другой стороны, французское правительство не расставалось с мыслью отобрать их обратно, а пока посылало на острова своих представителей, красноречиво рисовавших перед населением преимущества покровительства Франции — страны гражданских свобод — сравнительно с Россией и Турцией — странами крепостного рабства; обещалось также скорое освобождение Греции французами из-под власти турок.

Прочного самоуправления на островах в то же время никак не удавалось наладить, так как они были охвачены ожесточенной классовой борьбой.

Через год после того, как были очищены от французов острова, а именно в марте 1800 года, в Константинополе был заключен трактат, по которому новообразованная республика становилась в вассальное отношение к Порте, а русскому флоту еще раньше приказано было отправиться в Неаполь, сухопутные же войска доставить в Мессину.

Во время этой-то эвакуации сухопутных войск Сенявин едва не погиб вместе со своим кораблем и всем его экипажем от сильнейшего шторма. Это был второй случай в его жизни, когда только его огромная энергия и знание морского дела помогли судну спастись, когда оно было уже буквально на краю гибели — всего в 30 метрах от береговых скал, на которые гнал его штормовой ветер.

Вся надежда спастись опиралась только на то, что выдержат канаты якорей, которыми в начале ночи удалось после невероятных усилий закрепить, но надежда эта была слабая; и действительно, один из канатов не выдержал — лопнул; шлюпку с десятью матросами, посланными Сенявиным закрепить канат на берегу, опрокинуло; только другой шлюпке посчастливилось причалить к берегу и исполнить приказ. Всю ночь палили из пушек, чтобы жители селения, расположенного на берегу, помогли спастись экипажу, когда будет разбито судно; с этой же целью часто зажигали на корабле фальшфейер.

Прошла ночь, наступило утро — шторм не прекращался. Жители собрались на берегу, но помочь ничем не могли, только служили молебны. Так трепало русский корабль еще целый день, и Сенявин ни на минуту не прекращал борьбы за целостность вверенных ему судна и экипажа. Шторм

утих только к ночи, и утром на другой день смог наконец Сенявин сняться с якоря и продолжать путь в Мессину.

А в декабре этого года вся эскадра вернулась в Севастополь, и Сенявин назначен был в Херсон командиром порта. На этом посту из генерал-майора переаттестован он был в контр-адмирала, но уже при новом императоре Александре I, в 1803 году, а вскоре после того получил назначение в Балтийский флот, в Ревель.

Это было время затишья, но затишье оказалось перед бурей, и самые красочные страницы биографии Сенявина были еще впереди.

IV

Константинопольский трактат, отдавший Ионическую республику под покровительство Турции, легче было подписать, чем провести в жизнь. Ионийцы не хотели и слышать о турецком покровительстве. Они уничтожали свою знать, подозревая ее в том, что она подкуплена Портой.

Конечно, агенты Порты искусственно разжигали страсти в надежде, что раз настанет в республике полная анархия, то острова очень легко будет подчинить совершенно власти султана, тем более что русская эскадра и сухопутные войска были в Сицилии и, казалось бы, не имели больше намерения вмешиваться в дела ионийцев, а вскоре последовал им приказ возвратиться в Россию.

Порта близка уже была к оккупации островов на весьма продолжительный срок, когда ввиду этой опасности временно прекратилась рознь партий и ионийцы послали депутатов к Александру I и во Францию, прося о покровительстве. Просьбы эти подействовали здесь и там, но в то время как Наполеон, бывший тогда первым консулом, прислал только своего родственника Собастиани с обещанием не только помощи, но и скорого освобождения всей Греции и присоединения к ней Ионических островов, Александр приказал не отправленным еще на родину сухопутным отрядам вернуться из Неаполя, где они тогда были, на остров Корфу. Кстати, в Средиземном море оставались еще фрегаты из состава Черноморского флота.

Эти военные силы должны были содействовать порядку на островах, а под их прикрытием приказано было пересмотреть конституцию, составленную для ионийцев, и изменить ее согласно их желаниям. Наполеон со своей стороны не только не препятствовал этому, занятый другими, гораздо более важными для него планами, но даже поощрял мероприятия Александра. Он не желал ссориться с русским

царем, предполагая воспользоваться его трудами здесь впоследствии, когда удастся ему победить Англию.

А труды оказались большими: чрезвычайно беспокойным народом были ионийцы! Конституция их все пересматривалась, количество русских войск на островах возрастало, становились власти из местных граждан, сменялись новыми, порядок не налаживался, а время шло, и подошла наконец война Александра на стороне Австрии с Наполеоном, теперь уже императором Франции и королем Италии.

В связи с этим Сенявин в 1805 году получил приказ отправиться во главе эскадры Балтийского флота в Ионическое море и, прибыв на остров Корфу, принять начальство над всеми морскими и сухопутными силами в Ионической республике.

Приказ этот вызван был тем, что в Петербурге узнали о замыслах Наполеона захватить острова, для чего снаряжалась эскадра в Тулоне, силы же русские на островах и около них в море признаны были недостаточными. Кроме того, все эти силы нуждались еще и в опытном, способном главнокомандующем, а таким в глазах Александра был только Сенявин, который ради этого случая произведен был в вице-адмиралы.

Дивизия судов, которая вверялась Сенявину при отправке из Кронштадта, состояла из пяти линейных кораблей и фрегата с экипажем в 3600 человек. Но в пути выяснилось, что дальнего плавания суда эти вынести не могут, потому что оборудованы они были неважно: паруса оказались гнилыми, рангоут из плохого леса, на судах не было громоотводов, не было водоочистительных машин, даже и в орудиях нашлись недостатки, которые пришлось исправлять, иначе нельзя было надеяться на успех при встрече с французской эскадрой.

Все эти исправления и дополнения сделаны были Сенявиным в Англии, в Портсмуте, куда зашла дивизия чиниться и запастись провиантом. Здесь же при посредстве русского посланника графа Воронцова куплены были еще и два брига и наняты были лекаря, по одному на каждый корабль.

Но пока снаряжалась и начала двигаться от берегов Англии к югу эскадра Сенявина, совершились два события величайшей важности. Первым из них была победа английского адмирала Нельсона над соединенным франко-испанским флотом при мысе Трафальгар. Победа эта сама по себе была блестящей: флот Нельсона состоял из 27 линейных кораблей, флот франко-испанский — из 33; адмирал

Вильнев, командовавший соединенным флотом, потерпел поражение, приведшее к сдаче англичанам 19 кораблей; кроме того, еще 5 кораблей из того же флота сдались несколько позже боя, и только 9 успели спастись, войдя в гавань Кадикса.

Эта победа — 14 октября 1805 года — избавила Англию от большой опасности, так как Наполеон только и ждал, когда флот Вильнева придет в Ла-Манш, чтобы начать недавно задуманное им нашествие на Британские острова; она же избавила и Сенявина от опасений встретиться с огромными силами французов в открытом море на пути к Гибралтару.

Это событие было для него радостным, но второе, о котором он узнал гораздо позже, совершенно ошеломило его: поражение русско-австрийской армии Наполеоном при Аустерлице он даже и предположить не мог.

Если Трафальгар спас Англию, то Аустерлиц, отдав Австрию в руки Наполеона, вместе с тем сделал его обладателем и Венеции, и северных берегов Адриатики, и Далмации. Конечно, это значительно осложняло будущие задачи Сенявина в зоне Ионических островов, но оказалось, что и опасности встретиться с французской эскадрой он тоже не миновал: его поджидала эскадра в семь кораблей, чтобы не пропустить в Средиземное море. Так как сражаться с этой эскадрой не входило в планы Сенявина, хотя бы сражение это и окончилось победой, то он искусным маневром разошелся с ней, вошел в Средиземное море и в половине января 1806 года подошел туда, куда и был отправлен, — к острову Корфу.

Как бы ни трудно стало положение его, но он был главнокомандующим не только русского флота, но также и сухопутных войск, которых насчитывалось в общем около 15 тысяч. Кроме 5 кораблей, приведенных им, под его начальство стало еще 6 русских кораблей, бывших здесь до его прихода, 6 фрегатов и несколько корветов и бригов. Общее количество экипажа возросло до 8 тысяч.

Как человек весьма энергичный, Сенявин понял поставленную ему задачу защиты Ионических островов сообразно с принципом: «Лучшее средство защиты — самому напасть». Разрешения на этот шаг он не спрашивал, объектом же нападения избрал область Боко-ди-Катаро, соседнюю с Далмацией, наводненной уже войсками Наполеона.

Население этой маленькой области (сербы, родственные черногорцам, с которыми они граничили) само обратилось за помощью к Сенявину, но, не имея полномочий от рус-

ского правительства, Сенявин, конечно, мог бы отказать в этом, однако не отказал.

Область бокезцев была уступлена Австрией Наполеону без малейшего, по их доводам, права на это, поэтому бокезцы, не дожидаясь прихода французов, подняли восстание против австрийских властей на своей земле и объявили Боко-ди-Катаро составной частью России. А так как соседствующие с бокезцами черногорцы тоже были в это время подданными России, то восстание бокезцев нашло живой отклик у черногорцев: те решили выступить с ними совместно.

Сенявин на свой страх и риск повел с Корфу свою эскадру на помощь восставшим, хотя положение его было весьма острое: Россия, правда, была в войне с французами, но гарнизоны-то Боко-ди-Катаро были пока еще австрийские, Австрию же с Россией связывал не расторгнутый и после Аустерлица союз, — во всяком случае, эти две державы между собой не воевали.

Из щекотливого положения, в которое попал Сенявин, он нашел простой выход: если территория принадлежит уже французам, то, чьи гарнизоны занимают ее крепости, совершенно не важно: они должны будут уступить требованиям силы и уйти, а если будут защищать чужую уже для них землю, то с ними и будет поступлено как с обыкновенным противником.

Сенявинский ультиматум, предъявленный австрийским гарнизонам восьми бокезских крепостей, был в высшей степени оригинален: очистить все крепости в четверть часа! Ультиматум австрийцы приняли и ушли со всей поспешностью, на какую были способны, а на крепостях заплескались русские флаги.

Так была занята прекраснейшая Катарская бухта. Севернее Боко-ди-Катаро расположена была небольшая Рагузская республика, тоже славянская. Рагузцы просили у Сенявина по примеру бокезцев покровительства; Сенявин обещал его и, воспользовавшись тем, что дальше к северу за Рагузой шла уже Далмация, занятая французами, решил действовать против них у далматского побережья.

У французов в Адриатическом море не было судов, кроме мелких канонерок, и Сенявин со своим большим флотом, естественно, сделался хозяином Адриатики. Далматские острова, несмотря на сопротивление французов, были заняты один за другим, а когда Сенявину стало известно, что в Триесте — то есть гораздо севернее Далмации — австрийцы, подчиняясь требованию Наполеона, творят бесчинства

в отношении русских купеческих судов, он пошел к Триесту с тремя кораблями и фрегатом.

Бесчестия австрийцев заключались в том, что они выгнали русские суда из порта, а те, которые не захотели уйти, были задержаны. Объявлено было даже, что и военные русские суда не будут подпускаться ближе, чем на пушечный выстрел.

И вдруг готова к бою эскадра Сенявина появилась под крепостью на самой близкой дистанции. Доказав, что он не постеснялся стать гораздо ближе, чем требовалось комендантом Триеста, Сенявин потребовал немедленного освобождения русских судов и, что всего характернее, чтобы австрийцы при освобождении их кричали «ура». Когда это было исполнено, Сенявин увел освобожденные суда, так как получил известие, что французы заняли Рагузу.

Наполеон послал одного из талантливейших своих генералов — Лористона — вступить во владение Далмацией и Катаро, и в отсутствие Сенявина Лористон занял Рагузу, откуда думал двинуться в Катаро. Много рагузцев при этом стали в ряды войск французского генерала, так что Сенявину потом пришлось вести войну не только с привыкшими к победам солдатами Наполеона, но и с изменниками России. Притом численное превосходство было на стороне Лористона, и все-таки он был дважды разбит Сенявиным и заперся наконец в крепости Новая Рагуза, к осаде которой приступил Сенявин.

Чтобы дать понятие о том, в каких условиях проходила эта осада, достаточно сказать, что пятьсот матросов тащили на руках четыре осадных орудия, снятых с судов, десять километров, чтобы установить их на высоте, господствующей над крепостью.

И Новая Рагуза, конечно, была бы взята, если бы не крутой поворот в политике Александра I: как раз в это время в Вене дипломатическим путем решался вопрос о Катаро в том смысле, что эту область русские должны были возвратить Австрии, а та в свою очередь передать Наполеону.

Сенявину пришлось снять осаду, тем более что Лористон получил сильное подкрепление, но слишком велико было отчаяние боксцев, что от них отказывается Россия. В отчаянии они приготовились уже сжечь все свои дома, если их покинут русские войска и флот; тронутый этим, Сенявин остался.

Совершилось нечто беспрецедентное в летописях русских войн: Сенявин отовсюду получал приказания и требования

сдать по условиям мира России с Францией Боко-ди-Катаро Наполеону, но тем не менее никуда не уходил из Катарской бухты, как будто не хотел даже и признавать заключенного мира.

Посол русский в Париже, посол в Вене, морской министр из Петербурга передавали приказание очистить Боко-ди-Катаро; Наполеон уведомлял о состоявшемся соглашении через своих флигель-адъютантов; генерал Лористон, наконец, лично явился на флагманский корабль Сенявина, желая кстати познакомиться со своим противником; он показывал упряму копию мирного договора в той части, которая касалась Катаро.

Сенявин говорил Лористону, как и другим, что только приказание, подписанное самим императором Александром, заставит его сдвинуться с места, уступить противнику то, что у него завоевано.

И совершилось непредвиденное и неожиданное для всех, кто понукал Сенявина: Александр I не утвердил мирного договора, и упрямому вице-адмиралу приказывалось снова взять Катаро, если он его очистил.

Между тем Лористона сменил маршал Мармон, который стоял во главе двадцатитысячного отряда. Этим силам Сенявин мог противопоставить силы вчетверо меньшие. Мармон знал это и устраивал батареи, чтобы артиллерийским огнем сделать то, чего не удалось сделать ссылками на мирный договор, то есть выгнать эскадру Сенявина из Катарской бухты.

Но случилось обратное. Сенявин огнем двух своих судов подавил огонь мармоновских батарей, затем эти батареи были взяты высаженным десантом. Когда же десантный отряд был оттеснен навалившимися на него всеми войсками Мармона к сильнейшей из катарских крепостей, Кастель-Нуово, Сенявин, несмотря на четверное превосходство французских сил, дал им решительное сражение под стенами крепости и при поддержке своего флагманского корабля «Ярослав» одержал решительную победу: французы потеряли убитыми и ранеными 3 тысячи (из них двух генералов и 55 офицеров) и пленными 1300 (из них около 50 офицеров). Кроме того, захвачено было 50 орудий и на миллион рублей призовых судов.

Мармон с остатком своих войск заперся в той же Рагузе, где сидел его предшественник Лористон, и больше уже не отваживался на активные действия большого размера. Однако и Сенявин вынужден был, оставив в Катаро и на Далматских островах часть своих сил, с остальными

возвратиться в Ионическое море, потом даже идти к Дарданеллам: началась война России с Турцией, которой действительно через своих многочисленных агентов помогал Наполеон.

Из Петербурга Сенявину писали, что он будет действовать против турок совместно с английским флотом, но английская эскадра, бывшая вблизи Дарданелл, от сотрудничества с русской эскадрой уклонилась, и, действуя самостоятельно, Сенявин прославил еще раз русское имя и себя взятием острова Тенедоса, ключа к Дарданеллам.

Тенедос был хорошо укреплен турками. Высадив под прикрытием судового огня десантный отряд в 1600 человек, Сенявин разделил его на две колонны и во главе одной поставил контр-адмирала Грейга, другую же повел сам.

Передовые укрепления крепости были взяты им штыковым ударом, а через два дня сдалась и крепость, где досталось победителю 80 орудий и много снарядов.

Но у турок в Мраморном море был флот, гораздо более сильный по числу судов и орудий, чем эскадра Сенявина. Этот флот вышел из Дарданелл под командой капудан-паша Саида-Али, когда-то сражавшегося с адмиралом Ушаковым, моряка опытного и не лишённого отваги, имевшего трех флагманов в разных адмиральских чинах. При флоте Саида-Али были и транспорты с десантными войсками, целью которых было отобрать у русских Тенедос.

Силы нашей и турецкой эскадр были до такой степени неравны, что, казалось бы, Сенявину нечего было и думать о нападении, и однако он напал на суда Саида-Али, сознательно допустив его высадить десант на Тенедос. Десант был разбит, а турецкий флот, в котором было кроме множества мелких судов восемь кораблей и шесть фрегатов, бросился к Дарданеллам, под защиту береговых батарей, когда его атаковал Сенявин.

Сражение завязалось в благоприятных для турок условиях — они были под прикрытием и береговых орудий, и наступившей вечерней темноты, — однако ни каменные ядра, в изобилии несшиеся с берегов на русские суда, ни темнота не спасли турок от полного поражения: три корабля их были совершенно выведены из строя, остальные, весьма избитые, хотя и втянулись к полуночи в пролив, понесли большие потери в людях. Чтобы выместить на ком-нибудь свою неудачу, Саид-Али приказал повесить одного из своих флагманов и двух командиров судов на мачтах.

Однако эта мера капудан-паши не спасла его репутации, как не спасла жизни ни всех министров, ни даже самого султана Селима III: поражение флота переполнило чашу терпения народа, который голодал, так как Сенявин блокировал вход в Дарданеллы и тем отрезал подвоз съестных припасов в Константинополь. Произошло восстание, и все министры были убиты, а султан свержен с престола.

Народ не хотел перенести позора поражения своего флота, и новый султан обещал ему решительную победу над русским адмиралом, голову которого Саид-Али поклялся привезти в Константинополь. Саид-Али имел основания надеяться на это: он имел на бортах своих судов 1200 орудий против 750 русских. Для высадки на Тенедос, где было всего 1000 человек гарнизона, снаряжено было 7 тысяч турок, и они высадились. Командовали ими французские офицеры.

Высадка десанта удалась туркам только потому, что Сенявин сознательно допустил это: ему нужно было выманить турецкую эскадру из Дарданелл и задержать ее у Тенедоса, чтобы не повторилась картина уже бывшего сражения.

Последнюю задачу геройски выполнили и гарнизон Тенедоса, и бриг «Богоявленск», единственное судно, оставленное здесь Сенявиным для приманки. Когда же появилась на горизонте грозная русская эскадра, Саид-Али забыл о своей похвальбе, снял часть десанта с острова, снялся с якоря и ушел, но не в Дарданеллы, а к большому острову Лемносу, на котором думал найти русский гарнизон и истребить его.

Здесь-то и настигла его эскадра Сенявина; Саид-Али успел только продвинуться несколько севернее, к Афону, и выстроить здесь свои суда в боевой порядок. Это замечательное морское сражение, называемое Афонским, окончилось, как и первое, разгромом турок. Только ночь спасла, как и в первый раз, флот Саида-Али от полного истребления, однако один из флагманских кораблей вместе с адмиралом Бекир-беем попал в плен, а другой корабль и два фрегата, попав в безвыходное положение, были взорваны своими экипажами и взлетели на воздух.

Но на этом не кончились их потери: день спустя затонули, очень поврежденные в бою, еще два их фрегата; кроме того, один фрегат и корабль им пришлось взорвать, так как двигаться они не могли. Таким образом, турки лишились в результате этого боя трех кораблей и пяти фрегатов, а убитыми, ранеными и пленными — до 2000 че-

доек. Дорого обошлась Константинополю попытка добыть голову Сенявина!

Только справившись с турецким флотом, смог Сенявин поспешить на выручку храброго, но малочисленного по сравнению с десантом (один человек против шести) гарнизона о. Тенедоса. После обстрела с судов десант сдался в числе 1600 человек. Но это было последнее, что сделал Сенявин, блокируя Дарданеллы. Если русский флот и русские полки под его командованием то и дело наносили поражения и туркам, и французам в бассейне Средиземного моря, то далеко не то же было у генерала Беннигсена, сражавшегося с армией Наполеона. Под Фридландом он был, как известно, разбит Наполеоном, вследствие чего Александр вынужден был заключить мирный договор в Тильзите, а по этому договору Тенедос возвращался Турции, а Ионические и Далматские острова, так же как и Боко-ди-Катаро, передавались Франции.

Флоту русскому приказано было возвращаться в Россию, сдав предварительно Турции взятые суда. Скрепя сердце пришлось Сенявину уступить недавним противникам все свои завоевания, но корабль, взятый в Афонском сражении, он все-таки не вернул туркам. Это был прекрасный восьмидесятипушечный корабль новой постройки, с медными орудиями, и он уже был вписан в состав русского флота под своим прежним именем — «Сэд-эль-Бахры».

V

Не нужно было считаться опытным моряком, флотоводцем, чтобы знать, что суда, покинувшие о. Корфу в конце сентября 1807 года, ожидают сильные штормы; не нужно было быть политиком, чтобы предвидеть, что Англия после Тильзитского мира станет врагом России.

Сенявин, разумеется, ожидал и того, что всему его флоту придется при возвращении в Кронштадт много вытерпеть от осенних бурь, и того, что Англия неминуемо объявит войну России; но он думал все-таки, что успеет до объявления войны пройти мимо берегов Великобритании; однако обстоятельства сложились не так, как он думал.

Уже и в Средиземном море бури сильно трепали и без того нуждавшиеся в капитальном ремонте суда, в Атлантическом же океане почти целый месяц дул жестокий противный ветер, не дававший флоту двигаться к родной Балтике. Вследствие страшной качки на кухнях судов не разводили огня, и экипажи оставались без горячей пищи; в то же вре-

мя, обдаваемые брызгами волн на палубах, где вели борьбу со стихией, люди не имели возможности обсушить платье. Паруса рвало ветром, реи и стеньги ломало; то тот, то другой корабль сигнализировал своему адмиралу, что он получил такие повреждения, какие в открытом море исправить не в состоянии. И офицеры и матросы почти поголовно были больны, но в то же время налетавшие на суда частые смерчи должны были разбивать ядрами, чтобы уцелеть. На одном корабле от молнии загорелись мачты. Был такой день, когда весь флот мог погибнуть, если бы не утих наконец ветер, но паруса были изорваны им на всех без исключения судах. Дальше идти было нельзя, и Сенявин отдал приказ держать направление на ближайший порт. Таким портом оказался Лиссабон, где когда-то в молодости Сенявин провел веселую зиму.

В Лиссабоне он осмотрел все суда и убедился впервые раз, что едва ли целой зимы хватит на то, чтобы как следует отремонтировать их. Утешительно было только то, что ни одно из них не погибло.

А политическая обстановка сделалась такова, что даже и Португалия перестала быть государством нейтральным; и она была втянута Наполеоном в войну с Англией, и Лиссабон оказался между двух огней: с моря его блокировал английский флот, с суши к нему подходили войска Наполеона.

Португальский принц-регент и члены его семьи бежали в Бразилию, прихватив с собою весь флот королевства: восемь кораблей и четыре фрегата. Велика была досада Наполеона, когда он узнал об этом. Ему казалось таким понятным и ясным, что адмирал его временного друга Александра должен был помешать бегству главы Португалии, а тем более его намерению увести флот, который должен был служить целям императора Франции.

Сенявин знал только одно: ему приказано идти в Балтийское море; Наполеон же, узнав, что русский флот отстает в Лиссабоне, в силу своей дружбы с Александром, начал уже считать русские суда своими и Сенявина своим вице-адмиралом.

Однако и английские моряки, блокировавшие Лиссабон, тоже были уверены, что не столько бури загнали сюда Сенявина, сколько тайное соглашение Наполеона с Александром. Французский главнокомандующий в Лиссабоне, генерал Жюно, поспешил уведомить русского адмирала, что провизия для эскадры его будет отпускаться только с разрешения французских властей, а в скором времени явился

к нему на корабль сам и передал письмо морского министра Франции Декре, в котором было сказано, что 4 декабря 1807 года император Александр объявил войну Англии, Сенявину предписывается вступить в бой с английской эскадрой и уничтожить ее.

Вскоре было получено письмо и от русского морского министра; в нем было уже сказано со всею ясностью, что, в случае если англичане нападут на русскую эскадру, он, Сенявин, должен принять бой и отразить нападение; если же силы противника будут подавляюще велики и надежды на успех не будет, то «сняв людей, корабли сжечь или затопить, так чтобы отнюдь не могли они сделаться добычею неприятеля». Кончалось же это письмо тем, что Сенявин ставился в положение, подчиненное Наполеону.

Наконец — это было уже в мае 1808 года — Сенявин получил рескрипт от самого Наполеона с указаниями о вербовке матросов на те суда, которые не имели полного экипажа, о присоединении к эскадре одного французского судна и прочем. Но даже и после этого он не сделал ни одного шага, который клонился бы к пользе французов, как не выступил и против англичан, с которыми, как он знал, Россия была в состоянии войны. Он держался какого-то весьма своеобразного нейтралитета.

Но вот англичане заняли несколько мелких крепостей при устье реки Таго, и русский флот оказался полуокруженным. Нейтралитету Сенявина пришел естественный конец, и в сентябре 1808 года им и английским адмиралом Коттоном подписан был договор, в силу которого русские суда уводились в Англию, однако не в качестве пленных, а «для содержания их там, яко в залоге у его Великобританского величества». Сам Сенявин и все офицеры по прибытии в Англию должны были остаться вполне свободными и «имеют возвратиться в Россию без всякого условия».

Сенявин выговорил еще, чтобы русские флаги на его кораблях не снимались, а по заключении мира между Россией и Англией все корабли и фрегаты были бы возвращены России «в том состоянии, в каком оные ныне отданы».

В Портсмуте Сенявина приняли не как пленника, а как принимают союзника. Русские флаги на судах не спускались. Упрямый русский адмирал приобрел среди англичан большую популярность, все относились к нему с большим почтением.

Однако совсем не то ожидало его на родине. Ему дали скромную должность командира Ревельского порта, какую

он занимал когда-то раньше, когда был еще контр-адмиралом, и Александр I не скупился на резкие отзывы о нем. Даже когда, во время нашествия Наполеона, он просил Александра дать ему возможность послужить родине, став лицом к лицу с врагом, тот отказал ему в этом. От службы он был уволен с половинной пенсией и очень нуждался во все время царствования Александра, так как имел уже большое семейство.

Только в начале 1826 года царем Николаем принят он был снова на службу с производством в адмиралы.

Умер он в 1831 году, и похороны его были очень торжественны: ему были отданы царские почести, сам Николай командовал на его погребении взводом Преображенского полка. Лучшие представители ближайшего к нему поколения называли его великим адмиралом.

Причины опалы, постигшей его со стороны Александра I, не совсем ясны, хотя, конечно, он не исполнил приказа царя — не уничтожил русские суда, а позволил увести их в Англию; но однажды он точно так же не исполнил приказа царя и не отдал Боко-ди-Катаро французам, и это вышло неплохо. Он знал непостоянство Александра, с одной стороны, и твердо был убежден в том, что Наполеон не может быть по самой сути своей другом Александра и России, с другой стороны, поэтому он и держал своеобразный нейтралитет, выжидая, когда его царь и повелитель поймет, что Наполеон не друг, а враг. И он дождался этого, продолжая жить на своем флагманском корабле, с которого не спускал флага, среди своих матросов и офицеров, а когда показывался в порту, то портовые рабочие-англичане махали своими кепи и кричали восторженно: «Ура, адмирал Сенявин!»

Крым, Алушта, 1 июля 1940 г.

АДМИРАЛ М. П. ЛАЗАРЕВ

Исторический очерк

I

огда вице-адмирала Павла Степановича Нахимова поздравляли с синопской победой, он говорил, отклоняя от себя честь:

— Что же такое я-то тут сделал, помилуйте-с? Решительно ничего-с!.. Это все команды — матросы и офицеры, — а совсем не я-с.

— Однако кем же обучены все эти команды, как не вами же, Павел Степанович? — возражали ему.

Но Нахимов энергично отрицал и это:

— Нет-с, тут уж решительно во всем покойного адмирала Лазарева заслуга-с! Это все он, Михаил Петрович Лазарев, сделал, да-с, все он! А вот вы-то этого и не знали-с... Срам-с!

Когда другой герой Черноморского флота, организатор защиты Севастополя адмирал Корнилов, умирал, сраженный на Малаховом кургане английским ядром, он просил окружающих похоронить его рядом с Лазаревым, в одном склепе, а когда пытались убеждать безнадежно раненного, что он еще, может быть, выздоровеет, Корнилов, указывая вверх, говорил:

— Нет уж, я туда... туда... к Михаилу Петровичу...

Через день тело Корнилова схоронили в лазаревском склепе, и там же, около гробницы Лазарева, забронировал за собою место и Нахимов, говоря при этом скромно:

— Я еще, правда, не заслужил пока этой чести, но постараюсь, буду стараться заслужить и, думаю, заслужу все-таки-с... Живой из Севастополя я не выйду-с.

Какой показательный и какой трогательный факт: два наиболее популярных вице-адмирала Черноморского флота оказались так преданы памяти бывшего начальника, что ему готовы были приписать свои победы, а думая о смерти, непременно желали быть похороненными в его склепе, с ним рядом!

Пожалуй даже, это был совершенно исключительный факт в истории русского флота, и человек, который оказался способен возбудить к себе такую любовь в двух наиболее выдающихся из своих подчиненных — не говоря о массе других, — вполне достоин того, чтобы по возможности полнее осветить и представить его деятельность.

Уроженец Владимирской губернии (род. в 1788 г.), Михаил Петрович Лазарев был отдан отцом в Морской корпус, где учился и старший его брат, Иван, дослужившийся впоследствии до вице-адмиральского чина и написавший две книги о своих плаваниях к Новой Земле и вокруг света.

Выпущенный в пятнадцать лет из корпуса гардемарин Михаил Лазарев вместе с тремя десятками других своих товарищей отправлен был для практики в морском деле в Англию и зачислен там волонтером в действующий флот.

Это было время чрезвычайно знаменательное как для России, так и для Англии. В России начал свою деятельность ставший на место своего убитого отца молодой импера-

тор Александр I. Как известно, он реформировал различные отрасли управления государством, ввел министерства и в повом «министерстве военных морских сил» сосредоточил все дела военного флота. Однако ведать преобразованиями в этом ведомстве назначен был им так называемый Особенный комитет, которому предписано было заботиться «о мерах, каковые токмо нужным почтено будет принять ко извлечению флота из настоящего мнимого его существования и ко приведению оного в подлинное бытие».

Таким образом, русский флот с высоты престола объявлен был «мнимо существующим» — иллюзия, мираж, а не флот! — и это несмотря на все недавние его победы под начальством Ушакова и Сенявина, когда один за другим вырывались из рук французов Ионические острова. А «привести оный в подлинное бытие» должен был Особенный комитет, главной особенностью которого было не то, что он состоял из старых адмиралов, как Мордвинов, Макаров и другие, а то, что председателем его был граф Воронцов, действительный тайный советник, не только не моряк, но еще и глубоко убежденный в очень вредной мысли, что сильный флот для России — излишняя роскошь, поскольку Россия — государство континентальное, а не морское, как Англия.

Англия же в 1803 году, когда туда прибыли русские гардемаринцы, переживала самое тревожное время за всю свою историю. И было отчего ей тревожиться: на французском берегу пролива Па-де-Кале, в городе Булонь, Наполеон Бонапарт энергично готовил тогда галерный флот для десантной армии в полтораста тысяч пехоты и конницы, которую муштровал он в целях высадки на южный берег Британии.

Наполеон не был еще тогда императором: он носил звание первого (из трех) консула Франции и провозгласить себя императором думал только тогда, когда замысел его — победа над Англией — будет воплощен. Однако он обладал уже всей полнотой власти и во Франции, и в покоренных им странах Европы, а признанная гениальность его как стратега служила ручательством, что задуманный им удар вполне серьезен, как бы насмешливо ни пытался относиться к нему кое-кто и в Англии, и на континенте.

Полторы тысячи канонерок Наполеона должны были нести 3000 орудий большого калибра, то есть по вооружению равняться самой сильной эскадре. Кроме того, на каждой из них помещалось по сто человек пехоты, или упряжные лошади для орудий, или провнант, необходимый на первые

две недели после высадки. Наполеон сам вместе со своим морским министром Декре жил в булонском лагере, наблюдая за постройкой лодок, занимаясь подготовкой войск к наиболее быстрой посадке на суда и выгрузке на берег.

Крепостью Англии являлся ее огромный военный флот, насчитывавший в то время до восьмисот вымпелов, причем было почти полтораста больших линейных кораблей, поэтому предприятие Наполеона могло удалиться только при стечении целого ряда счастливых обстоятельств, а из этих последних наиболее желательными были: полный штиль, густой туман, под покровом которого можно бы было лодкам преодолеть ширину пролива, и разъединение английских морских сил, собранных у южных берегов Британии. Разъединить же и отвлечь эти силы в сторону Испании могли бы только французские эскадры, если бы они сами не были в то время разъединены и частью заблокированы эскадрами англичан.

Любопытно, что как раз в этом, 1803 году знаменитый Фултон предложил переправить французскую армию через пролив на пароходах, и показательный маленький пароходик его действовал уже перед глазами парижан на Сене, но Наполеон отказался от этого плана; Фултон перекочевал со своим изобретением из Парижа в Нью-Йорк, однако идея его — двигать эскадру без парусов во время штиля — очень волновала тогда всех в Англии.

Громадный военный флот англичан имел стотысячный экипаж, однако чересчур расчетливые лорды держали в черном теле не только матросов, даже и офицеров флота, а служба на судах, которую приходилось нести, при обилии и разбросанности колоний под всеми широтами и долготами была чрезвычайно трудной, а местами, в зависимости от климата, и весьма опасной для жизни.

Поэтому вербовка матросов на добровольных началах дополнялась средневековыми приемами: ночью хватали в питейных домах или просто на улицах гуляк, отправляли их на суда и там записывали в матросы; так свободные до того граждане государства, кичившегося своими свободами, становились рабами.

Впрочем, не раз случалось, что подобные рабы бунтовали в открытом море и в портах колоннальных земель, швыряли своих офицеров за борт и пытались, овладев судном, добраться на нем до родины. Удавалось им это или нет, но, когда они попадали в руки правительства, их обыкновенно приговаривали к повешению на мачтах в острастку другим подобным.

Такова, в общих чертах, была обстановка, в какую попал Лазарев со своими товарищами по Морскому корпусу. Нужно добавить еще, что ему пришлось в первый же год служить под командой величайшего флотоводца Англии адмирала Нельсона, чтобы вполне оценить ту практическую школу, которую удалось пройти русскому гардемарину в чужой земле.

С одной стороны, он видел напряжение всех сил Англии перед лицом самой большой опасности, какая только грозила ей за последние несколько сот лет; с другой — он служил на адмиральском корабле самого Нельсона, который был в те времена идеалом моряка, как Наполеон — идеалом сухопутного генерала, который проявлял тогда неутомимую энергию в деле защиты своей родины, разгадал планы Наполеона, клонившиеся к тому, чтобы собрать в Ла-Манше разбросанные эскадры французов, долго гонялся за одной из них, самой сильной, находившейся под командой адмирала Вильнева, наконец принудил ее принять сражение при Трафальгаре, где победил и был смертельно ранен.

Так случилось, что юность Лазарева прошла не только в непрерывной почти боевой службе в английском флоте, но еще и в ореоле славы этого одноглазого, однорукого, страдавшего морской болезнью, но тем не менее великого адмирала, тело которого пять недель везли в Англию в бочке с водкой, чтобы похоронить торжественно в родной земле, в гробу, сделанном из мачты его флагманского корабля «Виктория».

II

Двадцатилетним, в 1808 году, вернулся Лазарев в Россию.

Это было уже после мира Александра I с Наполеоном в Тильзите, когда политическая обстановка вдруг круто изменилась: Наполеон из врага России сделался ее «другом», отношения же с Англией стали натянутыми и скоро перешли в открытую войну.

Все приобретения русского флота, предводимого адмиралами Ушаковым и Сенявиным, то есть острова Далматские, семь Ионических островов и Катаро, были уступлены Александром Наполеону, а остров Тенедос, являвшийся ключом к Дарданеллам, возвращен был Турции. Великий русский адмирал Сенявин зарыдал, когда получил этот приказ, но должен был выполнить его.

А Лазарев в одном из небольших сражений на море с

англичанами был взят ими в плен, где, впрочем, пробыл недолго.

Что вынес Лазарев из учебы у английских моряков?

Он был талантливым учеником, а плавать на английских кораблях пришлось ему в нескольких морях и трех океанах: Атлантическом, Индийском, Великом. Капitanы кораблей, на которых он плавал, аттестовали его как «юношу ума острого и поведения благонравного».

У англичан есть выражение: «настоящий человек на настоящем месте»; именно таким «настоящим человеком» на корабле, то есть безукоризненным моряком, и стремился стать со временем Лазарев, у которого были для этого два необходимых данных: огромная энергия и беззаветная любовь к морю.

Впоследствии, когда он сам стал командиром корабля в России и должен был дать служебную характеристику своему подчиненному лейтенанту Нахимову, будущему адмиралу, он не нашел для этого других слов, как только эти: «Чист душой и море любит». И это была в устах Лазарева высшая похвала.

Волонтер, русский гардемарин, Лазарев не мог, конечно, занимать среди экипажа английского военного судна видного места, но именно благодаря этому он твердо усвоил, что дело не в положении, какое ты занимаешь, а в тех обязанностях, какие с этим положением связаны: твердо знай, что тебе надобно делать, и выполняй все безупречно.

Много лет спустя, когда Лазарев, будучи командиром Черноморского флота, проходил по палубе одного из кораблей во время учения и заметил, как старался, но не мог связать морского узла из каната один молодой матрос, он, Лазарев, не разразился по этому поводу ругательством, не накричал на ближайшее начальство неумелого матроса: он сбросил с себя сюртук, засучил рукава рубахи и сам показал, как полагается вязать морской узел.

Он подчеркнул этим то, чему был предан всю свою жизнь: нет и не может быть во флоте обязанностей, выполнять которые было бы неприятно, зазорно, скучно, — словом, таких, которые хотелось бы свалить на другого; служебная честь и личная честь — одно; так это было в глазах Лазарева, и этот взгляд свой он старался привить всем чинам флота от мала до велика.

Но сугубая добросовестность, честность в исполнении обязанностей службы неразрывно связана была и с честностью более элементарного свойства — именно с честностью

стью в отношении расходования казенных средств; и это в эпоху, когда казнокрадство считалось чем-то негласно узаконенным, поэтому вполне обычным.

Молодой моряк, сделавший из службы служение морскому делу, так резко выделился среди других, даже своих товарищей по волонтерству, что получил в 25 лет, в 1813 году, весьма почетное назначение. Когда так называемая «Русско-американская компания» обратилась в морское министерство за командиром для своего нового корабля «Суворов», это назначение получил лейтенант Лазарев.

Нужно сказать, что «Русско-американская компания» была учреждена при Павле I и принята им под свое покровительство. Может быть, не всякому известно, что еще в царствование Екатерины по частному почину некоего купца Шелехова основаны были русские колонии в Америке. Теперь эти колонии получили в лице «Русско-американской компании» администрацию, которой давалось на 20 лет право «делать открытия и занимать открываемые земли в российское владение, заводить заселения и укрепления для безопасного пребывания, производить мореплавание по всем окрестным городам и иметь торговлю со всеми около лежащими державами»...

При Александре I в число пайщиков этой компании вступили великие князья и княгини, разорившиеся для этой цели на целых шесть тысяч рублей, но важно было, конечно, то, что частному почину в деле приобретения колоний присвоено было значение государственной важности, в то время как правителем колоний был купец Баранов, уроженец Каргополя.

Баранов этот был человеком широкого размаха, типа старинных новгородских ушкуйников или купцов Строгановых, инициаторов «завоевания» Сибири. Он основал русское поселение на острове Ситха вблизи Аляски, названное Ново-Архангельском, и эта столица русских владений в Америке вскоре начала конкурировать с Сан-Франциско по своим торговым оборотам. Он же устроил русскую колонию и в Калифорнии, которая принадлежала тогда испанцам. Он же, наконец, устроил так, что князек Сандвичевых островов Томари отдавал и себя, и свой народ, и свой острова под «высокую белую руку русского императора». Однако Александр не обладал энергией Баранова и вместо того, чтобы приобщить к России Сандвичевы острова, снял беспокойного правителя «Русско-американской компании» и заменил его морским офицером Гагемейстером.

Туда-то, к о. Ситха, и направился на «Суворове» Лазарев, которого в морском министерстве сочли достаточно опытным для кругосветного плавания. И возложенное на него поручение он действительно выполнил с честью для себя и с пользой не только для русских поселенцев на берегах Северной Америки, но и для русского флота.

Будучи сам на ответственном посту молодым еще офицером, он вынес из этого долгого плавания твердое убеждение, что только подобные ответственные посты могут приучить флотскую молодежь к самостоятельности действий.

Кругосветное плавание на небольшом парусном судне ему самому пришлось вести и в штормы, и в палящий зной на экваторе, и во время тропических ливней, вынося на своих только плечах тяжелое бремя ежедневных забот о целостности судна и команды, о снабжении экипажа всем необходимым, о ремонте изношенных во время плавания снастей, а также и о непосредственных сношениях с властями весьма многочисленных и разнохарактерных иностранных портов, куда приходилось заходить отстаиваться, снабжаться, чиниться.

Впоследствии, когда Лазарев стал командиром Черноморского флота, он удивлял своею страстью к постройке и введению в состав военного флота различных мелких судов; но это делалось им с тою целью, чтобы как можно большее число офицерской молодежи ставить на должности командиров, чтобы находчивость, решительность действий, глазомер развивать в них не отвлеченно-теоретическим путем, а на деле. Как можно меньше всех этих второстепенных, третьестепенных помощников, исполнителей, субалтернов, и как можно больше командиров с навыками приказывать и нести ответственность за свои приказания — вот идея, вынесенная Лазаревым из своего первого, вполне самостоятельного кругосветного плавания, идея воспитательного порядка, весьма далекая от рутины, царившей в те времена в русском флоте.

Из плавания вернулся Лазарев в Кронштадт настолько признанно опытным командиром судна, что получил в 1819 году почетное назначение отправиться в качестве командира шлюпа «Мирный» под общей командой капитана 2 ранга Беллинсгаузена, командира другого такого же шлюпа «Восток», в долговременную экспедицию в Южный Ледовитый океан. Цель этой экспедиции была научная: «употребить всевозможное старание и величайшее усиление для достижения сколько можно ближе к Южному

полюсу, отыскивая неизвестные земли и не оставив сего предприятия иначе как при непреодолимых препятствиях».

Отыскивать «неизвестные земли» можно было, конечно, только там, в тех широтах, где не были еще прежние мореплаватели, к каким бы нациям они ни принадлежали; экспедиция эта, таким образом, была задумана с почетной смелостью, и о ней можно было написать целую книгу, но небольшие размеры статьи заставляют ограничиться несколькими десятками строк.

Два дерзновенных русских шлюпа за 527 дней, проведенных ими под парусами, прошли 86 475 верст, семь раз при этом пересекали Южный полярный круг и достигли почти 70° южной широты. «Непреодолимыми препятствиями», о которых говорилось в наказе командирам, явились для них сплошные ледяные поля, сквозь которые они не могли пробиться.

Новооткрытым островам давались русские имена. В память о двенадцатом годе на карту заносились острова Князя Голенищева-Кутузова Смоленского, Князя Барклая де Толли, Графа Милорадовича, Графа Витгенштейна, Генерала Раевского, Генерала Ермолова и прочие; или такие: Бородино, Малый Ярославец, Смоленск, Полоцк, Березина и т. п.

Плавание совершалось то обоими шлюпами вместе, то порознь, причем назначались заранее порты, в которых они должны были сойтись для более или менее длительной стоянки. Эти стоянки на якорях заняли 224 дня, так что в общем экспедиция продолжалась свыше двух лет.

Шлюпы заходили для стоянок в Рио-де-Жанейро (Южная Америка), порт Жаксон (Австралия); побывали и на Сандвичевых островах, и на Таити.

Как весьма характерный для той эпохи факт следует отметить, что эта экспедиция, официально вполне научного свойства, имела еще и неофициальное задание. Это задание шло со стороны влиятельных масонов, окружавших трон императора-мистика, и касалось оно ни больше ни меньше как отыскания находящегося будто бы у самого Южного полюса острова Гранде. На этом острове, в пещере, под охраной демонов, таилась будто бы от смертных Моисеева книга Бытия, а перед входом в пещеру горел неугасимый огонь!.. Единственным оправданием для Лазарева и Беллинсгаузена в том, что они не нашли этой пещеры, явилось то немаловажное обстоятельство, что им не удалось дойти до Южного полюса из-за ледяных полей.

Зато настоящая и подлинная книга бытия обогатилась

благодаря этой экспедиции не только открытием многих необитаемых и обитаемых островов, но еще и обилием сделанных наблюдений и выводов в области гидрографии, этнологии, ботаники, зоологии, физики.

По возвращении на родину Лазарев был произведен за эту экспедицию через чин в капитаны 2 ранга с назначением командиром фрегата «Крейсер». Однако отдых его был недолог: в 1824 году «Крейсер» был отправлен к берегам Аляски для охраны русских владений, и таким образом Лазареву пришлось совершить новое кругосветное плавание, теперь уже на большом судне.

Одним из его помощников на «Крейсере» был приглашенный им лично двадцатидвухлетний лейтенант Нахимов, которого он едва не лишился в Южном Ледовитом океане.

Была очень бурная погода и фрегат страшно трепало, когда раздался крик: «Человек за бортом!» Это матрос сорвался с обледенелых снастей в воду.

Было видно, как он боролся с волнами, сразу отбросившими его от судна. И вот Нахимов, поспешно захватив шестерых попавшихся под руку матросов, бросился спускать шлюпку, чтобы спасти утопавшего.

Спущена шлюпка с подветренной стороны фрегата, матросы гребут и огибают судно, чтобы выбраться к погибающему товарищу, но налетает внезапный и сильнейший шквал с ливнем и уносит легкую шлюпку далеко прочь от фрегата, перебрасывая ее с волны на волну.

Хлещет ливень, точно сознательно натянув завесу между фрегатом и шлюпкой. Лазарев вне себя от горя: головы упавшего матроса не видно уж больше — он утонул, — но не видно и катера, как обычно называлась шлюпка на кораблях, и нет никакой возможности оказать ему помощь, да, наконец, в опасности при таком шквале был и фрегат, и все на нем вынуждены были напрягать все силы, чтобы избежать аварии.

Полчаса длился ливень и ревел ветер. Напряженно работала команда «Крейсера» — ведь это было парусное судно. Временами брался за свою зрительную трубу Лазарев, пытаясь разглядеть, не покажется ли где, хотя бы и опрокинутый килем вверх, злополучный катер, но ничего разглядеть не мог и безнадежно махал рукой.

Но вот кончился наконец ливень, дальше промчался ураган, посветлело — и теперь уже сотни глаз впились в гребни волн... И час, и два, и три смотрели — напрасно! Шлюпки не было. Все уже пришли к печальному выводу, что погибла она вместе с молодым самоотверженным лей-

тепантом и шестью матросами так же, как погиб первый матрос.

А между тем стало уже темнеть — вечерело... Смахнув слезу, отдал Лазарев приказ ставить паруса, чтобы продолжать плавание. И паруса уже начали наполняться ветром, как вдруг один известный своею зоркостью унтер-офицер, сидевший на салпинге, закричал:

— Вижу катер! Ви-вижу ка-атер!

— Что? Как? Кверху килем? — с замиранием сердца спросил Лазарев и получил радостный ответ:

— Никак нет, похоже, даже гребут!

«Крейсер» двинулся в том направлении, какое указал унтер-офицер с салинга, и чем ближе подходил к катеру, тем яснее становилось и Лазареву и всей команде фрегата: семеро смельчаков были налицо, все с головы до ног мокры, хоть выжми, по живы.

Буквально из раскрытой уже пасти океана удалось Лазареву выхватить будущего героя Синопа и Севастополя и его шестерых товарищей, поэтому безмерна была его радость. Люди были спасены, а катер, так героически выдержавший борьбу с ураганом, все-таки разбило о борт фрегата, когда его поднимали на боканцы.

Нахимов тогда же обещал своему спасителю унтер-офицеру платить пожизненную пенсию и обещание это выполнил потом свято до самой своей смерти.

III

Был торжественный день — 10 июня 1827 года, — когда из Кронштадта вышла русская эскадра адмирала Сенявина в заграничное плавание. Флаг Сенявина вился на семидесятичетырехпушечном корабле «Азов», на котором находился также и младший флагман Сенявина — контр-адмирал граф Гейден; командиром «Азова» был капитан 1 ранга Лазарев, в числе младших офицеров которого состояли: лейтенант Нахимов, мичман Корнилов и исполнявший офицерские обязанности гардемарин Истомин. Так, случайно или нет, на борту «Азова», шедшего к Портсмуту, сошлись носители шести имен, прочно вошедших в историю русского флота: Сенявин, Гейден, Лазарев, Нахимов, Корнилов, Истомин — целое созвездие героев!

Эскадра старого флотоводца Сенявина по прибытии в Портсмут должна была выделить часть судов под командой Гейдена для действий в Архипелаге против турок и на стороне Греции, которая вела в это время с Турцией войну

за свое освобождение из-под ее власти. Для этой же цели — помощи грекам — в Архипелаг собрались идти и эскадры англичан и французов, как это было заранее обусловлено трактатами: встревоженные намерением Николая I самостоятельно действовать против Турции, Лондон и Париж предложили ему совместно помочь грекам, как христианскому народу, угнетенному магометанами, имея в то же время своей целью помешать России сделать какие-либо завоевания в Турции.

Четыре корабля было у контр-адмирала Гейдена, четыре фрегата и два брига: и по составу судов и по числу орудий на них русская эскадра была сильнее каждой из эскадр-союзниц, но тем не менее общее командование объединенными вблизи небольшого греческого порта Наварин тремя эскадрами принял на себя английский вице-адмирал лорд Кодрингтон, как старший в чине.

В обширной и удобной Наваринской бухте стоял в это время тоже объединенный турецко-египетский флот, опираясь на который действовал против греков на суше Ибрагим-паша, оттоманский главнокомандующий.

Ибрагим-паша имел основания не придавать очень большого значения требованиям адмиралов союзных эскадр прекратить действия против греков: во-первых, у союзников не было транспортов с десантной армией, а у него здесь, в Море, была высажена армия в 25 тысяч человек; во-вторых, его военный флот по количеству судов и орудий значительно превосходил флот союзников; в-третьих, он находился еще и под прикрытием сильных береговых батарей.

Турецкий главнокомандующий объединенными сухопутно-морскими силами не думал даже, что европейские адмиралы отважатся на него напасть, и все-таки знаменитое Наваринское сражение, как известно, привело к полному разгрому и почти полному уничтожению всего турецко-египетского флота.

Четырем русским линейным кораблям пришлось в этом бою занять по диспозиции центральное место в изогнутой подковной линии союзных судов; они приняли на себя наиболее яростный огонь противника, они же и проявили самую высокую доблесть. Однако и среди них выделился в этом отношении «Азов», командир которого, Лазарев, с неизменной трубой в руках, чувствовал себя совершенно спокойно среди самого горячего боя — горячего даже и в буквальном смысле: как доменщики, матросы окачивались водою, и около них не только дым из орудий, но еще и густой пар стоял, как в бане.

При большом превосходстве флота противника на долю «Азова» пришлось ни мало ни много как пять судов: вице-адмиральский фрегат, еще два фрегата, корвет и, наконец, большой линейный корабль. Последний был загнан «Азовом» на мель, где и взорван, вице-адмиральский фрегат тоже был уничтожен огнем, а корвет и остальные фрегаты затонули под залпами батареи, которой руководил Нахимов.

Нужно сказать еще, что бой уже начался, когда «Азов», педший во главе русской эскадры, занимал отведенное ему по диспозиции место, так что идти приходилось в сплошном дыму, под выстрелами и береговых орудий и судовых, идти, при этом не отвечая на выстрелы, найти свое место, стать на якорь, свернуть паруса и только после всего этого открыть огонь.

Искусным маневрированием в чрезвычайно трудных условиях Лазарев снискал восторженную похвалу англичан и французов, не меньшую, чем действиями своей команды в бою, когда «Азову» нужно было еще и выручать соседний английский корабль «Альбион», который нашел сильного соперника в восьмидесятипушечном турецком корабле.

Турки вообще в этом сражении дрались отчаянно храбро; они даже закалывали себя кинжалами, когда им грозил плен, или тонули вместе со своими судами, не делая попыток спастись вплавь, хотя берег был близко. Они не хотели даже и верить в возможность поражения — это был достойный противник.

Тем длиннее оказался список их потерь. Из 66 военных судов уничтожено было 50; из 20 тысяч экипажа погибло до 7 тысяч человек... Зато и «Азов» мог гордиться тем, что, сражаясь с пятью судами противника, он понес и наибольшие во всем соединенном флоте потери: у него не осталось ни одной целой мачты, а в корпусе судна насчитано было 153 пробоины!

За отличие в этом бою 8 октября 1827 года Лазарев, который был не только командиром «Азова», но и начальником штаба русской эскадры, произведен был в контр-адмиралы. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов Лазарев продолжал оставаться в Архипелаге, участвовал в блокаде Дарданелл, а по окончании этой войны привел эскадру из десяти судов в Кронштадт.

Теперь он был признанно выдающимся моряком, и его не только включили в образованный в следующем году комитет, который был занят, между прочим, вопросами о формировании Черноморского флота, но он сам, показавший на заседаниях этого комитета объем своих знаний и инте-

ресов в морском деле, назначен был начальником штаба Черноморского флота.

И первое, что ему пришлось выполнить на новом месте службы, было предприятие, казалось бы, совершенно непредвиденное всем ходом русской истории и тем не менее политически вполне объяснимое: вчерашний противник турецкого султана, Николай I вздумал прийти к нему на помощь, чуть только зашатался его престол под натиском восставшего египетского паша Мехмета-Али.

Конечно, Николай предлагал свою помощь не ради прекрасных глаз султана: это был неплохо обдуманый политический шаг, которым при удаче можно было бы достичь того же, чего не пришлось добиться в результате весьма кровопролитной и дорого обошедшейся войны с Турцией: во время нее Россия потеряла одними умершими от эпидемических болезней около ста тысяч человек — целую армию!

В египетских войсках, которыми командовал Ибрагим-паша, сын Мехмета-Али, было много французских офицеров, а штаб Ибрагима почти целиком состоял из них, и это было одной из причин победоносного продвижения египетских войск по Малой Азии к Босфору и грозило султану захватом Константинополя. Но тот же самый захват Константинополя русскими войсками мерещился султану в помощи, предлагавшейся Николаем, поэтому он отказывался от нее до наступления момента последней крайности.

Момент этот наступил, и в Босфор вошла первая черноморская эскадра под командой Лазарева, а с транспортов в два приема высадилось на берега Босфора десять тысяч русской пехоты. Это было в феврале 1833 года.

Вслед за эскадрой Лазарева явились на защиту Константинополя еще две эскадры из состава Черноморского флота, которые поступили под общее командование Лазарева, произведенного в вице-адмиралы. К нему же перешло и главное начальство над десантным отрядом, поэтому он и вел себя и при дворе султана и в столице Турции как полномочный представитель России.

Так как воды Босфора покрылись многочисленными русскими судами, а высоты по обоим берегам забелелись от палаток расположившихся на них русских солдат и, кроме того, довольно значительный отряд под начальством генерала Киселева продвигался к столице султана сухим путем через Адрианополь, то было от чего прийти в волнение и Англии и Франции, оказавшей покровительство египетскому паше.

Конечно, все средства были пущены ими в ход, чтобы приостановить египетские войска и склонить Мехмета-Али и Ибрагим-пашу к миру с султаном. Однако экспедиция Лазарева привела к заключению так называемого Ункпар-Искелесийского, то есть заключенного в Ункиар-Искелеси — летней резиденции султана — договора России с Турцией, весьма выгодного для первой, но не унижительного и для второй. «Порта — как сказано в договоре, — должна будет ограничить действия свои в пользу российского двора закрытием Дарданелльского пролива, то есть не позволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом».

Другими словами, Черное море обращалось этим договором в закрытое русское озеро, из которого выход в Средиземное море все-таки оставался для русских судов вполне свободным.

Колевавшийся довольно долгое время, кого выбрать себе в союзники — Францию или Россию, — султан, подписав Ункиар-Искелесийский договор, твердо стал в союзные отношения со своим недавним противником Николаем I, хотя и знал, что этим своим шагом возбудит против себя бурю негодования во Франции и Англии.

Вследствие происков этих двух государств Николаю через семь лет пришлось отказаться от возобновления договора, но не только в биографии Лазарева, а и в истории Черноморского флота босфорская экспедиция 1833 года остается весьма знаменательной.

Дело в том, что действия этого флота во время незадолго перед тем закончившейся русско-турецкой войны были очень вялы и нерешительны. Стоявший во главе флота адмирал Грейг оказался далеко не на высоте задачи, перед ним поставленной, так что турецкие адмиралы действовали на Черном море гораздо активнее, чем он.

И только босфорская экспедиция, проведенная Лазаревым, показала не только Константинополю, но и Лондону и Парижу, что Черноморский флот вполне может напомнить им времена Ушакова и Сенявина, стоит только поставить во главе его энергичного, талантливого адмирала.

А. С. Грейг, много сделавший для Черноморского флота, был в то время уже человеком расшатанного здоровья, чем и объяснялась вялость его действий во время войны; поэтому в конце 1833 года он был отозван в Петербург с назначением членом государственного совета, а его место занял

Лазарев, почти двадцать лет потом руководивший вверенным ему флотом и подготовивший его для геройских подвигов Синопа и Севастополя.

IV

Адмирал Грейг, сын знаменитого моряка времен Екатерины II, был выдающимся командиром флота, но при нем случилось событие, которое и вызвало не одно заседание комитета по делам Черноморского флота, о чем говорилось выше, и назначение в этот флот Лазарева, — это так называемый «чумной бунт» севастопольских матросов в 1830 году.

«Бунт» был вызван вопиющими злоупотреблениями военных чиновников в отношении матросов и их семейств, живших главным образом на Корабельной слободке. Николай I расправился с восставшими против произвола его чиновников необыкновенно жестоко, однако следствие по этому делу показало даже ему, что при Грейге не только военные чиновники высшего ранга, но даже и врачи морского госпиталя безнаказанно творили бесчинства.

Таким образом, Лазареву при его назначении вменялось в обязанность подтянуть администрацию Севастополя, а заодно и командный состав флота. И адмирал Лазарев действительно «подтянул» черноморцев, действуя при этом не мерами строгости, а личным примером: он и не мог не подтягивать, так как сам стоял очень высоко, обаяние же его было огромно.

Прежде всего, у Лазарева, как у очень темпераментного, талантливого человека, была способность угадывать и открывать таланты и привязывать их к себе. Так он угадал, открыл и привязал к себе и Нахимова, и Корнилова, и Истомина, и многих других.

Наблюдая, например, на «Азове» юного мичмана Корнилова, Лазарев угадал в нем незаурядного моряка, и это в то время, как сам Корнилов, подверженный морской болезни, решил уже бросить службу во флоте и выйти в отставку.

Зайдя однажды в каюту к Корнилову, Лазарев застал своего младшего офицера за чтением какого-то французского романа. Подобные же романы лежали во множестве всюду на полках каюты.

— Вы совсем не то читаете, что вам надобно читать! — сказал Лазарев, взял из рук Корнилова книжку и выкинул

ее через люк в море («Азов» шел в то время из Портсмута в Архипелаг).

— А что же мне надобно читать? — спросил мичман своего командира.

— Это я сейчас принесу вам, — сказал Лазарев и действительно принес из своей каюты французские и английские книги по морским вопросам.

Так был отвоеван им для морской службы будущий блестящий защитник Севастополя.

Лазарев был наделен не только огромной любовью к морю, но еще и не меньшей заразительностью этой любви.

Он, сам спортсмен, сумел вселить дух спортсменства в среду своих подчиненных, когда стал командиром Черноморского флота и портов. Никто лучше его не мог управляться с парусами, и никто лучше его не мог научить этому других.

На учениях, которые очень часто производил он в море, ни одна фальшь не могла ни на одном судне укрыться от его знаменитой зрительной трубы, а каждое учение обыкновенно оканчивал он гонками, причем с флагманскими кораблями состязались тут на совершенно равных правах всевозможные тендеры, люгеры и прочие совсем мелкие суда, и в конечном итоге какой-нибудь лихой мичман мог при этом торжествовать над капитаном 1 ранга.

Эти частые соревнования, естественно, развивали во всех и действительное знание всех мелочей морского быта, и находчивость, и отвагу — вообще возводили службу на степень искусства, — что же касалось практического применения способностей и знаний, то возможность этого доставлялась крейсерством и блокадной службой у берегов Кавказа и частым участием в военных действиях там, имевших целью поддержать отряды пехоты и кавалерии.

Признанным результатом деятельности Лазарева как командира Черноморского флота явилось то, что флот этот шел впереди Балтийского во всех отношениях: там был и лучший командный состав, и лучшее вооружение судов, и неугасающий боевой дух офицеров и команд... Из Севастополя шли новшества в Кронштадт, а не наоборот, — так было при Лазареве.

С его именем связано и устройство севастопольского адмиралтейства, имевшего задачей перевооружение флота, когда паровой двигатель придет окончательно на смену парусу.

Лазарев положил много труда и на укрепление Севастополя со стороны моря. Под его неослабным надзором стро-

ились Александровская, Константиновская, Михайловская и Павловская батареи, сделавшие из Севастополя неприступную морскую крепость. Черноморский флот при Лазареве стал не только хозяином Черного моря, он получил еще от него и вполне законное чувство задора, сознание своей силы, единодушие в желании выступить в защиту этих своих хозяйских прав против каждого, кому вздумалось бы посягать на них.

Лазарев не дожидаясь до Синопского боя — он умер в 1851 году от рака желудка, — но подготовил экипажи судов к победе при Синопе бесспорно он, и в этом был вполне прав Нахимов; он же воспитал и защитников Севастополя.

Коренастым человеком с открытым русским лицом воплощен он на бронзовом памятнике, который был поставлен в им же созданном адмиралтействе. На этом памятнике увековечена и его знаменитая зрительная труба, свойство которой крупно ставить перед глазами даже и мелкие упущения по службе перешло потом по наследству к зрительным трубам Нахимова и Корнилова.

Крым, Алушта, 20 июня 1940 г.

АДМИРАЛ В. А. КОРНИЛОВ

Исторический очерк

Славная оборона Севастополя в 1854—1855 гг. вылилась в большую позиционную войну, поскольку Севастополь был не сухопутной, а только морской крепостью, знаменитые же его бастионы — лишь обыкновенными полевыми укреплениями. Разрушаемые ураганным огнем артиллерии противника днем, они восстанавливались за ночь при помощи простейших саперных инструментов — мотыг и лопат, а подбитые в них орудия заменялись новыми. Примитивного устройства были и пороховые погреба на бастионах и тем более блиндажи для гарнизона, которые и появились к тому же отнюдь не в первые месяцы осады.

Совершенно неожиданно для всего тогдашнего мира вышло так, что усилия четырех государств Европы, из которых два были первоклассные и богатейшие, почти целый год разбивались о несколько полевых редутов, наскоро устроенных в одном из отдаленнейших пограничных уголков России.

Кому же принадлежит честь ведения этой оригинальнейшей из всех войн, в которых когда-либо участвовала старая Россия?

Справедливость заставляет назвать пять имен из числа лиц, стоявших во главе крымских войск, морских и сухопутных: трех адмиралов — Меншикова, Корнилова и Нахимова, инженера-генерала Тотлебена и артиллерийского генерала Хрулева.

Меншиков не был ни стратегом, ни тактиком: оба сражения — Альминское и Инкерманское, — которые проведены были или под его личным руководством, или по его плану, были проиграны; солдат и матросов он не любил, а те его ненавидели, называли «Изменщиковым», «анафемой», «чертом» — и вполне по заслугам. Но тем не менее он приказал, вопреки желанию Корнилова и Нахимова, «списать на берег» весь Черноморский флот и поставить в ряды сухопутных защитников на бастионы таких опытных и искусных артиллеристов, как моряки, а часть флота затопить, чтобы обезопасить севастопольские бухты от захода в них неприятельских боевых судов. Он же вывел полевые войска из Севастополя, чтобы обратить их в наблюдательный корпус, который имел бы возможность расти за счет прибывающих в Крым подкреплений.

Эти мероприятия Меншикова, проведенные в первые же дни проникновения сильных неприятельских войск в Крым, и создали, по существу, основной характер всей кампании.

Вице-адмирал Корнилов взял в свои руки защиту Севастополя в очень ответственный и сложный момент. Главнокомандующий всеми силами Крыма, Меншиков перевел свою двадцатипятидесятую армию в окрестности Бахчисарая, после чего все силы противников — шестьдесят пять тысяч солдат — показали перед небольшим гарнизоном наспех сооруженных редутов. Именно тогда и развернулась полностью деятельность Корнилова.

Правда, Меншиков, уводя свою армию, совсем не Корнилова назначил начальником гарнизона Севастополя, а престарелого генерала Моллера, но тот сам просил Корнилова занять его пост; о том же просил его и Нахимов, который был старше его по производству в чин вице-адмирала, и другие, так как всем были известны выдающиеся административные способности Корнилова (до Крымской войны он был начальником штаба Черноморского флота).

Корнилов сразу проявил себя как человек огромной и четко направленной энергии. Нужно не забывать, что ему, адмиралу, моряку от молодых ногтей, вышло на долю не

просто выполнять только чьи-то приказания по сухопутной обороне, а стать во главе ее, направлять ее, мобилизовать для нее все средства, для чего самому надо было перестроиться в кратчайший срок. И он перестроился и стал настоящим человеком на настоящем месте, организовал защиту города с суши лучше, чем это мог бы сделать кто-нибудь другой из военачальников.

Задача, которую взял на себя Корнилов, — подготовить Севастополь в течение нескольких дней к достойной встрече интервентов — была, конечно, невероятно трудной. Перевес в силах у противника был колоссальный, так что на длительную, медленную и планомерную осаду нечего было и надеяться. И Корнилов думал только о возможности отразить неизбежный и близкий штурм, в то время как Меншиков готовился к защите Крыма после того, как Севастополь будет уже потерян.

Этот высокий, но слабого сложения человек, Корнилов, казалось, совершенно забыл и о ревматизме, которым болел, и об усталости. Он преображался у всех на глазах, и даже голос его вдруг приобрел небывалую до того звучность. С утра и до позднего вечера он почти не слезал с коня, объезжая строящиеся бастионы и отправляя из арсенала все, что могло пригодиться для их вооружения.

Замечательны его слова, обращенные к солдатам одного резервного батальона, работавшего на Малаховом кургане.

— Помните, братцы, если надо будет умереть на защите этого бастиона, умрем до единого все! Отступать нам некуда: впереди нас море, позади нас — неприятель, — ретирады командоваться не будет! А если из вас кто услышит, что я, я сам скоманую ретираду, — коли меня за это штыком!

Была минута великой растерянности среди лиц высшего командного состава, когда полчища союзников появились в виду Севастополя, а флот их одновременно начал бомбардировать Северную сторону. Даже Нахимов ненадолго поддался общей панике и, не надеясь отразить вражеский натиск, которого ожидал с часу на час, приказал топить суда, чтобы они не попали в руки интервентов.

Были уже затоплены два транспорта со снарядами и начал уже погружаться в воду линейный корабль «Ростислав», когда об этом доложили Корнилову. Он немедленно приказал во что бы то ни стало спасти «Ростислав» и пообещал каждого командира, затопившего свое судно, рассматривать как государственного преступника и в кандалах отправлять в Петербург.

Главнокомандующие английскими и французскими войсками пришли в изумление, увидев укрепления там, где, как они твердо знали, их не было в день высадки десанта; штурм города при таких условиях мог обойтись им в несколько тысяч человек, и они на него не решились. Чтобы он стоил им как можно дешевле, они решили подготовить его генеральной бомбардировкой одновременно с суши и с моря.

Нечего и говорить, как обрадовался Корнилов, когда эти соображения союзников были им разгаданы. Ему давалось время, чтобы подготовиться к артиллерийской дуэли, и он не потерял из этого времени ни одного часа. И когда настал наконец день дуэли — 17 (5) октября, — скопелые севастопольские бастионы с такою же честью выдержали огонь сухопутных осадных батарей противника, с какой отразили береговые форты атаку соединенных эскадр.

К сожалению, этот день был днем смерти Корнилова.

Он, смотревший на бастионы и редуты, как на суда, построившиеся в кильватерные колонны против Корабельной и Южной сторон Севастополя, причем у орудий стояли матросы и все команды давались как на кораблях, не мог сидеть где-нибудь в безопасном месте в городе и только выслушивать донесения своих адъютантов о том, что делается на линии обороны. Он разъезжал верхом по бастионам, выясняя, что и где надобно сделать, чтобы добиться полного успеха. И на Малаховом кургане он был ядром смертельно ранен в бедро.

Трогательны последние минуты его жизни, запись о которых осталась у нескольких очевидцев. Лежа с закрытыми глазами, Корнилов чутко прислушивался к артиллерийской дуэли, в которой с обеих сторон участвовало тысяча семейств орудий. Он думал не о себе и не о своей семье, жившей в то время в Николаеве, он переживал только эту борьбу за родной город и время от времени повторял:

— Отстаивайте, отстаивайте Севастополь!

О том, что пятый бастион блистательно выдержал огонь французов, что батареи его взорвали своими снарядами три вражеских пороховых погреба и наконец заставили замолчать все выставленные против него орудия, Корнилов знал еще до ранения. Перед самой же его смертью посланный с Малахова лейтенант доложил ему, что приведены к молчанию и английские батареи.

— Ура! Ура! — отозвался радостно Корнилов.

Это и были последние его слова.

Осада Севастополя тянулась еще почти одиннадцать месяцев; новые люди возглавили оборону, но им оставалось только поддерживать и продолжать то, что было введено Владимиром Алексеевичем Корниловым. Бастион на Малаховом кургане, где был смертельно ранен этот Гектор русской Трои, был назван Корниловским.

* * *

Корнилов, показавший себя еще в молодости человеком богато одаренным, далеко не имел врожденной любви к морю, как, например, его соратник Нахимов, поэт парусного флота.

Вместе с Нахимовым на крейсере «Азов» получил он, будучи мичманом, боевое крещение в знаменитом Наваринском сражении, но это все-таки не сделало его тем моряком-энтузиастом, какой получился из него впоследствии. Он даже думал совершенно бросить службу во флоте.

Но однажды вошел в каюту командир «Азова» капитан 1 ранга Лазарев и увидел Корнилова погруженным в чтение французского романа. Французские и английские романы заполняли и все полки каюты молодого лейтенанта.

— Вы совсем не то читаете, что вам нужно читать! — энергично сказал Лазарев и еще энергичнее начал выбрасывать через люк за борт все легкомысленные книжки, собранные его младшим офицером.

— Что же я должен читать? — в недоумении спросил Корнилов, когда выброшена была последняя из его книг.

— Я принесу вам сейчас, что вы должны читать, — ответил Лазарев. И действительно принес из своей каюты новые книги — сочинения английских и французских специалистов по военно-морским вопросам.

Этот момент явился переломным в жизни Корнилова. С тех пор Лазарев, один из талантливейших моряков русского флота, внимательно следил за ростом и воспитанием своего даровитого ученика. Когда же года за два до начала Восточной войны адмирал Лазарев скончался, место его занял Корнилов.

На протяжении всей своей славной деятельности Корнилов пользовался заслуженной известностью и уважением русской армии и русского флота. Еще командуя кораблем «Двенадцать апостолов», Корнилов считался образцовым начальником. Постановка службы и корниловские распорядки были признаны отличными и введены Лазаревым для всего Черноморского флота.

Корнилов был инициатором применения винтовых судов во флоте и виднейшим знатоком вопроса о десантных операциях. Будучи начальником штаба Черноморского флота, Корнилов явился подлинным воспитателем молодого поколения моряков-черноморцев, овеявших славою русский флаг и в Синопском бою, и на севастопольских бастионах. Наконец, как защитник Севастополя, Корнилов окончательно обессмертил свое имя.

К чести Корнилова надо еще сказать, что он не был стяжателем, и в век всеобщего казнокрадства, характерного для эпохи Николая I, не оставил никакого состояния своей многочисленной семье. Он жил как неустанный труженик на пользу родины и умер прекрасной смертью патриота-героя.

1940 г.

АДМИРАЛ П. С. НАХИМОВ

Исторический очерк

ародная память крепка.

Тысячи имен ярко горят в ней, как звезды в небе. Эти имена поднимают, они зовут на подвиг, они заставляют расцвести и запылать чувство собственного достоинства у каждого, кто любит Родину; они — гордость страны, ее алмазный фонд.

К таким именам принадлежит имя славного русского моряка адмирала Павла Степановича Нахимова.

Ордена и медали имени адмирала Нахимова, учрежденные Советским правительством для особо отличившихся в нашем Военно-Морском Флоте, как бы приобщают этого героя-флотоводца к их подвигам. Но в то же время и каждый награжденный орденом или медалью Нахимова не может не чувствовать себя так, точно из дали целого столетия, истекшего со дня смерти героя-моряка, взвился на мачте адмиральского корабля сигнал: «Адмирал Нахимов благодарит за службу».

Нахимову часто приходилось поднимать такие сигналы. Он был образцовым командиром отдельного ли судна, дивизии ли судов или целой эскадры, а где образцовый командир, там не могут не быть образцовыми и команды судов.

Любопытно, что Нахимов, которого адмирал Лазарев аттестовал коротко, но выразительно: «Чист душой и море любит», в детстве совсем не видел моря: от Смоленщины, где он родился, очень далеко до любого моря.

Пусть остается загадкой, откуда у Нахимова (как и у тамбовца, знаменитого адмирала Ушакова) взялась любовь к морю, но он оставался верен своей любви всю жизнь.

По ходатайству отца в 1815 году Павел был зачислен в Морской кадетский корпус и, учась там, решительно предпочел бурную стихию моря спокойной земле.

Далеко за пределы обычного выходит то, что пришлось испытать Нахимову, тогда всего только лейтенанту, в Южном Ледовитом океане.

Это случилось в 1824 году, когда Нахимову был 21 год. Отправляясь на Дальний Восток из Кронштадта на парусном фрегате «Крейсер», капитан 2 ранга М. П. Лазарев, впоследствии известный адмирал, руководитель Черноморского флота, пригласил в это далекое и трудное кругосветное, как тогда говорили, плавание лично ему известного Павла Степановича Нахимова.

В океане в штормовую погоду вдруг раздался возглас на фрегате: «Человек за бортом!» С обледенелых вант сорвался матрос. Его голову было видно на огромной волне.

Можно ли было его спасти, об этом не подумал Нахимов, он знал только одно: его надо спасать.

Тут же без ведома Лазарева, захватив шестерых матросов, он вместе с ними, ни секунды не медля, спустил с подветренной стороны катер.

Но едва катер коснулся воды, как налетевший внезапно шквал, поднявший тучу брызг, скрыл из глаз голову борového с волнами матроса.

Начался сильнейший ливень, и с фрегата никто уже не мог разглядеть, где катер. Напрасно подавали катеру сигналы, чтобы он возвращался. Да вскоре шторм усилился до того, что уж не до катера было: нужно было всеми силами спасти фрегат, который мог быть опрокинут, и часа три продолжалась напряженнейшая борьба со штормом.

Но вот несколько успокоился океан, перестал ливень, прояснилась даль, однако, сколько ни глядел в подзорную трубу с палубы Лазарев, он нигде не обнаружил катера хотя бы и в перевернутом виде.

Лазарев очень любил Нахимова, но гибель его и с ним шестерых матросов-гребцов чем дальше, тем больше становилась очевидной. Была уже отдана команда лечь на прежний курс и идти дальше, как вдруг сигнальный матрос с салюнга (верхней площадки на грот-мачте) закричал радостно:

— Вбжу катер!.. И даже, похоже, гребут!

Фрегат пошел, куда указал матрос, и из пасти разъярен-

ного океана был выхвачен хотя и промокший до нитки, но живой будущий герой Наварина, Синопа, Севастополя.

Зоркого матроса, своего спасителя, Нахимов называл потом «друг мой». Он назначил ему пенсию и аккуратно посылал ее, когда тот был уже в отставке, до самой своей смерти.

В Наваринском бою пришлось участвовать Нахимову всего через три года после этого случая. Он был тогда лейтенантом на 74-пушечном линейном корабле «Азов», которым командовал тот же Лазарев. Михаил Петрович Лазарев отличался способностью собирать вокруг себя талантливых моряков, и на «Азове» в числе младших офицеров были тогда мичман Корнилов и исполнявший офицерские обязанности гардемарин Истомин — оба будущие адмиралы, столпы обороны Севастополя.

В Наваринскую бухту, в Грецию, привело русскую эскадру, в которую входил «Азов», желание русских помочь грекам в их борьбе против Турции за свое национальное освобождение. Подобную же помощь грекам предложили тогда и Англия, и Франция.

В бою при Наварине в 1827 году соединенный русско-англо-французский флот почти совершенно истребил значительно превосходивший его силою, притом находившийся под защитой береговых батарей, турецко-египетский флот.

На долю «Азова» пришлось в этом бою пять судов противника: вице-адмиральский корабль, другой большой линейный корабль, два фрегата и корвет. Честь уничтожения трех последних принадлежит исключительно той батарее, которой руководил Нахимов.

Таково было огненное крещение его после купели Южного Ледовитого океана. «Азов» в Наваринском бою получил столько пробоин, что и после ремонта едва довели его на буксире до Севастополя.

Наваринский бой выдвинул Нахимова: он получил за него Георгиевский крест и следующий чин. А через несколько лет, уже будучи командиром судна Балтийского флота, спас от гибели эскадру, которую вел вице-адмирал Беллинсгаузен, старый опытный моряк, известный тем, что в 1819 году возглавлял экспедицию двух русских шлюпов к Южному полюсу и довел их до 70° южной широты.

Но в ночном рейсе по Балтике Беллинсгаузен вел эскадру на камни, и Нахимов оказался единственным из офицеров эскадры, которого обеспокоил взятый командиром курс. После недолгого ожидания и колебания Нахимов, несмотря на то что шел в конце колонны и не имел права вмешиваться в

действия вице-адмирала, приказал все-таки дать сигнал: «Эскадра идет к опасности!» Благодаря этому сигналу все впереди шедшие суда, включая и флагманское, изменили курс; только один корабль, на котором не разглядели сигнала, сел на камни.

Однако полностью развернулись дарования Нахимова на Черном море. Его перетянул в Севастополь Лазарев, ставший во главе черноморцев в конце 1833 года и остававшийся на этом посту до своей смерти.

Девиз Лазарева: «Твердо знай, что тебе надобно делать, и выполняй все безропотно» — лучше, чем кто-либо другой, усвоил Нахимов, потому что как нельзя больше этот девиз соответствовал его натуре.

Если Лазарев, например, обходя судно, замечал, что молодой матрос не может связать морского узла из каната, то он, адмирал, снимал свой сюртук, засучивал рукава рубахи и начинал сам показывать матросу, как вяжется этот узел. Те же приемы личного показа ввел и Нахимов на корабле «Силистрия», которым он командовал с 1836 до 1845 года. Он был строг и требователен к подчиненным, однако гораздо строже и требовательнее к самому себе.

Когда во время маневров один из кораблей, весьма неуклюже управляемый, неотвратно шел на «Силистрию», Нахимов приказал всем уйти с палубы, но сам остался, прижавшись к мачте. От сильного сотрясения судна при ударе в борт люди могли получить ушибы и другие повреждения; это и предотвратил Нахимов своей командой.

Когда же после аварии старший офицер «Силистрии» спросил его, почему он сам не ушел вместе с другими, как удивился герой Наварина этому вопросу! «Разве можно допустить,— заявил он,— чтобы командир судна покинул свой пост в минуту опасности?»

Как Суворов требовал, чтобы каждый солдат «понимал свой маневр», так и Нахимов требовал от матросов строжайшего отношения к своим обязанностям. Его «Силистрия» сделалась образцовым кораблем Черноморского флота, причем образцовым был и внешний вид его матросов, так как они получали все, что им полагалось, а это было тоже немало важно во времена Николая I, когда процветало совершенно феноменальное казнокрадство.

К концу жизни Лазарева Нахимов был уже вице-адмиралом и командовал одной из дивизий судов Черноморского флота. А с началом Крымской войны, осенью 1853 года, благодаря «хорошо подтянутым парусам», как смел обыкновенно выражаться Нахимов, то есть дисциплине и выучке,

черноморцы под его руководством одержали громкую победу над турецким флотом при Синопе.

Эскадра Нахимова была послана из Севастополя к берегам Анатолии, чтобы прервать сношения Стамбула с Кавказом, где в то время турецкие войска действовали против русских.

Жестоки бывают обычно осенние равноденственные бури на Черном море. Суда Нахимова были так истрепаны штормами, что часть их пришлось отправить в севастопольские доки для ремонта. Несколько недель в бурную погоду пришлось черноморцам в открытом море блокировать турецкие порты — среди них и Сноп — с их спокойными бухтами, где отставались военные суда противника.

Когда в Снопскую бухту под крепкую защиту береговых батарей зашла эскадра старого адмирала Осман-паши, направляющаяся к берегам Кавказа, Нахимов дал приказ напасть на нее и уничтожить. Приказ командирам и командам судов был короткий и кончался характерными для Нахимова словами: «Уверен, что каждый из вас сделает свое дело».

Когда эскадра шла уже в бой, Нахимов приказал на своем флагманском корабле поднять сигнал «Полдень». Это был обычный сигнал, вошедший в обиход жизни как «адмиральский час». Он мог означать в такой момент, перед самым боем, только одно: «Проверьте свои часы и будьте так же спокойны, как я».

Спокойно, несмотря на сильнейший обстрел, занимали суда Нахимова положенные им по диспозиции места и становились на якорь, прежде чем открыть ответный огонь. Это была особенность Синопского боя: суда не маневрировали, они стояли на якоре. Однако диктовалось это распоряжение Нахимова тем, что ветер с моря мог навалить русские корабли на турецкие, расположенные полумесяцем, то есть в охватывающем строю.

Синопский бой длился около двух часов. Русским морякам пришлось сражаться не только с турецкими судами, но и с несколькими сильными береговыми батареями. Огонь с обеих сторон был так силен, что море около судов сплошь клокотало и вздымалось фонтанами от падающих в него ядер, а город горел.

Одно за другим загорались, пылали и взрывались или выкидывались на берег турецкие суда. Однако часто начинались пожары и на русских судах, и матросам приходилось отважно бороться с огнем. Трещали и падали перебитые ядрами снасти, и один из обломков реи на флагманском ко-

рабле ударил в плечо Нахимова, причем от перелома плеча его спас только плотный адмиральский эполет.

Не будет лишним сказать, что в 1853 году Турция отпраздновала ни больше ни меньше как 400-летие огромного события в ее истории: взятие Константинополя и всех берегов Черного моря, включая и крымские. В турецких, да и в английских, газетах того времени было много статей, посвященных доблестям многовекового турецкого флота. Англия (как и Франция) была в те времена союзницей Турции, и сильный военный флот ее (как и флот Франции) стоял тогда близ Стамбула, готовый идти на помощь турецкой эскадре, если бы ей угрожала опасность.

Но вот именно опасности, грозящей эскадре Осман-паши, не только не предвидели ни в Стамбуле, ни в Лондоне, а совершенно напротив, Синопская бухта должна была по замыслу политиков этих двух столиц сыграть роль мышеловки для эскадры Нахимова. В начале боя сильнейший огонь и турецких судов, и береговых батарей был направлен на мачты, реи, паруса русских кораблей. «Вы пришли, но не уйдете назад!» — так можно было перевести грозный рев и гул открытой турками канонады.

Два старых участника Наваринского боя очутились вновь друг против друга: Нахимов на корабле «Императрица Мария» и Осман-паша на фрегате «Ауни-Аллах». Только полкилометра разделяло их, так что всякое ядро, всякий снаряд попадали в цель. К концу боя «Ауни-Аллах» был полузатоплен и покинут своей командой. Много пробоян получила и «Мария». Двое суток чинили ее матросы в виду горевшего Синопа, пока можно было довести ее на буксире до Севастополя.

Однако в этом жестоком бою эскадра Нахимова не потеряла ни одного корабля, а турецкая эскадра была уничтожена вся без остатка; приведены были к молчанию, и частью даже взорваны, все береговые батареи; сгорела половина Синопа.

Но известие об истреблении эскадры Осман-паши дошло до Стамбула только через день, а к концу дня боя (18 (30) ноября) там ликовали: адмирал Муштавер-паша (он же англичанин Слэд), на военном пароходе «Таиф» бежавший из Синопской бухты в начале боя, привез весть о полном разгроме Нахимова и о гибели русских судов — так велика была его личная вера в превосходство флота, в котором он служил.

Раненный в ногу, старый адмирал Осман-паша был найден утопающим на палубе корабля «Ауни-Аллах», команда

которого бежала на берег, не забыв при этом до нитки обработать своего командира.

А черноморцы в этом последнем бою своего парусного флота показали, что такое русский матрос, когда имеет такого командира, как Нахимов.

И моряков других европейских стран не могло не порадовать, что с турецкими судами и береговыми батареями сражались и победили русские матросы и офицеры, выносившие перед этим боем в течение месяца штормы в открытом море. Моряки знали также, что значило совершить обратный путь израненным в бою судам, притом снова в шторм.

В России эта громкая победа вызвала бурный взрыв патриотических чувств. Николай I приказал выпустить особую медаль для героев Синопа. Нахимов получил Георгиевский крест III степени.

Но на Западе — в Англии, Франции, Австрии — Синопский бой всколыхнул все враждебные России силы. Страсти разгорелись необычайно, и наконец сильная английская эскадра, соединившись с эскадрой французской, вошла в Черное море, чтобы блокировать Севастополь. Другая подобная эскадра появилась в Балтийском море; третья — в Белом, перед Соловецкими островами; четвертая — даже у берегов Камчатки.

Во время Крымской войны наиболее полно и ярко проявил себя героический склад характера скромного с виду Нахимова.

Поэт Майков оставил нам о Нахимове такие четыре строчки:

Нахимов подвиг молодецкий
Свершал, как труженик-солдат,
Не зная сам душою детской,
Как был он прост, велик и свят.

Знал или не знал свои достоинства адмирал, получивший имя «отца матросов», но ему, как видно, не приходила мысль о том, чтобы оставить свой портрет потомкам на память: ни один художник не смог заручиться его согласием позировать для портрета. И только В. В. Тимму, талантливому рисовальщику, удалось, скрывшись за колонной, набросать карандашом в своей записной книжечке портрет Нахимова в фуражке, в профиль*.

Мемуары современников Нахимова изображают нам его

* По этому рисунку был создан памятник адмиралу-герою, долгое время стоявший в Севастополе на Нахимовской улице. По этому же рисунку будет восстанавливаться памятник и теперь. — *Прим. составителя.*

человеком выше среднего роста, несколько сутуловатым, голубоглазым, светловолосым, с несколько покатым лбом. Быть придворным он совершенно не мог, так как был очень прост и естествен в обращении со всеми и говорил только то, что думал.

В сентябре 1854 года огромная по тем временам 65-тысячная армия англо-французов высадилась близ Евпатории. Десантная армия эта двинулась на юг, к Севастополю, но на поддороге была встречена при деревне Альме 30-тысячной армией главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Крыма князя Меншикова. Альминское сражение ввиду двойного превосходства сил противника и вооружения его не могло быть удачным для русских, и Меншиков отступил к Севастополю.

Подавляюще велик был и флот союзников по сравнению с Черноморским, поэтому Меншиков пришел к мысли отказаться от морского боя, семь старых судов затопить в фарватере Большой бухты для ее заграждения, а всех моряков вывести на сушу, чтобы защищать Севастополь.

Во главе отрядов матросов и морских офицеров Меншиков поставил адмиралов. Южную сторону Севастополя должен был защищать Нахимов, чему он вполне искренне изумился, поскольку суша была не его стихией. Но трудно было привыкнуть к этому новому в своей службе не одному Нахимову, а и всем морякам.

Команды судов, списанные на берег, заняли спешно возведенные укрепления, бастионы и редуты; орудия, снятые с судов, были перевезены на линию обороны; морские офицеры надели серые шинели; и только командные слова на бастионах оставались прежние, морские.

Нахимов, однако, не изменил своего внешнего вида: он продолжал ходить в своем морском сюртуке с адмиральскими эполетами, появляясь так в виду неприятеля в самых опасных местах. Этот нахимовский сюртук с густыми эполетами, блиставшими на солнце, был как бы вызовом противнику, сродни тому сигналу «Полдень», который он поднял, ведя эскадру в бой.

Для витязя моря, для поэта паруса Севастополь и все пространство от города до бастионов приняли вид как бы палубы огромнейшего корабля, ставшего на прочнейший якорь.

Под Севастополем завязалась долгая позиционная война. Всюду копали ходы сообщения и окопы и вели минные работы там, где находили глинистые прослойки в каменном грунте. Адмирал Нахимов, ставший помощником начальника

гарнизона, ежедневно приезжал на бастионы верхом на лошади и открыто навещал батареи. Достоинно и гордо звучат теперь его слова одному молодому офицеру, незадолго перед тем вошедшему в севастопольский гарнизон.

— Проводите-ка меня на соседнюю батарею,— обратился к нему Нахимов.

Тот хотел было провести его по безопасной от пуль траншее, но Нахимов сказал:

— Вас, молодой человек, извиняет только то, что вы здесь у нас недавний... Я — Нахимов и по трущобам — не хожу-с! Извольте вести меня по стенке-с!

Он, флотоводец, не водил полков в бой во время больших вылазок, однако никогда не оставался он в тылу в такие острые часы: он был с генералами, на виду у матросов и солдат.

Он говорил флотским офицерам о матросах:

— Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют...

Это не помешало ему однажды посадить на гауптвахту уже прославленного матроса Кошку, который попался ему на улице осажденного Севастополя в пьяном виде.

Нахимов мог бы, как начальник гарнизона граф Остен-Сакен, сидеть в своей канцелярии и подписывать исходящие бумаги, но он ненавидел канцелярщину, и его видели везде, где боролись и где каждую минуту грозила смерть.

Когда не было у него под руками казенных средств, он из своего жалованья давал деньги на покупку необходимого для раненых солдат и матросов.

Он был подлинной душой обороны Севастополя. Для всех очевидно было: жив Нахимов,— значит, жив Севастополь.

Когда окопы противника придвинулись уж очень близко к русским бастионам, неприятельские стрелки не могли не заметить часто бывавшего на бастионах высокого адмирала. Он считал своим долгом личным примером бесстрашия, спокойствия, стойкости поддерживать дух защитников города, воодушевлять их в необычайно тяжелых условиях осады.

12 июля 1855 года, за два месяца до того, как были оставлены руины Севастополя и сорокатысячный гарнизон его перешел беспрепятственно по раздвижному мосту через Большую бухту на Северную сторону, где превосходно укрывался, Нахимов был смертельно ранен на Малаховом кургане пулей французского стрелка. 14 июля Нахимов скончался.

Прощаясь со своим «отцом», плакали закаленные в боях матросы. Похороны его прошли торжественно, так как даже

неприятель, отдавая должное славному адмиралу, прекратил на это время бомбардировку.

Его могила в Севастополе. Навеки он в нашей памяти, в нашем сердце — великий флотоводец и славный русский патриот Павел Степанович Нахимов.

* * *

Героическая оборона Севастополя, душой которой был Нахимов, произвела огромное впечатление в Европе. Она заставила инициатора Крымской войны императора Франции Наполеона III сразу же после оставления гарнизоном Южной и Корабельной сторон Севастополя первым сделать шаги к сближению с Россией и обеспечила вполне приемлемые для нее условия мира.

Она же, эта оборона, явилась доблестным примером для второй обороны знаменитого города-героя во время Великой Отечественной войны.

Доблестные советские моряки, наследники традиций Нахимова, неизмеримо приумножили славу русского оружия, и с законной гордостью носят они ордена и медали, названные именем славного адмирала и выдающегося флотоводца.

1955 г.

АДМИРАЛ В. И. ИСТОМИН

Отрывок из эпопеи „Севастопольская страда“

Это было несколько странно, пожалуй, однако оказалось вполне возможным, что два адмирала враждебных армий — командующий английской эскадрой в Черном море Лайонс и командующий 4-й оборонительной дистанцией, центром которой был грозный Корниловский бастион, Владимир Иванович Истомин — обменялись дружественными письмами в конце ноября — начале декабря 1854 года.

Они познакомились в водах Средиземного моря за несколько лет до войны, и Лайонс в своем письме вспоминал это. Между прочим, он припомнил и то, что Истомину очень нравился честерский сыр, и вместе с письмом прислал ему с парламентаром этого сыру.

Истомин приказал зажарить седло дикой козы, как самое вкусное место этой дичи, и, отдарив им Лайонса, послал ему такое письмо:

«Любезный адмирал! Я был очень доволен вашей присылкой; она привела мне на память наше крейсерство, от которого сохранились у меня неизгладимые впечатления, и вызвала передо мной со всей живою обстановкой то время, какого теперь нет. Я не забуду Афины и Мальту.

Ныне, через столько лет, мы опять вблизи друг от друга; но хотя мне и можно вас слышать, чему доказательством служит 5 (17) октября, когда голос мощного «Агамемнона» раздался очень близко, но я не могу пожать вам руку.

В таких-то слишком, по-моему, церемонных формах благодарю я вас за добрую память и за дружескую присылку. Позвольте мне в свою очередь предложить вам добычу недавней охоты: крымские дикие козы превосходны.

Вы отдаете справедливость нашим морякам, любезный адмирал; они действительно заслуживают похвалу судьи, столь сведущего, но, как мне кажется, несколько взыскательного. Они — наша гордость и наша радость!..

Примите, любезный адмирал, изъявление моей преданности».

Упомянутый в этом письме трехдечный корабль «Агамемнон» был флагманским судном; на нем Лайонс, руководя обстрелом Северной стороны, ближе всех других боевых единиц английской эскадры держался перед фортами и энергичнее всех осыпал их снарядами.

Что адмирал Лайонс непримиримый враг России, Истомин знал. Кроме того, он знал и то, что Лайонсу в начале войны казалось легчайшей задачей овладеть Севастополем: это он высказывал неоднократно и устно и в печати. На зимнюю кампанию он не только не рассчитывал, но над слишком осторожными, которые боялись такой возможности, ядовито смеялся. А между тем зимняя кампания наступила, так как осень не принесла интервентам никаких положительных результатов, буря разметала их флот, английская армия потеряла свое значение после побоища при Инкермане...

Ответить Лайонсу ввиду всего этого так, как он ответил, Истомин считал долгом общепринятой вежливости при этом мимолетном перемирии между ними двумя, допущенном явочным порядком. Однако в том же письме он отметил неджентльменский поступок парламентаря, посланного Лайонсом, добавив такие строки:

«Заговорив о морском деле, пользуюсь случаем, чтобы заявить об одном обстоятельстве, которое, без сомнения, есть дело случая, но которое если будет повторяться, то может повлечь к неприятностям. В последний раз стимер, посланный для переговоров, подошел к самым пушкам крепости,

тогда как он должен был вне линий наших огней дожидаться гребного судна, высланного к нему навстречу. Вы хорошо сделаете, сказавши словечко на этот счет, и вперед, конечно, не выйдет недоразумений».

Несомненно, что лорд Лайонс оставался в этом эпизоде вполне верен себе и, нагрузив своего парламентаря прелестным честерским сыром для любителя его — русского адмирала, в то же время заставил парламентаря сыграть и роль разведчика, чтобы привезти сведения о внешнем состоянии фортов.

Но Истомин, всего себя без остатка отдавая делу защиты Севастополя, не мог этого не отметить в своем письме, хотя и в выражениях, подобранных очень тщательно.

Английский офицер, правда, хотя бы и подобравшись к самым русским фортам, многого увидеть там не мог, однако не принято было, считалось даже зазорным по правилам войны парламентарю выходить из своих рамок и заниматься соглядатайством. В этом не видел доблести Истомин, и если бы сделал подобное русский моряк, он был бы осужден за это своим адмиралом.

Во время Синопского боя действия стопушечного корабля «Париж» под командой Истомина, тогда капитана 1 ранга, привели в восторг даже такого строгого службиста, как Нахимов: действовать тогда как-нибудь еще удачнее, еще успешнее было уже невозможно.

И этот предел исполнительности, точности, бесстрашия, полного спокойствия во время самого жаркого боя был достигнут экипажем корабля «Париж» в глазах Нахимова главным образом потому, что командовал кораблем человек безукоризненно исполнительный, точный во всех своих действиях и неизменно спокойный.

Таким знал адмирал Нахимов капитана Истомина в мирное время; после же Синопского боя он как бы сразу был принят им в свою семью — немногочисленную семью моряков, исключительных, достойных особого уважения.

Есть признание и признание. Люди, влюбленные в дело, которому служат, ценят только признание знатоков этого дела и, если оно получено, до самой смерти не выпускают знамени из рук, передавая его достойнейшему: так движется вперед лучшее, что создал и чем живет человек.

Признание Нахимовым и Корниловым выдающихся достоинств в молодом контр-адмирале отлило его в законченную форму, а смерть Корнилова, которого он издавна привык ставить себе в пример, потрясла его, как величайшее

личное несчастье, и в то же время заставила презирать опасность.

Навсегда простясь в Морском госпитале со смертельно раненым Корниловым и благословленный его холодеющей рукой, он выбежал тогда из госпиталя рыдая, но рыдал он в последний раз. Он мчался потом на свой Малахов курган с огромной ненавистью к смерти и с острым презрением к ней. До конца бомбардировки он появлялся в самых опасных по обстрелу местах, но смерть в этот день обошла его.

Позже, когда при других бомбардировках он точно так же держался вызывающе к реющей кругом него смерти и окружавшие пытались убедить его уйти в блиндаж, он говорил обычно:

— Еще с пятого октября выписал я себя в расход и живу только за счет плохой стрельбы англичан и французов.

Что Малахов курган — ключ севастопольских укреплений, знали, конечно, защитники Севастополя, и только интервентам не удалось сразу этого понять. Назначенный начальником четвертой дистанции, в которую входил Малахов курган, Истомин получил под свою ответственность наиболее важный участок оборонительной линии; благодаря ему он сделался наиболее мощным.

Истомин был очень требователен к подчиненным, но еще требовательней к самому себе. Он был уже однажды контужен, потом легко ранен, но не покидал своего кургана. Жил он в каземате башни, от которой уцелел только нижний этаж, верхний же был сбит еще в первую бомбардировку.

Так же, как и Нахимов, не надевал он солдатской шинели сверх морского сюртука с эполетами. Шинель эта, равняя его со всеми окружающими, прятала бы его от прицельных выстрелов неприятельских стрелков, которые охотились на русских командиров; но прятаться за что-нибудь от смерти он считал недостойным, как недостойным считал и отдых. Бесшумно стоял он на вахте с самого начала осады и спал не раздеваясь, готовый вскочить по первой тревоге и отбиваться от штурмующих колонн.

В последнее время, к концу февраля, он почувствовал, что силы начинают изменять ему. Он поддерживал их мужеством, но не сходил с поста.

Он был холост, как и Нахимов, но имел весьма престарелую, уже восьмидесятилетнюю мать и двух сестер, живших в Петербурге; им он отсылал свое жалованье; им он писал несколько раз, что, в случае если будет убит, им следует обратиться к генерал-адмиралу великому князю Кон-

стантину; и может статься, что жалование его — восемьсот шестьдесят рублей в год — «будет обращено в пожизненный им пенсион». Других советов, как им устроиться после его смерти, он дать им не мог, никаких недвижимостей у него не было, больше завещать им было нечего, и с этой стороны он чувствовал себя спокойным.

II

Между тем ответственность его за Севастополь сильно возросла с тех пор, как на Малахов курган направил свою атаку корпус Боске. Истомин сделался как бы комендантом особой крепости, опиравшейся на Корабельную сторону. Два сильных бастиона входило в эту крепость: Корниловский и второй, три редута — Жерве, Волинский и Селенгинский — и, наконец, Камчатский люнет. Люнет огибал дугою пространство от каменоломни до Селенгинского редута и Волинского, и Истомин шутливо назвал все эти три новых сооружения «очками Малахова кургана».

Выброшенный на берег с корабля «Париж», молодой адмирал как бы получил команду над целой эскадрой, только лишенной способности маневрировать. Четвертое отделение стало обширнейшим военным хозяйством. Уже не два, не три полка пехоты, а около двух дивизий занимали теперь, в начале марта, его блиндажи, казармы, землянки, палатки.

Правда, иные полки были обескровлены до того, что стояли по числу людей не больше двух батальонов, даже одного, но зато каждый солдат в них был почти то же, что матрос на палубе корабля: обстрелянные, обветренные, насквозь продымленные, втянувшиеся во всякую работу, переставшие замечать, какие пули пели кругом, brave по своей выправке в строю, надежные на случай штурма люди.

Как-то он сам вздумал собрать для вылазки охотников от одного батальона Якутского полка. Отозвал всех офицеров батальона к себе и обратился к солдатам:

— Вот что, братцы! Требуется от вас семьдесят пять человек охотников на вылазку этой ночью. Ну-ка, охотники, выходи вперед!

Солдаты стояли не шевелясь, и все — глаза на него, на начальство, но никто не вышел. Озадаченный этим, Истомин поглядел было вопросительно на командира батальона, но тут же скомандовал жестко:

— Охотники, пять шагов вперед, марш!

И сразу весь батальон сдвинулся с места, подался, не ломая строя, на пять широких шагов вперед и стал, сильно стукнув каблук о каблук правой ногою.

Истомин подумал, что его не поняли, и прикрикнул:

— Только охотники, а не все!

Но ему ответило много голосов вразнобой:

— Все охотники! Так точно, все пойдем!.. Согласны!

Это показалось до того прекрасным ответом стоявшему недалеко волонтеру из юнкеров флота Вите Зарубину, что он прошептал: «Браво!» — и готов даже был захлопать в ладоши.

В эту вылазку под командой лейтенанта Астапова он потом просился и сам и был взят; тут в первый раз он и был ранен английским штыком, но рана оказалась легкая, и через неделю, покинув перевязочный пункт, Витя снова появился на бастионе.

VI

Ночью, как и предполагал Истомин, снова была сильная пальба по Камчатке. Французы, руководимые энергичным Боске, задались, очевидно, целью не только мешать ночным работам на Зеленем Холме, но и разрушить, сровнять с землей все это скороспелое укрепление, которое не успело еще вооружиться достаточно сильно, чтобы вести поединок с их батареями.

Истомин был там в полночь. Туда везли орудия. Одно из этих орудий было подбито, чуть только его поставили. Когда вместо него подоспело новое, Истомин сам наблюдал за его установкой, хотя командир люнета Сенявин и упрямил его не рисковать напрасно.

Думая над тем, как можно применить приказ Нахимова в ночные часы, когда идут и должны идти совершенно необходимые саперные работы и в то же время открывается — и не может не открываться — канонада, он пришел к мысли отводить людей по траншее с более опасного участка на менее опасный. Это заметно уменьшило число потерь, хотя и замедлило работы.

Начальник большого участка линии обороны, Истомин видел, что с началом теплых весенних дней союзные войска ожили, как стаи мух, и вот к ним, ожившим, обогревшимся на щедром крымском солнце, везли и везли на больших океанских пароходах, как «Гималай», и новые дальнобойные мортиры, и огромные запасы снарядов, и большие пополнения людьми. Об этом говорили дезертиры и пленные, но об этом писали также весьма откровенно, не считаясь ни с какими военными тайнами, корреспонденты английских газет.

Между тем он знал и то, какие древние пушки выволаки-

вались из хранилищ адмиралтейства и ставились на бастионы взамен подбитых, но прозорливое высшее начальство требовало, чтобы из этих музейных старух палили умеренно не только потому, что они были почти безвредны для атакующих, но и по недостатку пороха и снарядов, что стало обычным. Ближайший к Севастополю пороховой завод был в местечке Шостка Черниговской губернии — в нескольких сотнях верст от Перекопа; снаряды шли из Луганска, тоже через Перекоп, но Луганск был довольно далеко от Севастополя.

И, однако, дела обстояли так, что защищать Севастополь было делом чести русского имени, хотя бы он и был схвачен железной хваткой.

Истомин нашел в себе и то хладнокровие среди опасностей, даже презрение к ним, и ту жажду деятельности во вред противнику, которые его отличали.

Он и теперь шел к Камчатскому люнету, как шел бы хозяин на свое поле, пережившее ночью грозу, град и ливень. Кроме того, с саперным капитаном Чернавским, который теперь ведал там работами вместо Сахарова, ему хотелось поговорить о новой траншее для резерва батальонного состава между исходящим углом Малахова и правым флагом люнета.

Лихие фуражки утлали уже чем свет убитых этой ночью, сложив их тела, как поленицы дров, на свои зеленые фуры и еле накрыв их заскорузлым и черным от крови брезентом; раненых же отнесли на Корабельную, на перевязочный, к профессору Гюббенету, и теперь на Камчатке все пришло в будничныи вид, даже аванпостная перестрелка велась уже лениво.

Желтая, чуть заметная на фоне молодой, тощенькой и низенькой, травки линия французской параллели против Кривой Пятки, такую лаву чугуна извергавшая ночью из своих орудий, теперь не представляла ничего внушительного. Странно было слышать жаворонков вверху, в чистом синем небе, но они пели... они трепетали крылышками и заливались, потому что была ранняя весна, время их песен.

В первый раз именно в этот день — 7 марта — услышал их Истомин в этом году.

Когда капитан-лейтенант Сенявин встретил его рапортом о благополучии, он отозвался ему, добродушно улыбувшись:

— И даже — о, верх благополучия! — жаворонки поют, чего же больше хотеть?

На молодом, но усталом лице Сенявина с черной пороховой копотью в ушах, ноздрах и на крыльях большого пря-

мого носа мелькнуло было недоумение, но он поднял воспаленные глаза кверху, тоже улыбнулся и сказал:

— Да, жаворонки... А рано утром журавли летели, курлыкали...

— Вот видите — и журавли еще...

Истомин пошел вдоль укрепления, попутно спрашивая о потерях. Орудия в исправном виде стояли на починенных, а кое-где и не тронутых бомбардировкой платформах, и матами из корабельных канатов были завешаны амбразуры. Истомин знал, что маты эти стали плести по почину капитана 1 ранга Зорина, ведавшего теперь первой дистанцией, как он четвертой. Это очень простое нововведение оказалось очень удачным, предохраняя артиллерийскую прислугу от пуль, и спасло много людей. Прежде ставили с этой целью деревянные щиты, но штуцерные пули пробивали их, как картонку, а в матах из канатов они застревали. Кроме того, щиты, раздробленные ядрами, калечили много людей своими обломками; этого не случалось с матами. Так, мешковатый Зорин, решившийся в сентябре на совете у Корнилова первым высказать мысль о затоплении судов, теперь показал, что он вполне освоился и с сухопутьем.

Истомин недолюбливал Зорина, но подумал о нем с невольным уважением: «Все-таки не глуп... Ведь вот же мне не пришлось в голову насчет этих матов, а вещь получилась большой цены...»

Старый боцман с корабля «Париж» Аким Кравчук оказался здесь же, на Камчатке.

— А-а! Кравчук, здорово! — проходя, крикнул ему Истомин; и Кравчук, у которого к Георгию за Синоп прибавился еще крест за Севастополь, вытянувшись насколько мог при своей короткой, дюжей фигуре, гаркнул ошарашенно:

— Здравь жлай, ваш присходитство!

В левой руке у него было крепко зажат кусок хлеба. Это была привилегия нижних чинов сева­сто­польского гарнизона — печеный хлеб; солдаты на Инкермане получали хлебную порцию сухарями.

Артиллеристы-матросы, которым пришлось много поработать ночью, иные спали тут же, около своих орудий, за бруствером, иные ели копченку, курили трубки, а заступившие их места с рассвета ревностно дежурили, так как редкая стрельба все-таки велась.

Сменившиеся и спавшие здесь около орудий были, конечно, те самые лишние люди, о которых писал в своем приказе Нахимов, но Истомин знал, что бесполезно, пожалуй, гнать их отсюда в блиндажи, к тому же не вполне еще на-

дежные, что у них повелось так с самого начала осады — и прочно держится по традиции — не отходить от своих орудий до полной смены всей своей части; они рыцарски соблюдали этот неписанный свой приказ, и трудно было так вот на ходу решить, что это такое: удаливость или храбрость.

На своих местах стояли сигнальщики, иногда покрикивая: «Чужая!..», «Армейская!..», «На-ша, берегись!..». Особые дежурные, устроившись между меников, наблюдали за действиями противника в трубы... Обычный распорядок редутной жизни привился уже и на Камчатке.

Саперный капитан Чернавский, прошедший беспокойную ночь вместе с Сенявиным, пока тоже не уходил спать и так же, как Сенявин, казался усталым, но бодрым, а небольшое и подвижное лицо его было так прихотливо и щедро разрисовано и копотью, и пылью, что стало совсем обезьяньим.

О произведенных им ночью работах он докладывал обстоятельно и с выбором точных выражений, так что Истомин, слушая его, досадливо думал, что он несколько излишне увлекается мелочами, однако не перебивал, иногда даже сам задавал вопросы.

Они шли втроем, и Истомин сознательно направлялся именно к тому месту, где он думал удобнее всего соорудить траншею для резерва на случай штурма, чтобы иметь батальон и в относительной безопасности, и всегда под руками...

Но если дежурили матросы с подозрными трубами на Камчатке, то наблюдали за Камчаткой в такие же трубы и оттуда, со стороны французов, и человек в ярко блестящих на весеннем солнце густых адмиральских эполетах, шедший в середине между двумя другими офицерами по открытому пространству внутри люнета, был замечен.

Первое ядро пролетело довольно низко над головами всех трех, повизгивая.

— Ого! — сказал Чернавский. — Это по нас!

— Прямой наводкой! — крикнул Сенявин. — Ваше превосходительство, прячьтесь в траншею!

Они шли как раз вдоль траншеи, которую уже начали копать ночью, но не там, где облюбовал место Истомин, а гораздо ближе к переднему фасу люнета. Ему это казалось лишним: передний фас и без того был хорошо защищен валом и рвом, между тем как правый был открыт, а французы всегда при штурмах прибегали к обходам с флангов.

Адмирал посмотрел на капитан-лейтенанта с недоумением: ему, Истомину, этот молодчик, только что поступивший под его команду, дает уже совет прятаться в траншею! Плохо же он знает своего начальника!

Очень насмешливы были истоминские глаза, когда он поглядел на Сенявина, сказавши:

— От ядра, батюшка, не спрячешься!

При этом он повернул лицо в сторону французских батарей, и то страшное, что произошло дальше, было делом всего только одной секунды. Ядро среднего калибра, пущенное также прямой наводкой вслед за первым, встретило на своем пути именно это белое, нервное, ясноглазое лицо Истомина, и в тот же момент упал наземь Сенявин, контуженный в голову костями черепа Истомина, а Чернавский, ослепленный белыми ключьями истоминского мозга, плеснувшего ему в лицо, отшатнулся и тоже не удержался на ногах...

От георгия III степени остался на шее Истомина только обрывок ленты.

Когда обезглавленное тело бессменного в течение полугода командира Малахова кургана подносили на носилках к башне, Витя Зарубин беспечно смотрел на отдыхавших солдат, игравших поблизости в «носы». Это была любимая игра всех солдат. От шлепанья по носам, умеренным, маленьким и большим, распухали не столько носы, сколько карты, и Витя удивлялся, как игроки различали в них масти и фигуры, до того они были засалены и черны.

Солдаты хохотали, Витя улыбался их веселью, но вдруг остановились невдалеке люди с посылками...

Витя не спрашивал, кого принесли: для него достаточно было только взглянуть на забрызганный кровью серебряный адмиральский эполет... над эполетом же торчал только почерневший остов шеи: головы не было...

Витя вскрикнул, закрыл руками лицо, и спина и плечи его сразу крупно задрожали от рыданий...

VII

На другой день торжественно хоронили останки того, кто был душой Малахова кургана. Тот склеп, в котором лежали тела адмиралов Лазарева и Корнилова, был тесен: он мог вместить только три могилы. Третью Нахимов оставил за собою еще тогда, в скорбный день похорон Корнилова.

Но вот Истомин предупредил его на пути смерти... Где же было хоронить Истомина?

— Эти прыткие молодые люди... они... да-с, да-с... они очень спешат, спешат-с... — бормотал Нахимов, вытирая слезы платком в стороне от тела, обезглавленного на гильотине войны.

Даже как-то совершенно против правил дисциплины, не только против ожиданий это вышло, Истомин был не только

моложе его годами чуть не на десять лет, не только гораздо моложе чином, но за ним не числилось и никакого самостоятельного и яркого подвига, как, например, хотя бы за Корниловым. Этот последний, руководя боем колесного парохода «Владимир» с равносильным турецким пароходом «Перваз-Бахры», что значит «Морской выю», победил его в единоборстве, взял на буксир и притащил в Севастополь, как Ахилл приволок в стан греков труп побежденного им Гектора, прикрутив его за лодыжки к своей боевой колеснице...

В склепе было только три места.

Лазарев, Корнилов, Нахимов — этот триумvirат был бы бесспорно триумvirатом равноценных в глазах всего флота, в глазах народа, в глазах истории, — так при всей своей скромности привык уже думать сам Нахимов. Но как же быть теперь с этим пылким молодым адмиралом, погибшим на своем трудном и почетном посту стража Севастополя?

Чувство собственника на почетную могилу в склепе оказалось в Нахимове гораздо сильнее, чем чувство собственника в отношении разных житейских благ, начиная с денег, которые обыкновенно он раздавал до копейки, еле дотягивая месяц перед получкою огромного жалованья. Лазаревский склеп был как бы пантеоном в его глазах, и, однако же, явно было, что четвертая могила там не могла поместиться.

Часы очень острой внутренней борьбы переживал Нахимов; наконец он решился и, отправившись к Сакену, как временно командующему Крымской армией, просил у него дозволения похоронить молодого адмирала, достойнейшего защитника Севастополя, на своем, нахимовском, месте.

После похорон он вспомнил, что на свете было существо, которому не безразлично, кто погребен вместе с Лазаревым: это была вдова Лазарева, жившая в Николаеве. И он, так ненавидящий всякую письменность, написал ей письмо:

«Екатерина Тимофеевна! Священная для всякого русского могила нашего бессмертного учителя приняла прах еще одного из любимейших его воспитанников. Лучшая надежда, о которой я со дня смерти адмирала мечтал, — последнее место в склепе подле драгоценного мне гроба я уступил Владимиру Ивановичу Истомину! Нежная, отеческая привязанность к нему покойного адмирала, дружба и доверенность Владимира Алексеевича (Корнилова) и, наконец, поведение его, достойное нашего наставника и руководителя, решили меня на эту жертву. Впрочем, надежда меня не покидает принадлежать к этой возвышенной благородной семье; друзья-сослуживцы, в случае моей смерти, конечно, не откажутся положить меня в могилу, которую расположение их

найдет средство сблизить с останками образователя нашего сословия. Вам известны подробности смерти Владимира Ивановича, и потому я не буду повторять их. Твердость характера в самых тяжелых обстоятельствах, святое исполнение долга и неусыпная заботливость о подчиненных снискали ему общее уважение и непритворную скорбь о его смерти. Свято выполнив завет, он оправдал доверие Михаила Петровича...»

Торжественное введение Истомина в пантеон русской славы закончилось к семи часам вечера 8 марта, а через час после того и Нахимов, как начальник гарнизона и командир порта, и Саенц, как заместитель главнокомандующего, получили донесение, что на Северную сторону уже прибыл и желает их видеть новый распорядитель судеб Севастополя и Крыма князь Горчаков.

Так гибель Истомина стала на рубеже двух периодов обороны: ею закончился меншиковский, после нее начался горчаковский.

1938 г.

ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР Э. И. ТОТЛЕБЕН

Исторический очерк

Н едели за три до высадки десантной армии англо-французов в Крыму, то есть до начала Крымской кампании, в Севастополе появился инженер-подполковник Эдуард Иванович Тотлебен. Он привез командующему всеми силами Крыма князю Меншикову от главнокомандующего так называемой Южной армии князя Горчакова рекомендательное письмо.

Горчаков писал из Кишинева, где была его штаб-квартира, своему другу юности Меншикову, что посылает ему на всякий случай очень дельного инженера, который выдвинулся при осаде турецкой крепости Силистрия на Дунае.

Но Меншиков не любил инженеров, он смотрел на них, как на заядлых казнокрадов, а в открытие военных действий в Крыму не верил. Поэтому он принял Тотлебена очень холодно, дав косвенными намеками понять, что он совершенно ему не нужен и может ехать обратно.

Однако сопроводительной бумажки на обратный проезд Тотлебен не получил, и в ожидании ее прошло у него время до начала сентября 1854 года, когда уже можно было предполагать, что война в Крыму вполне вероятна.

В Севастополе он очень тщательно изучал окрестности города, набрасывая кроки в свою записную книжку, изучал и линию передовых укреплений, которую начали было вести, но бросили. А когда армада союзников в несколько сот вымпелов подошла к евпаторийскому берегу Крыма для высадки десанта, тогда даже и Меншиков должен был признать, что друг юности прислал ему человека, очень серьезно относившегося к своему делу, человека больших познаний, а главное, большой широты и свободы мысли, характерной для инженера-творца, а не копниста.

Но гораздо раньше Меншикова разглядел Тотлебена Корнилов, и, когда на него легла вся тяжесть обороны Севастополя, он уже не расставался с Тотлебенем, хотя последний был лет на двенадцать моложе его и всего только штаб-офицер, а он — не только вице-адмирал, но еще и генерал-адъютант.

В гарнизоне Севастополя были военные инженеры, и тоже в штаб-офицерских чинах, но Корнилов всем им очень решительно предпочел Тотлебена, у которого, вдобавок к его знаниям и верному взгляду на вещи, оказался еще и незаменимо ценный опыт, приобретенный в Дунайскую кампанию.

Так произошло то, что лучшие войска Западной Европы, прибывшие в Крым с определенным заданием — в несколько дней захватить Севастополь и уничтожить Черноморский флот, пришлось встречать молодому подполковнику, по чертежам и при непосредственном наблюдении которого «возникали редуты один за другим, грозной цепью росли бастионы».

И в английской и во французской армиях были, конечно, тоже военные инженеры, но маститых лет и, разумеется, в генеральских чинах, притом являлись они признанными авторитетами в фортификации. Россия же противопоставила им никому в Севастополе не известного подполковника. И совершенно неожиданно для всех оказалось, что лучшего выбора сделать было нельзя, как нельзя было для руководства обороной города с суши поставить никого, кроме моряка Корнилова, а к орудиям на бастионы и в редуты никого, кроме матросов.

Какая неудачная для первой позиционной войны выдалась почва — каменистая, хрящеватая, притом сухая, так как долгое время перед тем не было дождей! Англо-французы предусмотрительно привезли с собою на судах сотни тысяч мешков с болгарской землей — готовые валы укреплений, — им был хорошо известен грунт под Севастополем.

Точно так же позаботились они и о саперных инструментах: все было высшего качества. Между тем лопаты, кирки и мотыги, выданные для работ со складов Севастополя, оказались никуда не годны: лопаты гнулись, кирки ломались, то и дело натываясь на камни; однако работы нужно было вести с наивозможной быстротой, и они именно так и велись.

Смешно было бы задаваться целью — создать сухопутную крепость в несколько дней, поэтому строился только укрепленный лагерь по самой близкой линии к городу и Корабельной слободке, а высоты, окружающие Севастополь, заранее отдавались противнику, если бы он пришел к мысли о правильной осаде.

Конечно, Севастополь был бы совершенно неприступен, если бы в свое время укреплены были эти высоты, а для защиты их выделен достаточный гарнизон.

Но Николай I не допускал даже и мысли, чтобы кто-либо осмелился напасть на Севастополь с суши, и до последней минуты не верил, что большая десантная армия собирается в Константинополе для операций в Крыму, как об этом открыто писалось в английских газетах. Царь был убежден, что когда пишут «Крым», нужно читать «Кавказ», что болтовня газет имеет целью его одурачить, но он, конечно, не из таких простаков: он считал себя лучшим дипломатом своего времени.

Та линия укреплений, которую вывели до приезда Тотлебена, была очень слаба и имела всего только около полуторааса орудий на семь километров. Она рассчитана была для отражения атаки сравнительно небольшого десанта — тысяч в 25—30. Так как в распоряжении Меншикова были приблизительно той же численности сухопутные силы, то он не слишком и беспокоился об участии Севастополя. Все его карты спутала высадка 65-тысячной армии союзников, стремительного движения которой он задержать не мог.

На Тотлебена легла задача в кратчайший срок усилить линию обороны настолько, чтобы она могла противостоять напору крупных сил противника, чтобы редуты и бастионы были такими не по одним лишь названиям.

Ему нетрудно было доказать, что иные из укреплений строились без применения к местности, что они очень невыгодны для защиты, что брустверы их непозволительно низки, площадки тесны, — гораздо труднее было все это выправить.

Обстоятельства сложились так, что интервенты не осмелились атаковать слабые укрепления с подхода к Севастопо-

лю; они занялись подготовкой к правильной осаде, и этим воспользовался Тотлебен лучше, чем мог это сделать кто-либо другой. Бастионы, устроенные под его руководством, вполне выдержали генеральную бомбардировку, начатую противником 17 октября, а на иных участках заставили замолчать осадную артиллерию врага.

Осада затянулась надолго, и мы видим Тотлебена везде, где необходима была инженерная помощь русским войскам; он — один из активнейших участников Инкерманского боя; под его руководством ведется очень сложная и трудная минная война; он — пионер выдвигания так называемых контрапрошей впереди линии бастионов; он деятельно работает над возведением Волинского и Селенгинского редутов против второго бастиона и Камчатского люнета, отодвинувших на несколько месяцев падение Севастополя; он то и дело находит новые и новые точки в линии обороны, которые нуждаются в защите, и устанавливает на них батареи; он безошибочно угадывает планы противника, который в конце концов начинает относиться к нему с большим почтением и сравнивает его с Вобаном, знаменитым французским военным инженером времен Людовика XIV.

В июне 1855 года он был ранен на одном из бастионов пулей в ногу, и эта рана вывела его из строя. Тем самым был нанесен большой ущерб делу обороны Севастополя. Рана становилась все более опасной, лечился Тотлебен вне Севастополя, непосредственные сношения с ним стали затруднительны, распоряжения его уже не выполнялись с такой энергией, какая им требовалась, и средства защиты начали сильно отставать от средств нападения, что привело в конце концов к подавляющим результатам последней августовской бомбардировки, к занятию Малахова кургана французами и к очищению Южной и Корабельной сторон Севастополя.

Все же имя Тотлебена навсегда связано с блистательной обороной Севастополя. Еще не совсем оправившийся от раны, он был переведен в Николаев и так же деятельно занялся укреплением этого города, очень важного для обороны Причерноморья.

Впоследствии под его руководством составлялся несколькими военными инженерами капитальный труд «Описание обороны Севастополя», являющийся образцовой сводкой всех действий русской армии и флота в тяжелый и ответственный перед родиной год, когда отсталая Россия сопротивлялась направленным против нее усилиям большей и сильнейшей части Западной Европы.

Но вот началась русско-турецкая война 1877—1878 гг., принесшая полную независимость Болгарии, Сербии, Черногории, и в ней мы снова видим Тотлебена, только в роли противоположной той, какая выпала ему в Севастополе: здесь ему пришлось брать сильно укрепленную Плевну, снабженную очень большим гарнизоном и руководимую талантливым генералом Османом-пашой.

Тотлебен был призван для этого дела тогда, когда другие боевые русские генералы, потерпев несколько неудач при атаках и штурмах, высказывались уже за снятие осады.

В короткое время разобрался в обстановке Тотлебен, взял в свои руки ведение осады и повел ее так, что Осман-паша дошел до необходимости вывести весь гарнизон и потом или прорваться или погибнуть в бою. Тотлебен предложил ему третье решение — сдачу, и он сдался.

Падение Плевны решило участь всей турецкой армии, так что Тотлебену, назначенному главнокомандующим, оставалось сделать уже немного для того, чтобы турецкое правительство заговорило об условиях мира.

Тотлебен оставил два серьезнейших научных труда: «Записка к проектам вооружения сухопутных крепостей» и «О вооружении приморских крепостей». Это — теоретические работы, основанные на огромном опыте. Тотлебен далеко вперед двинул фортификационное дело и признан величайшим военным инженером XIX века.

В России в его время не было ни одной сухопутной или морской крепости, которая не была бы усилена в соответствии с его планами. Выборг, Свеаборг, Динабург, Кронштадт, Брест-Литовск, Ковно, Белосток, Гродно, Новогеоргиевск, Ивангород, Варшава — вся эта старая линия крепостей была им изучена, подвергнута строгой критике и получила по его указаниям новый облик.

Ему принадлежит проект укрепления Киева, им была вызвана к жизни крепость Осовец, прославившаяся длительной защитой во время первой империалистической войны. Трудно перечислить все, что было сделано этим талантливейшим и энергичнейшим человеком.

Тотлебен имел счастливую особенность совершенно не замечать опасностей во время боя и не считаться с ними. Занятый вычислениями и расчетами, он вел себя в бою, как исследователь, с поразительной невозмутимостью и бесстрашием, отмечая устойчивость укреплений, силу артиллерийского огня и прочее, что относилось к его теоретическим выкладкам, проверяемым практикой сражения; этим объяснялось, очевидно, его невиданное хладнокровие, его неизмен-

ная деловитость во время Севастопольской обороны и во время осады Плевны.

В общезитии он был живой, увлекающийся человек, остроумный собеседник.

Тотлебен не мог, конечно, предотвратить падение Севастополя — катастрофы, которую сам для себя подготовил Николай I; но зато он более чем кто-либо другой из его современников содействовал тому, чтобы все ценнейшие качества русского солдата, ставшего на защиту родных рубежей, выявились в полном и до наших дней не меркнувшем блеске.

Умер Тотлебен в 1884 году, 66 лет от роду.

1940 г.

ГЕНЕРАЛ С. А. ХРУЛЕВ

Исторический очерк

з высшего командного состава севастопольского гарнизона в Крымскую кампанию 1854—1856 гг. резко выделился генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулев, представлявший собой действительно незаурядного генерала.

Он не был стратегом, но в тактике был таким же последователем Суворова, как и один из героев Отечественной войны — генерал Кульнев.

«Глазомер, быстрота, натиск» — эти три суворовских завета Хрулев стремился всегда воплощать, даже когда был в небольших чинах, напрашиваясь в разведки, в авангардные кавалерийские отряды, хотя и был артиллеристом.

Как командир отрядов в несколько тысяч человек, он выдвинулся в Дунайскую кампанию, предшествовавшую Крымской. Здесь под Каларашем он разбил шеститысячный отряд турок, перебравшихся на левый берег Дуная, занятый тогда армией князя Горчакова. Он же, завязав сражение с войсками турецкого главнокомандующего Омера-паши под Туртукаем и одержав над ним верх, дал этим возможность Горчакову беспрепятственно переправиться со всею армией на правый берег Дуная под Систовым. Наконец, как артиллерист, он проявил себя, дважды рассеяв метким орудийным огнем турецкие флотилии на Дунае. Затем, имея под своим начальством Тотлебена, Хрулев устраивал осадные батареи под Силистрией, на островах Дуная. Осада Сили-

стри, правда, ни к чему не привела, но это уж была не его вина, тем более что он получил тогда другое назначение — командовать авангардом русской армии, действовавшей в направлении Шумлы.

Здесь в двух данных им сражениях Хрулев наголову разбил турок.

В Севастополь он попал по просьбе, обращенной главнокомандующим Меншиковым к Горчакову. Меншиков нуждался в подобном боевом генерале, и то, что он слышал о Хрулеве, вполне отвечало его желанию. Так, в январе 1855 года в Севастополе появился генерал совершенно необычайного вида: он сидел на белом кабардинском коне; на нем была лохматая кавказская папаха и бурка; стремяна его были похожи на волчьи капканы; черные усы его были лихо закручены; глядел на всех он прямо и чуть-чуть насмешливо; голос имел редкостной силы; солдат называл не «ребятами» и не «братцами», а «благодетелями».

Так как Меншиков вызывающе-необычайного не любил, то и нового генерала послал в отряд, блокировавший тогда Евпаторию. Отряд этот находился под начальством кавалерийского генерала барона Врангеля, и Хрулеву, как артиллеристу, была вверена вся артиллерия.

Между тем турки сосредоточили в Евпатории довольно большие силы, и в иностранных газетах писали, что назначение этих сил — идти к Перекопу, захватить его и тем отрезать русскую армию в Крыму от сообщений с остальной Россией.

Николай I требовал от Меншикова немедленного штурма Евпатории. Меншиков же понимал, что этот штурм совершенно излишен, так как турки не рискнут идти на Перекол, а штурм не обойдется без больших жертв людьми.

Однако приказ императора непременно штурмовать Евпаторию кто-то должен был выполнить, и это вызвался сделать Хрулев.

Он подготовил это предприятие очень старательно, хотя и понимал, что военные суда англо-французов, подошедшие к Евпатории, не дадут утвердиться в этом городе, как бы удачен ни был штурм. Как и Меншиков, он знал, что вообще вся эта затея совершенно бесцельна и является прихотью стратега из Зимнего дворца. Поэтому Хрулев ограничился только бомбардировкой Евпатории из ста орудий, отменив в решительную минуту штурм и отведя войска.

«Неудача» под Евпаторией ускорила смерть серьезно больного Николая I, но зато заставила Меншикова надлежащим образом оценить Хрулева, и он перевел его в Севасто-

поль и сделал начальником одного из самых ответственных участков оборонительной линии — Корабельной стороны, где были первый, второй и третий бастионы и знаменитый Корниловский бастион на Малаховом кургане.

Здесь-то главным образом и протекла полугодовая деятельность Хрулева, создавшая ему славу одного из самых блестящих защитников Севастополя.

Свою картинную внешность Хрулев вывез с Кавказа, где служил перед Дунайской кампанией. С белого коня он не пересел на вороного или гнедого и бурку с папахой не заменил серой шинелью и фуражкой. Потому ли, что хотел оригинальничать? Нет, тут было другое.

Хрулев держался убеждения, что начальник должен быть издали виден своим подчиненным, виден даже и ночью, — вот почему конь его был белой масти. Что же касается папахи и бурки, то, разумеется, они очень выделяли того, кто их носил, из общей массы людей, одетых в униформу.

Конечно, и сидевшие в окопах стрелки противника тоже отлично разглядели оригинального русского генерала. Однажды на перемирии для уборки убитых и тяжелораненых появился Хрулев на своем коне, и сейчас же пошло по французским рядам: «Это — генерал Хрулев! Генерал Хрулев!..»

Удобство быть всюду видным своим солдатам сопровождалось, таким образом, большим неудобством быть заметным и для противника, представлять для него прекрасную мишень. Но это тоже входило в расчеты Хрулева, так как показывало своим, что он не прячется ни от пуль, ни от прицельных снарядов.

Хрулеву повезло — убит он не был, несмотря на то что каждый день давал эту возможность стрелкам противника. В Севастополе в конце февраля 1855 года, когда попал туда на службу Хрулев, трудно было удивить храбростью даже и пехотных солдат из новобранцев, а не только старых матросов. И однако же это вполне удалось Хрулеву.

Зато и влияние его на солдат и матросов было совершенно исключительным. Никто из генералов не был так любим ими, как Хрулев, ни к кому не относились они с таким непоколебимым доверием, как к нему.

На Корабельную сторону с ее центром — Малаховым курганом — было обращено все внимание англо-французов. Но здесь они встретили в лице Хрулева энергичного и умелого руководителя обороны. В решительные моменты, во время штурмов позиций противником, Хрулев находил возможность и с малыми силами нанести врагу большие по-

тери, парализовать его первоначальные успехи, вторгаться во время крупных вылазок в расположение его траншей.

Когда, по мысли Тотлебена, впереди линии укреплений Корабельной стороны сооружены были Волынский, Селенгинский и Камчатский редуты, стычки из-за них с французами сделались очень часты. Хрулев конечно, с согласия главнокомандующего князя Горчакова, развил одну из таких ночных стычек до размеров довольно большого сражения, окончившегося разгромом французов. Это сражение, в ночь на 11(23) марта 1855 года, требовало большой обдуманности со стороны Хрулева, так как силы, которыми он располагал, были меньше сосредоточенных французами, а передовые линии французских траншей охраняли зуавы, считавшиеся лучшими французскими войсками.

Пользуясь тем, что ночь была лунная, Хрулев действовал обходными колоннами. Было занято три линии французских траншей, и русских солдат нужно было убеждать очистить их к утру, так как удержать их днем было бы невозможно.

Этот ночной бой был рукопашным, и французы на другой день просили о перемирии для уборки множества убитых.

Достигнутая победа, конечно, надолго подняла настроение гарнизона. Когда начаты были работы на подступах к линии бастионов Южной стороны, отстаивать их от покушений французов был назначен Горчаковым тот же Хрулев, получивший в свое распоряжение небольшие силы — всего около пяти тысяч человек. В то же время французский главнокомандующий генерал Пелисье собрал для атаки русских траншей, тянувшихся на километр, две дивизии с гвардейскими батальонами в резерве.

Хотя силы были далеко не равны, Хрулев сумел так воодушевить части своего отряда, что пять раз в ночь штыками выбивали они противника из занятых им с вечера траншей. К утру траншей остались за русскими.

Так как держаться в траншеях днем, под артиллерийским обстрелом, было бы невозможно, то Хрулев приказал очистить их утром. Солдаты шли обратно как победители, с песнями, что чрезвычайно изумило противника.

Горчаков не решился ввязываться из-за этих траншей в большое сражение на следующую ночь, и они были заняты французами. Пелисье в скором времени сосредоточил подавляющие силы для штурма трех редутов впереди Корабельной стороны.

Штурму предшествовала сильнейшая бомбардировка этих редутов и Малахова кургана. Бомбардировка, длившаяся свыше суток, совершенно почти сровняла с землей укрепле-

ния редутов и заставила замолчать их артиллерию, и только тогда целый корпус французов бросился на штурм против нескольких сот русских солдат.

Редуты были заняты, но Хрулев повел с Малахова кургана контратаку на один из них, Камчатский, и отбил его. Однако Горчаков, который упорно держался того мнения, что Севастополь вообще защищать не стоит, а лучше всего его очистить и защищать остальной Крым, и на этот раз не помог Хрулеву.

Торжество Пелисье было недолгим: его ожидало жестокое поражение 6 (18) июня, когда он после усиленной бомбардировки вздумал взять Севастополь штурмом бастионов Корабельной стороны.

Героем этого дня явился Хрулев. Отбитые повсюду французы нащупали слабое место — батарею лейтенанта Жерве, расположенную рядом с Корниловским бастионом на Малаховом кургане, и ворвались сюда. Но случившийся около Хрулев спас положение, хотя момент был чрезвычайно опасный для Севастополя.

Французы захватили уже домишки, лепившиеся по склону кургана, и остатки других домишек, ближайšie к Корабельной слободке, а на подмогу им поспевали новые толпы, и вскоре они зашли бы в тыл Малахову.

— Благодетели, за мно-о-ой! — загремела команда Хрулева, когда он увидел недалеко роту рабочих с лопатами на плечах и ружьями за плечами. Эту роту он лично повел выбивать врага из домишек, послав в то же время за своим последним немногочисленным резервом.

Рота погибла почти вся, расстреливаемая в упор французами, но она все же задержала их продвижение вперед, а между тем подоспел резерв, и батарея Жерве была очищена.

Во время последнего штурма — 8 сентября — Хрулев во главе двух полков ликвидировал прорыв французов в Корабельную слободку через куртину — промежуток между Корниловским и вторым бастионом. Но в это время противник уже занял Малахов курган, а при попытке отбить его Хрулев был контужен в голову и ранен в руку.

В честь храбреца-генерала солдаты-севастопольцы сложили несколько песен.

К концу Крымской кампании отношения между Хрулевым и Горчаковым сильно обострились. Действительно, это были натуры в высшей степени несходные: решительный и отважный Хрулев и анекдотически нерешительный, через десять минут способный отменить только что данное приказание, Горчаков.

Некоторое время Хрулев был в отставке, потом мы его видим на Кавказе, в штабе главнокомандующего. Умер он командиром корпуса в 1870 году.

Род Хрулевых считался в родстве с родом Суворовых, чем иные биографы севастопольского героя склонны объяснять его деятельность: желание подражать великому полководцу, своему отдаленному родичу, толкало-де Хрулева на подвиги. Но Хрулевых, как и Суворовых, было в общем довольно много; однако Степан Александрович оказался в такой же мере единственным среди Хрулевых, как Александр Васильевич среди Суворовых.

1940 г.

ГРЕНАДЕР СЕМЕН НОВИКОВ

Рассказ

Только что «северная Семирамида» — Екатерина II успела посетить «жемчужину своей короны» Крым, отошедший к России после первой при ней войны с Турцией, как турки начали вторую, чтобы отвоевать и Крым, и несколько оставшихся за русскими клочков земли на побережье Черного моря. Одним из таких клочков была песчаная Кинбурнская коса при входе в Днепровский лиман.

В незадолго перед тем основанных Потемкиным при устье Днепра городах Николаеве и Херсоне строился военный флот для Черного моря; поэтому-то для охраны молодых верфей на Кинбурнской косе и устроена была небольшая крепость с незначительным гарнизоном. Но обстановка все-таки получилась беспокойная: как раз на другом берегу лимана, в четырех километрах, считая по воде, стояла себе, как и прежде, большая старинная крепость Очаков. Не нужно было и лазутчиков: русских петухов было слышно в Очакове, турецких — в Кинбурне, а в подзорные трубы отлично было видно все, что делалось на низкой песчаной косе, и все, что творилось на высоком белостенном очаковском берегу.

Пока длился мир, наблюдения друг за другом здесь и там только на ус мотали. Но вот французский король Людовик XV вздумал подбить султана Селима III на войну с Россией и прислал ему своих офицеров всех родов войск. Султан посадил русского посла Булгакова в Семибашенный

замок и к Очакову двинул флот с десантным отрядом, чтобы Кинбурн взять и русские верфи сжечь. Это случилось в сентябре 1787 года.

Гарнизон Кинбурна был мал — всего полторы тысячи. Но турки знали, что охраной всего побережья лимана от Кинбурна до Херсона ведаёт назначенный Потемкиным генерал-аншеф Суворов; поэтому десантный шеститысячный отряд был набран из отборных янычар, а во главе его стали французские военные инженеры. Кроме того, человек пятьдесят дервишей, чрезвычайно фанатичных, тоже вошли в состав отряда, чтобы взвинчивать янычар.

Генерал-аншеф в те времена был чин, равный полному генералу, и выше его в армии тогда был только фельдмаршал. И все-таки под начальством Суворова на охране важнейшего участка было не свыше четырех тысяч человек войска — пехоты, кавалерии, казаков, — и большая часть их стояла вдоль берега лимана, в который всегда могли прорваться турки.

Первого октября, когда у русских был праздник покрова, турки начали высадку десанта, а их суда выстроились в море; мелкие канонерские лодки и шебеки — ближе к берегу, крупные фрегаты и корветы — дальше.

Суворов подсчитал, что с этих судов будут палить не меньше как пятьсот орудий по его войскам, если он пустит их навстречу янычарам, и на марше побьют из них половину. Поэтому он решил ждать; послал только казаков к ближайшему, верст за тринадцать, своему отряду — батальону Муромского полка, — чтобы немедленно шел на помощь.

Турки действовали быстро и умело. Со своих фелюг они высаживались вне выстрела с крепостных стен, однако тут же, по указке французских инженеров, начинали рыть окопы и укреплять их мешками с песком. Пятнадцать рядов таких окопов было сделано ими раньше, чем повели их наконец на штурм. Таща штурмовые лестницы, они шли решительно, явно уверенные в успехе.

У Суворова было три неполных полка — Шлиссельбургский, Орловский, Козловский, — и в первом из них, в пятой (гренадерской) роте, служил рядовым Семен Новиков, самый обыкновенный с виду, ничем не бросающийся в глаза.

Верхом объехал Суворов выведенный им для отпора туркам гарнизон. Перед пятой ротой шлиссельбуржцев остановился, оглядел всех.

— Помилуй бог, молодцы какие! — сказал он. — Чудомолодцы! Богатыри!..

И вдруг воззрился на Новикова, у которого на штыке желтел жалонерский флажок, и крикнул как будто сердито:

— Жалонер! Штык выше!

Новиков тут же дернул ружье кверху, а приклад прижал к левому боку и впился своими серыми пензенскими глазами в светлые голубоватые глаза генерал-аншефа.

— Как фамилия? — спросил Суворов, будто все еще в сердцах.

— Новиков Семен, ваше высокопревосходительство! — гаркнул жалонер.

— Ну что, Новиков, распатроним сейчас турок? — спросил Суворов, сдерживая лошадь.

— Как вы теперь с нами — по первое число всынем! — радостно отчеканил Новиков.

Суворов полузакрыв глаза, усмехнулся, поправил свою шляпу, подтянулся в седле и поскакал вдоль фронта. Было время вступить в дело артиллерии крепости, пужно было дать сигнал к первому залпу по авангарду наступавших, и Суворов дал этот сигнал — взмахнул платком.

Загремели орудия левого фаса крепости. В ясный до того, погожий, теплый день ворвались клубы порохового дыма, и бригадный генерал Рек повел в контратаку два своих полка — Орловский и Козловский; Шлиссельбургский с Суворовым при нем оставался в резерве.

Прокатилось по желтой песчаной равнине «ура» и «калла», начался рукопашный, ближе придвинулись к берегу шебеки и канонерские лодки, корветы и фрегаты. Что было задумано в Константинополе и Париже, воплощалось здесь.

Отчаянно дрались янычары. Им было сказано наперед, что, если они побегут назад, их все равно не примут на транспорты. И фелюги, доставившие их на берег, отошли к большим судам.

Суворов смотрел не отрываясь. Он стоял перед фронтом шлиссельбуржцев, и Новиков видел его сухую узкую спину и зеленую, с прижатыми полями шляпу над ней и каждый момент ждал: вот он повернется к нему, Новикову Семену, и крикнет: «Вперед!..» Ноги уже сами все будто срывались с топкого песка, и пальцы, зажавшие приклад, занемели от напряжения.

Янычары подавались все-таки; но уже тащили оттуда сюда раненого генерала Булгакова, раненые солдаты шли, ковыляя, сами, а на подмогу авангарду турок двигались главные их силы.

И Новиков услышал суворовское «Вперед!», и полк под барабаны и горны пошел в атаку. Но только что каких-ни-

будь двести шагов оставалось до своих, как заработали турецкие орудия, и загрохотало море, и зыбким, как море, стал песок под ногами.

И вдруг Новиков увидел, как впереди него, взбрыкнув ногами, повалилась наперед лошадь Суворова. Это каменное ядро — у турок были тогда такие ядра — оторвало ей голову.

Все бежали вперед мимо Новикова, когда он, склонясь над Суворовым, выпрастывал из-под лошади его правую ногу.

Потом, оба крича «ура», они тоже бежали рядом — генерал-аншеф Суворов и гренадер Новиков со своим желтым флажком на штыке.

Наконец добежали до свалки, и Суворов искал глазами в дыму, нет ли где офицера верхом, чтобы взять у него лошадь, и как раз увидел двух казаков, державших офицерских, как будто даже знакомых глазам лошадей под уздцы.

— Эй, эй, вороны!.. Лошадь мне давай, лошадь! — кричал, подбегая к ним, Суворов.

Однако хотя лошади-то и были знакомые, офицерские, но держали их янычары; они переглянулись, мигнули друг другу и с саблями наголо бросились на русского генерала, оставив пока лошадей.

Отбиваясь от них своей саблей, Суворов только крикнул назад: «Новиков, ко мне!» — как тот отозвался радостно: «Здесь Новиков!» — и в живот первого янычара всадил свой штык вместе с флажком, а второму угодил в шею насквозь.

Суворов же, не теряя ни секунды, как это только он умел делать, схватил за повод одну из лошадей — и вот он уж управляет боем... Видя его перед собой, нажали с новой силой солдаты, и янычары стремительно начали отступать к своим ложементам.

Не помогли им ни французские инженеры, бросившие турок в самый разгар боя, ни деревниши, из которых большая часть была перебита.

Но в запасе на транспортах были еще свежие силы, и, когда высадили их, ложементы были снова отбиты у русских. В пылу боя песком засыпало глаза Суворову, и пока он протирал их, то почувствовал, что ранен в бок, и упал без чувств, свалившись с коня.

Теперь он не успел крикнуть: «Новиков, ко мне!» Однако Новиков не отставал от него в бою, кипевшем кругом: ведь ускакать от него Суворов не мог — некуда было ска-

кать. Как помочь генералу, он не знал, не знал даже, жив ли он... Уперев приклад ружья в песок и выставив штык, с которого сорвал уже кровавый флажок, Новиков только глядел, чтобы никто не задавил Суворова — ни свои, ни чужие.

Но вот подались турки — чище стало кругом, — и вдруг поднял голову Суворов:

— Новиков?

— Так точно.

— Подсади на лошадь!

Оглянулся Новиков: лошади не было. Тогда он поднял Суворова, как сноп, и потащил в тыл.

Бой за Кинбурн оказался самым жестоким боем из всех, в каких до того участвовал Суворов. Только подоспевший батальон Муромского полка — это было уже в темноте, близко к полуночи, — принес с собою и полную победу. Десантный шеститысячный отряд турок был истреблен почти весь. Несколько сот оставшихся в живых были загнаны в лиман и там, на мелком месте, стояли по пояс в воде и кричали «аман»*. Фелюги к ним подошли только утром.

Суворов, раненный в бок, только промыл рану морской водой и сам повел муромцев, но получил новую рану в руку, около плеча, пулей навывлет. Однако на этот раз Новикова возле него уже не было. Его не оказалось и в жиденьком ротном строю на другое утро: он пропал в последнем бою ночью. Только на другой день разыскали его среди тяжело раненных.

Он не был забыт Суворовым: в его донесение о бое под Кинбурном был внесен и Новиков Семен. Несколько позже Новиков получил серебряную медаль на георгиевской ленте.

А через сто двадцать пять лет после знаменитого боя, в 1912 году, в списки 15-го пехотного Шлиссельбургского полка вписали имя спасителя Суворова, рядового Новикова Семена, как одно из бессмертных русских имен.

1941 г.

* Просили пощады.

ГВАРДЕЕЦ КОРЕННОЙ

Новелла

ремел Бородинский бой.

Дрались на совесть с обеих сторон: русские войска стремились отстоять Москву, сердце России; французы горели желанием взять Москву, так как это сулило им конец войны; кроме того, они, предводимые Наполеоном, привыкли к победам, чего бы ни стоили эти победы.

Лейб-гвардейский пехотный Финляндский полк в этом ожесточенном бою несколько раз ходил в контратаку, и в третьей гренадерской роте полка показал себя в этот день правофланговый, ефрейтор Леонтий Коренной.

Что он мог себя показать в рукопашной, в этом не сомневались его однополчане, но раньше не приходилось — не было случая. Гвардейские полки стояли в Петербурге и около него, и казалось, что век будут так стоять, предназначенные для царских смотров и парадов.

Но когда в июне 1812 года невиданная до того армия Бонапарта в шестьсот тысяч человек перешла через пограничную с Пруссией реку Неман и вторглась в Россию, то пришлось двинуть на защиту Москвы и гвардию.

Фамилии часто бывают будто припаяны к людям — клещами не оторвешь; так кто-то припаял предку Леонтия фамилию живописную — и попал в точку.

Теперь нет уже почти нигде лихих троек, а в старой России без троек не было дорог; и в каждой тройке — коренной. Коренник был самым дюжим, самым видным, самым надежным конем.

Пристяжки вели себя легкомысленно: они извивали шею змеями, держа головы наотлет, точно озабочены были только красотой бега; дуг им не полагалось, оглобель тоже — только шлеи. Но, впряженный честно в оглобли, подтянутый расписной дугой, коренник держал голову прямо кверху, глядел строго, слушал поддужный колокольчик, не прядая ушами, тянул экипаж ревностно, за что и пользовался неизменным уважением густобородого кучера, щедрого на раздачу кнута обоим пристяжкам.

Часто говорили о Леонтии Коренном начальство на смотрах, обращаясь к командиру третьей гренадерской, то есть девятой роты:

— А правофланговый у вас молодчага!

Но командир роты это и сам знал, а солдаты-одноротцы,

даже одних лет с «молодчагой», не только новобранцы, почтительно звали его «дядя Коренной».

Был он добродушен, как и полагается подобным молодчагам, и, занимаясь «словесностью» с молодыми солдатами, как старослужащий и вдобавок ефрейтор, любил озадачивать их загадками.

Спросит, бывало:

— А ну, что такое-ка, отгадай-ка: «Был телком, а стал клещом: впился мне в спину, а без него — сгину».

Конечно, куда же молодому деревенскому парню отгадать такое, и Коренной ухмыльнется в усы, крутнет головой и сам скажет:

— Да ведь он из телячьей кожи, ранец-то наш солдатский.

И тут же, к случаю, ввернет еще загадку:

— «Кафтан, хотя бы сказать, черный, а бедный; сапог хотя из себя желтый, а медный; хлеба не молотит, а по погам колотит». Что такое-ка?

Это — тесак. Но были у Коренного и еще загадки — о патроне, о пуле, о курке, о пушке, о солдатской пуговице, которая «не платит оброку, а служит без сроку», и о каждой вообще вещи из солдатского обихода: он любил все складное и со смыслом и хранил в памяти, как святыню.

Но самой большой святыней в те времена в бою кроме знамени полка был локоть товарища: в рукопашную ходили густыми колоннами, рассыпного строя не знали, от локтя товарища отрываться считалось тягчайшим преступлением против правил дисциплины. Шла стена, оцетиненная штыками, способная не только выстоять под бешеным натиском кавальерии, но и обратить ее в бегство. Так было и здесь, в Бородинском бою.

Однако таяла стена под градом ружейных пуль, картечи и пушечных ядер, и вот только тогда, когда разбивалась стена на отдельные куски, звенья, людские толпы, возможно становилось действовать в меру своих личных сил и способностей.

И вот тут-то, когда третья гренадерская (гренадерскими ротами в пехотных полках того времени назывались первые роты батальонов, то есть 1, 5, 9 и 13-я; остальные были «мушкетерские») рота Финляндского полка потеряла в схватке с французами своих офицеров, шестеро солдат во главе с ефрейтором Коренным защищали несколько часов русскую позицию на опушке леса.

Потом, когда все шестеро были представлены к награде — к Георгию IV степени, их подвиг изложен был так:

«Во все время сражения находились в стрелках и неоднократно опровергали успливающиеся его цепи, поражая сильно, и каждый шаг ознаменован мужеством и храбростью, чем, опрокинув неприятеля, предали его бегству, выгнав его на штыках из лесу, заняли то место, которое ими несколько часов упорно было защищаемо».

Так, не особенно вразумительно, писали о Коренном с товарищами русские полковые писаря двенадцатого года. Но через год пришлось писать о нем одном и полковым писарям французским.

В октябре 1813 года под городом Лейпцигом, в Саксонии, несколько дней подряд шла «битва народов». Оставив всю свою армию на полях России, Наполеон успел собрать новые силы и дал здесь сражение объединенным войскам русским, австрийским, прусским и шведским. Здесь военный гений величайшего полководца того времени должен был уступить двойному превосходству в силах, и сражение окончилось отступлением Наполеона после огромных потерь, но, и отступая, французы были еще настолько сильны, чтобы вести с собою пленных, даже и раненых.

В числе таких раненых пленных был и Леонтий Коренной.

Если в Бородинском бою сражалось с обеих сторон до четверти миллиона, то в «битву народов», затянувшуюся на пять суток, было втянуто полмиллиона людей при двух тысячах орудий. Казалось бы, совершенно невозможно было здесь проявить себя простому русскому ефрейтору, хотя бы и с Георгием за Бородино. Здесь оспаривали победу великие полководцы, здесь было несколько монархов — русский, французский, австрийский, прусский, неаполитанский (Мюрат), здесь на весы счастья положены были судьбы нескольких государств Средней Европы... И все-таки можно отыскать на карте Германии и на плане великого сражения под Лейпцигом селение Госсу, которое было атаковано Финляндским полком.

Французы были выбиты из южной части селения, но упорно держались в северной, и, когда третий батальон Финляндского полка под командой полковника Жервё обошел деревню, он наткнулся на превосходящие силы.

Место боевой схватки оказалось тесным, так как французы получили подкрепление. Сзади русских тянулась каменная стена, и, когда барабаны забили отбой, солдаты перебирались назад через эту стену. Но большинство офицеров батальона, столпившись при девятой роте, были ранены, как и сам полковник Жервё, а другого пути отступления не

было — остатки батальона оказались плотно окружены французами.

И вот французы увидели, как одного за другим брал своих раненых офицеров на руки рослый плечистый гвардеец, украшенный белым крестом. Он поднимал их до гребня стены, откуда они валялись вниз в безопасное для себя место, в сад. Последним был отправлен таким же образом за стену полковник Жервё, который был хотя и легко ранен, но оставался уже батальонным без батальона и вот-вот мог очутиться в плену.

Пока гвардеец был занят этим, около него отбивались еще штыками десятка два человек первого взвода роты. Но вот упал из них один, другой... вот падает третий, проколотый штыком...

— Держись, братцы, крепче!.. Э-эх, двух смертей не бывать, одной не миновать! — закричал Коренной, начиная работать штыком так, как только он мог работать.

И французы попятились — сразу шире стало место около стены.

— Эй, не сдавайся, ребята! — кричал, ободряя других, Коренной, хотя и видел, что помощи ждать неоткуда, а французов было тридцать против одного.

И никто не сдался. И все легли на месте, как герои. Оставался один Коренной. Он был уже ранен в нескольких местах штыками, он был весь полосатый от крови, но, прижавшись к стене, парировал удары и наносил их сам, пока не сломался штык у хомутика. Тогда перехватил свое ружье Коренной и начал действовать прикладом, как дубиной...

И такое уважение к себе внушил Коренной французам, что, когда упал он наконец на кучу тел, около него стали почтительно: никто не осмелился его добить.

Напротив, насчитав на его теле восемнадцать штыковых ран, недавние враги уложили его на носилки и отнесли на перевязочный пункт. Французские лекари, удивляясь крепости кованых мышц русского солдата, пришли к выводу, что из всех восемнадцати полученных им ран нет ни одной опасной для его жизни. И действительно, тут же после перевязки Коренной встал на ноги.

Наполеон имел обычай посещать раненых на перевязочных пунктах, сделал это он и теперь, и, когда увидел Коренного и услышал доклад, при каких обстоятельствах был взят он в плен, он поразился.

— За какое сражение он получил крест? — спросил полководец.

Коренному кое-как перевели вопрос Наполеона, и он ответил коротко:

— Бородино.

— А-а... Бо-ро-ди-но...

Перед баловнем побед, только что покинувшим поле сражения, которое он не считал бесповоротно проигранным, встала картина страшного боя под Москвой. Об этом бое впоследствии, на острове Елены, писал он как о самом ужасном из пятидесяти данных им сражений.

Живым напоминанием о нем был теперь вот этот силовый израненный и все-таки мощный русский гвардеец, спасший всех своих офицеров и державшийся в рукопашной дольше всех солдат...

«Маленький капрал» потрепал по плечу Коренного и сказал своим адъютантам:

— В завтрашнем приказе по армии объявить о подвиге этого русского героя... Поставить его в пример всем моим солдатам... Из плена освободить, как только он в состоянии будет добраться до своих...

И на другой день Леонтий Коренной попал в приказ по французской армии, подписанный самим Наполеоном, как образец для подражания даже и французским гренадерам, удивлявшимся геройством весь мир.

В Финляндском полку спасенные Коренным офицеры, собравшись через неделю после «битвы народов», жалели о том, что полк лишился своего «молодчаги», и вдруг он предстал перед ними, хотя и с забинтованной головой, и с подвязанной к шее левой рукою, и еле передвигавший израненные ноги, но бодрый, и браво отрапортовал своему ротному:

— Вашвсокбродь, честь имею явиться: из плена прибыл!

1940 г.

МАТРОС ПЕТР КОШКА

Отрывок из эпоса „Севастопольская страда“

Интервенты обкладывали Севастополь хотя и с одной только стороны, но соблюдая все правила осадной войны. На сближение с бастионами русских они подвигались быстро, руководимые опытным французским военным инженером Бизо.

Зигзаги их апрошей*, сколько бы ни задерживал работу над ними твердый каменистый грунт, шли неуклонно вперед, а в ложементы** их, параллельные линиям русской обороны, залегали стрелки, борьба с которыми делала вылазки неизбежными, как бы ни были по трофеям ничтожны их результаты.

Без этих вылазок обходилась редкая ночь, тем более что и сидевшие в передовых своих траншеях французы и англичане — чаще, впрочем, первые, чем вторые, — подымали по ночам ложные тревоги. Они не выходили при этом из траншей, они только делали вид, что идут на штурм, кричали «ура» после усиленной пальбы. Это «ура» подхватывалось, перекатывалось из траншей в траншею и подымало на ноги даже пехотные прикрытия на русских бастионах, так как рискованно все-таки было оставаться спокойным при таких воинственных криках.

Зато вылазки с русской стороны после подобных упражнений интервентов бывали особенно удачны. Англичан чаще всего заставлял мирно спать, иногда даже в стороне от составленных в козлы ружей; французы же гораздо лучше несли сторожевую службу, чем наемники английских капиталистов, представлявшие свой поход в Россию чем-то вроде карательной экспедиции в Ост-Индии, стремительной, молниеносной, неотразимой, после которой наставал продолжительный период приятного ничегонеделания за шиллинг в день на всем готовом...

Бывали вылазки совсем малыми командами при одном только офицере, но бывало и так, что на вылазку ходила целая рота охотников, сборная от разных частей... Вылазка в конце ноября была именно такого рода; в ней участвовали команды по несколько десятков человек в каждой: от двух пехотных полков и от экипажей флота. Командовать вылазкой был назначен, как часто случалось это и раньше, лейтенант Бирюлев...

Удачно сходили... Бирюлеву все вылазки, в которых он участвовал. Однако матросы заметили эту особую удачливость лейтенанта и с ним, — главное, под его общей командой, — шли на вылазки гораздо охотнее, чем с кем-либо другим из своих офицеров, точно там, где был Бирюлев, успех был заранее обеспечен.

* Апрош (франц.) — буквально «подступ» — тип траншей для прикрытия, строился зигзагообразно, по мере приближения к осажденному укреплению противника.

** Ложемент (франц.) — окоп для прикрытия орудий и людей.

Бывают такие исключительные любимцы жизни, которых не могут не любить окружающие. Бирюлев был и красив собою, и ловок, и не способен теряться в минуту опасности, умел увлечь за собою и вовремя отозвать своих охотников, знал, когда бросить в толпу матросов острое словцо, способное заставить их забыть про опасность, когда влить предельную строгость в слова команды.

Словом, он был, что называется, прекрасным командиром роты в бою, и, пожалуй, больше всего именно этим объяснялась его таинственная удачливость в вылазках.

В середине ноября, когда стрелки, лежавшие в неприятельских ложементях, большей частью зуавы, стали слишком заметно вредить своими выстрелами с недалеких дистанций по амбразурам и по каждой голове, неосторожно выставлявшейся над бруствером, пришлось в защиту от них устроить наскоро свои ложементы шагах в двадцати от неприятельских и посылать в них своих стрелков. Они не назначались, они вызывались охотниками сами. Сначала это были пластуны, потом матросы и пехотинцы... Ложементы представляли собой ряд мелких, только лещ, ямок, в которых голова стрелка едва прикрывалась выкопанной саперной лопаткой землей, и над бедровой головой каждого охотника то и дело пели штуцерные пули. Малейшая неосторожность — и пуля впивалась в голову или пробивала грудь около ключицы. В каждой ямке лежал только один охотник, и действовать ему приходилось на свой страх и риск, к чему никто не приучал в мирное время русского солдата. Какое бы ни проявлялось в это время героичество, оно оставалось совершенно неизвестным, какая бы ни проявлялась тем или иным охотником личная храбрость, она проявлялась только наедине с собой. И все-таки на место убитых или тяжело раненных шли ежедневно в ложементы новые и новые охотники: недостатка в храбрецах не было.

Тем более не могло его быть около такого удалого командира, каким оказался Бирюлев. И первым из этих храбрецов был матрос Кошка.

На батарее капитан-лейтенанта Перекомского, куда попал Кошка в начале осады, известно было о нем только то, что он любил выпить, а под хорошую закуску сколько угодно, но никто и не подозревал в этом неказистом с виду матросе такого удальца, каким он проявил себя вдруг, когда убили в одной из первых вылазок бывшего рядом с ним его товарища, а на другой день его тело враги выставили с наружной стороны бруствера, подперев, чтобы держалось стоя.

Потемнел Кошка, когда разглядел тело старшего товарища, выставленное точно на позор.

— Дозвольте сходить его выручить, ваше вскбродь! — обратился он к Перекомскому.

Тот удивился — не понял даже.

— Как это так — сходить выручить? С ума сошел, что ли? Того убили в деле, а тебе захотелось, чтоб тебя ухлопали попусту?!

— Не ухлопают авось, ваше вскбродь! Дозвольте сходить — ведь глум над хорошим матросом производят...

— Он уже не матрос теперь, а бездыханное тело: какой же для бездыханного может быть глум?.. Впрочем, я доложу, пожалуй, начальнику отделения. Если он разрешит, то это уж будет его дело, а я считаю такой риск совершенно лишним.

Однако начальник 3-го отделения оборонительной линии контр-адмирал Панфилов совершенно неожиданно для Перекомского посмотрел на это иначе. Он согласился с Кошкой, что глумление над трупом павшего бойца надобно прекратить, только спросил Кошку, как же именно думает он выкрасть труп.

— Так что подползу до него ночью, а потом тем же ходом с ним обратно, ваше превосходительство...

Кошке казалось, что адмирал только время проводит, спрашивая о том, что и без вопросов вполне ясно и понятно, но адмирал сказал:

— Ночью ты можешь с принятого направления сбиться и совсем не туда попасть.

— Есть, «не туда попасть», ваше превосходительство, а только я полагаю так уж, чтобы ближе к свету ползти начать...

— Тогда тебя разглядят и подстрелят как зайца!

— Я, ваше превосходительство, хочу мешок грязный что ни на есть на шинелю надеть, чтоб от земли не различили, а кроме прочего и казенной амуниции чтоб порчи не произвесть...

— Мешок?.. Ну, если хочешь быть ты Кошкой в мешке, — улыбнулся Панфилов, — тогда валяй, ползи.

— Есть, «валяй, ползи», ваше превосходительство! — радостно отозвался Кошка и повернулся налево кругом.

Он сделал так, как решил: напялил на себя грязный мешок и, дождавшись конца ночи, сначала пошел, пригнувшись, потом пополз.

Но батарея против батареи Перекомского была английская, англичане же вгиде не придвинулись к русским так

близко, как французы, — довольно далеко пришлось ползти Кошке, рассвет же начался непредвиденно быстро, так как совершенно чистое оказалось в это утро небо на востоке. Кошка видел труп товарища своего — цель его действий, но разглядел также не дальше как в двадцати шагах от него серую фигуру часового около входа в траншею и понял, что ползти вперед уже нельзя.

Однако возвращаться назад с пустыми руками казалось еще более невозможным. Он огляделся и заметил в стороне остаток каменной стенки — была ли тут раньше садовая ограда, или стояло какое строение, — он подполз к этим нескольким камням и припал к земле.

Ружья с собою он не взял, так как обе руки должны были быть свободными, чтобы тащить тело; хлеба тоже не взял, потому что думал вернуться утром. А между тем развернулся ясный день, началась обычная перестрелка... Кошка припал за камнями, в которые звучно стучались иногда свои же русские пули, и не было никогда более длинного дня за всю его жизнь и большего простора для мрачных мыслей.

Утром справлялся у Перекомского Панфилов, сам зайдя к нему на батарею, — вернулся ли Кошка; Перекомский с сознанием правоты своих соображений ответил, что он, конечно, погиб совершенно зря, что нечего было и думать, чтобы явно сумасбродная затея его удалась.

Панфилов же, досадуя внутренне на себя за то, что разрешил Кошке эту затею, проговорил смущенно:

— Жаль малого, разумеется, но что же делать: ведь и допускать явного глумления над трупами наших молодых тоже нельзя... Побуждения у него были хорошие, и осудить их я не мог.

Труп матроса продолжал, однако, торчать на прежнем месте весь этот день, и всем уже, не только Кошке, стало казаться возмутительным такое издевательство над павшим.

Но вечером, когда как следует стемнело, раздалась вдруг весьма оживленная и мало понятная по своим причинам и целям ружейная пальба со стороны англичан, и вдруг на батарее появился усталый, запыхавшийся, но довольный Кошка, притащивший на спине тело товарища.

Оказалось, по его рассказу, что он дождался, когда у англичан в траншеях началась смена людей, тогда-то и пополз он к трупу, поставил под него спину, прижал к себе его руки и проворно побежал к своей батарее. Он рассчитывал на то, что занятые сменой англичане не обратят на него внимания, и действительно — успел пробежать полдо-

роги, когда в него начали стрелять. Но тут уже его ноша послужила ему надежным прикрытием, приняв в себя пули, которые иначе были бы смертельны для Кошки.

Панфилов представил его за отвагу к Георгию.

В другой раз вздумалось Кошке непременно поймать красивую белую верховую лошадь, которая вырвалась почему-то из английского лагеря, оседланная, может быть сброшенная с себя седока, обогнула Зеленую гору и остановилась как раз посредине между батареей Перекомского и батареей англичан, поворачивая точеную тонкую голову на гибкой шее то в сторону своих, то в сторону русских.

— Эх, лошадка! Вот это так красота! — восхищался Кошка и обратился к командиру батареей: — Дозвольте коня этого на абордаж взять!

— Конь-то стоящий — это правда, — сказал Перекомский, — и я бы не прочь тебе это позволить, да ведь англичане не дозвоят.

— Дозволят, ваше вскбродь! Я как будто к ним дезертиром буду бежать, а по мне чтобы наши холостыми зарядами стреляли, — вот и вполне может выйти дело!

Глаза у Кошки так и горели: казалось, и не разреши ему даже, он все-таки побежит за лошадью, — да и лошадь была бы дорогим призом.

Перекомский вспомнил историю с трупом матроса и махнул рукой в знак согласия, приказав тут же открыть по Кошке пальбу холостыми.

Кошка же бросился к лошади со всех ног.

Англичане были сбиты с толку поднявшейся по нем частой пальбой: ясно было для них, что кто-то перебегает к ним из русской батареей; они даже сняли шапки и махали ими приветственно. Понятно им было и то, что дезертир направляется к лошади, чтобы вскочить на нее и мчаться к ним: четыре ноги английского скакуна, конечно, куда надежнее своих двух.

И Кошка добежал беспрепятственно до белой лошади, точно только его и поджидавшей, вскочил на нее и пустился на ней обратно. Конечно, английский скакун проделал этот обратный для Кошки путь гораздо быстрее, чем даже могли сообразить англичане, что такое происходит перед их глазами; они открыли стрельбу с большим опозданием: Кошка уже успел ворваться в укрепление.

Он ходил обыкновенно во все вылазки, и его щадил пули, штыки, сабли врагов. Сам же он часто приносил на себе раненых англичан или французов или два-три штуцера их. Когда же вылазок не было и когда ночи были тем-

ные, бывало, подбирался он к английским трапезам один и непременно притаскивал оттуда штуцер — вещь ценную в обиходе русского солдата. Однажды, когда добыть штуцер никак не удалось, он притащил попавшиеся под руки носилки, справедливо полагая, что и носилки пригодятся. Главною же целью этих одиночных вылазок Кошки было поднять пальбу и кутерьму в стане союзников, которая обыкновенно, открывшись по нем, Кошке, перекидывалась по всей линии осаждавших, заставляя их изводить попусту множество зарядов. Кошка же, добравшись к своим со своей добычей, ухмылялся бедово и говорил:

— Вот как я их распатропил, чертей!.. Неужто это и в самделе вся их братия по мне одному так старается?.. Чудное это дело — война! Один человек, значит, может всех союзников осозюзить!

Иногда он притаскивал одеяла, которые накидывали на себя поверх плащей англичане наподобие пледов, но самой ценной его добычей были все-таки штуцеры.

И во время вылазок большими ли, малыми ли партиями всем хотелось набрать у противника как можно больше штуцеров, которые, кстати сказать, всячески утаивались от высшего начальства, а оставлялись в той части, какая их забрала, был ли это пластунский батальон, пехотный полк или флотский экипаж, хотя все и знали предписание — сдавать добытые с боя штуцеры для распределения их по усмотрению самого начальника гарнизона.

Так велика была у солдат, казаков, матросов досада на то, что их гладкоствольные ружья никуда не годились по сравнению с дальнобойными штуцерами, причинявшими им гораздо больше ущерба, чем все орудия союзников.

Правда, к этому времени Баумгартен, герой Четати, пришел к мысли переливать русские круглые пули в конические, по образцу пуль Минье, то есть с ушками и стерженьками. Такие пули даже при гладком стволе ружья могли лететь, как оказалось, вдвое дальше, чем круглые, но все-таки шестьсот шагов было далеко не то, что полторы тысячи, а кроме того, переливку пуль для всей армии было не так легко и просто наладить, как для одного Тобольского полка, в котором ввел это Баумгартен.

МАТРОС ИГНАТ ШЕВЧЕНКО

Отрывок из эпопеи „Севастопольская страда“

Бирюлев не мог, конечно, знать солдат Охотского и Волынского полков, которые в этот раз шли с ним на вылазку: раньше были у него в командах охотники других полков, но своих матросов он знал.

Кроме Кошки неизменно во все вылазки с ним ходил спокойный и рассудительный пожилой уже матрос Игнат Шевченко, широкогрудый человек большой физической силы, которую, как иные силачи, почему-то стеснялся показывать в мирной обстановке. Только по тому, как его нагружали ранеными пленными или штуцерами, когда возвращались назад, можно было судить, что у него за безотказная крепость мышц. Матросы звали его «воронежским битюгом», — есть такая порода лошадей-тяжеловозов. В штыковом бою, какой бывал обыкновенно в траншеях интервентов при вылазке, он действовал, как таран, — за ним шли другие. Раза четыре он натыкался сам на штыки англичан и французов, но раны были мелкие, легкие, и после перевязки он снова появлялся в строю и снова шел в охотники на вылазки.

При этом само собой повелось как-то так, что он будто бы взял на себя совершенно непрошено роль какого-то дядьки при молодом, горячем лейтенанте. Он даже говорил ему ласково-ворчливо, когда подбирались они к неприятельским ложементам:

— Идите себе опозаду, ваше благородие! Нехай уж мы сами передом пойдем, а вы только за порядком глядите.

Бирюлев видел, что ворчит старый матрос дружески — заботясь о нем, и на такие замечания, конечно, не обижался. Он любил этого «битюга», который однажды самолично приволок с вылазки вполне исправную мортиру не крупного калибра. И когда в густых сумерках он принимал команду матросов, то прежде всего спросил: «Есть Шевченко?» «Есть, ваше благородие!» — отозвался в пяти шагах от него знакомый грудной голос, и этого было достаточно лейтенанту, чтобы почувствовать себя перед новым почным делом, как всегда, уверенно и спокойно.

Но рядом с Шевченко были тут и другие, испытанные в лихих вылазках матросы. Был унтер-офицер Рыбаков, известный тем, что захватил однажды в плен английского полковника, за что должен был получить крест; был другой,

унтер-офицер Кузменков, староватый уже и сильно лысый со лба, но стремительный и находчивый в деле; это он ходил с лейтенантом Тропцким выбивать французов из их окопов и все не мог себе простить, как это случилось, что он оставил тогда тело своего начальника в неприятельской траншее. Был матрос Елисеев — шутник и балагур, который не способен был, кажется, не сыпать шуткам и во время штыковой схватки. Был Болотников, который соперничал с Кошкой по части разных военных хитростей и выдумок, цель которых была озадачить противника, чтобы тут же воспользоваться этим. Он был ловко скроенный малый, лихо, с заломом на правый бок носивший свою бескозырку...

Кроме матросов и солдат, которых в общем было двести пятьдесят человек, в эту вылазку шло и восемьдесят рабочих с лопатами, которыми должны они были повернуть в сторону врага его ложементы против третьего бастиона, а что ложементы эти будут отбиты, в этом, конечно, никто не сомневался.

Начались уже осенние заморозки; ночь ожидалась холодная, но зато землю затагнуло, не стало сильно надоевшей всем грязи; шаги людей были нетрудные и неслышные.

Однако для вылазки все-таки было рано, — это знал по опыту Бирюлев. Должна была после полуночи взойти ущербная луна, а при ее свете, хотя бы и сквозь тучи, кругом обложившие небо, можно гораздо лучше провести вылазку, чем в темноте, хотя местность перед бастионом и была достаточно знакома.

Местность эту видели каждый день, так как собирались команды охотников и рабочих на батарее Перекомского, где была землянка Бирюлева. Матросы были тоже с этой батареей, как Кошка, Шевченко, Рыбаков, Болотников, или с третьего бастиона, а охотцы и волынцы — из прикрытия этой батареей.

Волынцами командовал юный прапорщик Семенский, охотцами, которых было вдвое больше, — поручик Токарев, но ни тот, ни другой ни разу до этого в вылазке не ходили. Бирюлев прошел вдоль шеренг проверить — все ли в порядке у людей, довольно ли патронов, у всех ли рабочих есть кирки и лопаты, сколько заготовлено носилок для раненых... Сказал солдатам, что полагалось говорить перед делом: какие именно ложементы приказано начальством занять в эту ночь, какой взвод должен в них залечь потом и что делать; как рабочие должны переделать ложементы, чтобы смотрели они в сторону неприятеля, чтобы в них для ружей были бойницы, чтобы вполне укрывали они стрел-

ков, — и закончил, как обычно принято заканчивать все подобные обращения к солдатам:

— Держать строй, ребята! Локоть к локтю, плечо к плечу! Иначе перебьют, как перепелок. Смотри!.. А если я буду убит, слушать команду поручика Токарева. А если с его благородием, поручиком Токаревым, что случится, так что уж не в сплах он будет командовать, то его замещает прапорщик Семенский...

В небе было темно, вблизи расплывались очертания даже знакомых лиц, а шагах в двадцати совсем уж нельзя было ничего различить: такое освещение для вылазки не подходило, поэтому Бирюлев добавил:

— Пока не взойдет месяц, стой себе, ребята, вольно; у кого есть тютюн, кури, кто не выспался днем, приткнись где-нибудь и спи... Спишь — меньше грешнись, а встанешь — свежее будешь... Шуму лишнего не делай, огня неприятелю не показывай... Когда приказано будет строиться, живо стройся!

Бирюлев, разрешая солдатам поспать перед вылазкой, сам думал только о сне, так как всю предыдущую ночь пришлось ему простоять на батарее, а днем заснуть тоже не удалось. Он забрался в свою землянку, прилег там одетый, как был, и заснул сразу и крепко.

Гротгус добрался до третьего бастиона как раз в то время, когда Бирюлев спал, и, по новости дела, очень был этим озадачен, так что уж самому адмиралу Папфилову пришлось объяснять адъютанту Сакена, что Бирюлев свое дело знает и удобного для вылазки времени не проспит.

Бирюлев же, ложась спать, приказал Шевченко разбудить его часа через два, когда, по его расчету, должна была подняться луна.

Луна поднялась наконец, хотя и ущербленная, но огромная, и тучи сдвинулись к противоположной от нее стороне горизонта.

Шевченко растолкал вестового лейтенанта, и с трудом удалось им вдвоем добудиться мертвым сном спавшего Бирюлева.

Но когда он вышел из землянки, то зажмурил глаза от света: столько лплось этого света от тупо уставившейся в землю однобокой луны, что белые амуничные ремни, перекрещенные на богатырской груди Шевченко, сияли, как днем, искрились штыки солдат и бляхи их поясов, и девичьи глаза юного Семенского горели будто огнем вдохновения.

— Вот досада какая! — потягиваясь, сказал Бирюлев. — Куда же ты вымел все тучи, Шевченко? Ведь теперь мы попали из огня в полымя!

— Ночь еще долгая, ваше благородие, — утешил его Шевченко. — Може, еще и захмарит.

— Хорошо, как захмарит, а если нет?

Он вынул свои часы, заводившиеся без ключика; было около двух. Ждать еще было, пожалуй, непростительно, идти теперь же было нельзя. Впрочем, на луну надвигалось тонкое белесое облако...

Бирюлев приказал командам собраться и построиться, и минут через десять все снова стояли в шеренгах, так что Гротгус мог наконец передать, что начальник гарнизона благословляет всех и желает полной удачи во славу русского оружия.

Однако и после этих торжественных слов Бирюлев все-таки не решался вести свою роту, и Панфилов с ним вполне согласился.

Но вот через полчаса, не меньше, к тому тонкому белесому облачку, которое проскользнуло над луною, потянулись другие, погуще; блики на штыках и бляхах померкли, поручик Токарев, передернув от заползающего под шинель холодка плечами, сказал Бирюлеву:

— А знаете, кажется, даже вот-вот снежок пойдет.

— Если и в самом деле, было бы как нельзя лучше, — повеселел Бирюлев и, когда действительно закружились снежинки, скомандовал вполголоса: — На молитву! Шанки долой!

Сняли фуражки, перекрестились три раза...

— На-а-кройсь!

Потом еще две-три обычных, но необычно отозвавшихся у всех в сердцах команды, и люди пошли во взводной колонне из укрепления в поле.

Все старались идти отнюдь не так, как их учили ходить в мирное время, звонко отбивая шаг, а как можно легче и неслышной ступая, по часовые, лежавшие в секрете впереди неприятельских ложементов, заметили темную движущуюся на них массу. Это были английские ложементы; можно было надеяться, что часовые там спят, однако вышло иначе. Один за другим раздалась три гулких выстрела... Потом сигнальная ракета взвилась и рассыпалась красными огоньками в небе, за ней другая... И вот по всей линии противника началась оживленная пальба.

Панфилов, который стоял с Гротгусом, выжидая, как пойдет вылазка, сказал недовольно:

— Вот видите, как иногда бывает!.. Неудача! Завидели, проклятые... Не дали нашим и пятидесяти шагов отойти.

— И что же придется им сделать в таком случае? — обеспокоился Гротгус.

— Что?.. Просто надобно отозвать их назад, чтобы не перебили напрасно, — вот и все, что придется сделать.

И Панфилов действительно послал к Бирюлеву вдогонку ординарца унтер-офицера, правда не с приказом, а только с разрешением вернуться.

Ординарец добежал запыхавшись. Бирюлев остановил роту. Выслушал посланца адмирала. Понял, что от него теперь зависело, вести ли людей вперед или назад. И стало как-то неловко поворачивать их обратно, командовать «налево кругом». Однако он знал, конечно, и то, что многих из них стережет уже там, впереди, смерть или увечье, поэтому он обратился вполголоса к передним:

— Назад или вперед идти, братцы?

— Вперед! — тут же ответил ему Кошка.

— Вот Кошка говорит, что лучше вперед, а вы как?

— Ночью все кошки серые! — отозвался весело Елисейев, а кто-то дальше, из рядов пехоты, подхватил:

— Все мы — кошки!

И потом пошло по рядам, как общий выдох:

— Все — кошки!

— Ну, раз все — кошки, значит, вперед! Так и передай его превосходительству, — обратился Бирюлев к ординарцу.

Как раз в это время и снег пошел гуще и пальба затихла, только трубили в рожки горнисты в траншеях да кричали часовые.

— Вперед, ма-арш! — командовал Бирюлев.

Идти нужно было в сторону — не к англичанам, а к французам, которые гораздо энергичнее англичан придвигались к четвертому бастиону и велп к нему мины с явной целью его взорвать.

Рота Бирюлева шла уверенно и с подъемом, тем более что не было пока в ней никаких потерь, несмотря на пальбу.

Обогнули острый холмик, прозванный Сахарной головою; недалеко уж должны были, по расчетам бывалых в вылазках матросов, начаться французские ложементы на взгорье, однако отрубили горнисты, откричали часовые, — настала какая-то подозрительная насторожившаяся тишина...

Но вот в тишине этой вдруг раздался резкий и громкий окрик:

— Qui vive? *

Задние взводы замедлили было шаг, но передние быстро шли вперед за Бирюлевым, подтянулись и задние.

— Qui vive?

Рота шла.

— Qui vive? — встревоженно громко.

— Russes! ** — крикнул Бирюлев и тут же вслед за этим: — Ура-а!

И кинулись со штыками наперевес на ложементы.

VII

Enfants perdus, сидевшие в ложементах, успели дать только один залп, торопливый, нестройный, от которого упало только трое охотцев. Их проворно с рук на руки передали в тыл на носилки, присланные Панфиловым с бастиона. Сквозь крутившийся снег было видно, как зуавы бежали, пригибаясь к земле, в траншеи.

Едва они добежали, оттуда поднялась пальба.

Нельзя было терять ни секунды. Бирюлев только крикнул: «Рабочие, сюда!» — только махнул рукою на ложементы саперному унтер-офицеру, а сам, почему-то, произвольно стараясь не касаться на бегу земли каблуками, побежал руководить боем дальше, к траншее, куда, опередив его, подбегали уже матросы и солдаты.

Он думал именно этими словами: «руководить боем», хотя и знал уже по опыту, что, чуть только начнется свалка в траншее, руководить ею никак нельзя.

А свалка в траншее уже началась: одиночные выстрелы, крики на двух языках, хрипы, стоны, лязг железа о железо, треск, гул — и через три-четыре минуты кто из зуавов не успел своевременно выбраться из траншеи и бежать выше, в другую такую же, был заколот.

Но зуавы были ловкие и крепкие люди и яростно защищали свою жизнь и свой окоп. Только трое захвачены были здесь в плен: один раненый офицер и два солдата. Зато одним из первых погиб так жаждавший боевых подвигов юноша с девичьими глазами — прапорщик Семенский. Не крупный телом и тонкий, он был буквально поднят на штыки и брошен на вал окопа. Волинцы вынесли было его на линию отбитых окопов, где старательно и споро перебрасывали с места на место почти белую от известковых кампей

* Кто идет? (франц.)

** Русские! (франц.)

гулкую землю рабоче, но он недолго лежал тут живым. Рабоче сняли с ложементов и оттащили к сторонке восемнадцать тел заколотых зуавов; девятнадцатым невдалеке от них лег бывший прапорщик Семенский...

Лунный свет ярок только вблизи, — вдали же он причудлив. Он способен очеловечить все кусты и все крупные камни кругом, особенно тогда, когда ошеломлен мозг внезапностью чужого нападения и своей оплошностью или неудачей.

Горнисты трубили тревогу, ракеты взвивались и лопались где-то в глубине французских позиций, точно напала на них не одна рота, а по крайней мере дивизия. Конечно, к передовым траншеям теперь спешили уже резервы.

Но пока подтягивались эти резервы, вторая траншея начала такую частую стрельбу, что поручик Токарев обеспокоенно подскочил к Бирюлеву:

— Прикажете унять их, Николай Алексеич? Несем потери!

— Ура-а! — крикнул во весь голос вместо ответа Бирюлев.

И тут же общее дружное «ура» и такой же страшный для сидящих в окопе стремительный дробный стук бегущих по твердой земле нескольких сотен ног, и казалось, что через минуту-другую все будет кончено здесь, как и в первом окопе; но раздался пушечный выстрел, и картечь повалила сразу человек десять.

Остановить атаку, впрочем, не мог этот выстрел — слишком яростен был разбег, — и другого выстрела не пришлось уже сделать артиллеристам: их смяли. Но свалка в этой траншее была ожесточеннее, чем в первой. Тут оказалось больше защитников, может быть успели подойти из других траншей, однако очистили и эту траншею; человек около двадцати отправили отсюда своих раненых в тыл, к носилкам, а с ними вместе еще двух подбитых французских офицеров и пятерых солдат.

Бирюлев замешкался было при отправке раненых, но Шевченко, все время державшийся вблизи его, дернул его за рукав шинели:

— Ваше благородие, глядите сюда, то не обходят ли нас французы?

Бирюлев поглядел вправо — действительно тянулась вниз какая-то плотная масса.

— Барабанщик! Где барабанщик? Бей отбой! — закричал он.

Ударил барабанщик, загрубил горнист.. Рота спешно

строилась во взводную колонну для отступления, и тут, на ходу, подобрался к Бирюлеву Рыбаков, чтобы сказать:

— Ваше благородие, Кошку ранили, а он сглупá сказываться раненым не хочет...

— Кошка ранен? — Это показалось почти сверхъестественным. — Где же он? Лежит?

— Идет, да ведь и кровь из него хлещет...

— Чем ранен? Пулей?

— Штыком...

А тем временем траншея, только что очищенная, вновь, видимо, наполнилась набежавшими из тыла зуавами, и запели оттуда пули. Но отстреливаться было уже некогда, беспокоило то, что могут напасть на рабочих.

Миновали первую траншею. Стало яснее видно, что французов, затеявших обход, немного — не больше ста человек.

— А ну, братцы, наляжь! — крикнул Бирюлев. — Мы их в плен захватим!

Однако там заиграл трубач, и французы быстро повернули в сторону и исчезли: гнаться за ними совсем не входило в задачу вылазки. Главное было перестроить ложементы. Работа же эта шла полным ходом.

— Кошка? Где Кошка? — вспомнил Бирюлев.

— Есть, ваше благородие! — отозвался Кошка.

— Ты что, ранен?

— Пустякá — запекается, — недовольно ответил Кошка.

— Куда же ранен?

— Просто сказать, чуть скользнуло вот сюда, в левый бок...

— Перевязаться надо!

— Есть, ваше благородие, «перевязаться»... Домой придем — перевяжут.

Между тем пули из траншеи, которую только что очистили, сыпались чаще и чаще, и Кузменков сказал Бирюлеву:

— Нейдется проклятым! Придется, кажись, пойти шугануть их подалее! Дозвольте, ваше благородие, я со взводом пойду!

— Взвода мало, братец... Идти, так всем.

И в третий раз повел в штыки Бирюлев всю роту.

Однако вторая траншея была занята немногими стрелками: можно было насчитать только человек пятнадцать, вскочивших на насыпь, чтобы встретить наступающих залпом и бежать в третий окоп.

Бирюлев с обнаженной саблей шел впереди роты и только что повернулся к ней лицом, чтобы, выждав момент, крикнуть «ура», как Шевченко, не спускавший глаз с тех,

на насыпи, вырвался из ряда и метнулся вперед: он заметил, что большая часть ружей французов направлена на его командира. Он только успел выкрикнуть: «Ваше...» — как в одно и то же время раздались и залп зуавов и «ура» Бирюлева, подхваченное всеми... всеми, кроме Шевченко, который рухнул, пронизанный несколькими пулями...

Обернувшийся Бирюлев споткнулся о ноги убитого и упал на колени. Кругом его бежали в атаку, штыки наперевес, и билось в уши со всех сторон нестройное: «А-а-а...» Бирюлев припоминал этих зуавов на насыпи, и то, как метнулся вдруг вперед, крикнув «Ваше...», этот престодушный богатырь, державшийся с ним всегда, как дядька, и то, как он почувствовал, когда кричал «ура», несколько тупых ударов в спину от шеи до поясицы, и понял, что Шевченко, чуть только увидел опасность, какая ему угрожала, кинулся его спасти своим могучим телом, и пули, предназначенные ему, принял своєю грудью... И только пройдя насквозь через его грудь, эти пули, уже безвредные, шлепнулись в его спину, как мелкие камешки.

— Шевченко!.. Шевченко! Друг!.. — кричал Бирюлев, тормоша его круглое плечо, но глаза Шевченко уже закрылись, тело вздрогнуло в последний раз и легло спокойно.

Заметив, что упал лейтенант, около него остался Болотников. Он тоже видел, что сделал Шевченко, и понял его, как понимал и тоску по нем лейтенанта; но он заметил, что рота пронеслась ураганом мимо второй траншеи в третью, и обеспокоился.

— Ваше благородие, а ваше благородие! — взял он за руку Бирюлева. — Теперь уже не вернешь его: — воля божья... А наши уж в третью траншею прочесались, кабы их там не прищучили!

Бирюлев встал. Действительно, свалка гремела уже далеко. Он побежал вперед, как и прежде, на носках, бросая на бегу Болотникову:

— Не забудь, где Шевченко лежит!.. Потом заберем его!..

Смерть Шевченко его ожесточила. Он бежал отомстить за него французам. Но с зуавами, сидевшими в третьей траншее, все уже было кончено, пока добежал он. Оставалось только собирать своих во взводы и подбирать раненых, чтобы идти обратно.

И взводы уже построились, раненых вынесли, когда со стороны траншей раздалась резкая команда:

— En avant! *

* Вперед! (франц.)

Обернулся Бирюлев: высокий офицер стоял на насыпи с пистолетами в обеих руках, но те, кому он командовал, не шли вперед, — их не было видно. Была ли это небольшая кучка, добежавшая из резерва, или один только этот офицер, бегством спасшийся из обреченной траншеи и теперь захотевший показать свою картинную храбрость, осталось неизвестным. Он выстрелил из обоих пистолетов сразу, и нужно же было случиться так, что одна пуля попала прямо в выпуклый лоб Болотникова, так лихо всегда державший бескозырку. Матрос был убит наповал, офицер же, француз, исчез... За ним вдогонку бросился сам Бирюлев с целым взводом, но его не догнали, даже просто не знали, куда бежать, чтобы его догнать: он точно затем только и выскочил, чтобы убить бравого Болотникова, а потом провалиться сквозь землю.

Возвращаясь, несли тела и прапорщика Семенского, и Болотникова, и очень тяжелое тело Шевченко... Несли и все питуцеры, какие нашли в траншеях.

Тем временем ложементы были перевернуты, и в них оставили взвод для их защиты. Цель вылазки была достигнута: ложементы против четвертого бастиона оказались теперь выдвинуты шагов на тридцать вперед. Как будто совсем немного, но эти тридцать шагов дорого обошлись французам, потерявшим не менее ста человек: одними убитыми, десять пленными, из них три офицера. В роте Бирюлева убитых нашлось семь человек, раненых тридцать четыре.

VIII

Когда донесение о вылазке через Гротгуса и адмирала Пацфилова дошло до Остен-Сакена, он умилился не столько удачливости лейтенанта Бирюлева, сколько геройской смерти матроса Шевченко. Но верный своему взгляду, что каждый русский герой должен быть примерно религиозен, он добавил в своем донесении об этом главнокомандующему слово «перекрестясь»: «...перекрестясь, кинулся...» Это слово и попало в «Приказ главнокомандующего военными, сухопутными и морскими силами в Крыму», продиктованный писарю самим Меншиковым.

Вот этот приказ.

«Товарищи! Каждый день вы являете себя истинно храбрыми и стойкими русскими воинами; каждый день поступки ваши заслуживают и полного уважения и удивления. Говорить о каждом отдельно было бы невозможно, по

есть доблести, которые должны навсегда остаться в памяти нашей, и с этой целью я объявляю вам: 30-го флотского экипажа матрос Игнатий Шевченко, находившийся во всех вылазках около лейтенанта Бирюлева, явил особенный пример храбрости и самоотвержения. Когда молодцы наши штыками вытеснили уже неприятеля из траншей, пятнадцать человек французов, отступая, прицелились в лейтенанта Бирюлева и его спутников; Шевченко первый заметил, какой опасности подвергается его начальник: перекрестясь, кинулся к нему, заслонил его и молодецкою своею грудью принял пулю, которая неминуемо должна была поразить лейтенанта Бирюлева. Шевченко упал на месте, как истинно храбрый человек, как праведник.

Сделав распоряжение об отыскании его семейства, которое имеет все права воспользоваться щедротами всемиловейшего государя нашего, я спешу, мои любезные товарищи, сообщить вам об этом, поздравить вас, что вы имели в рядах своих товарища, которым должны вполне гордиться.

Приказ этот прочесть во всех экипажах, баталионах и эскадронах.

Генерал-адъютант князь Меншиков.

1938 г.

МАТРОС ЧИСТОЗВОНОВ

Новелла

огда-то, еще при Екатерине II, самый северный полуостров Америки — Аляска — принадлежал России, и на нем, а также на ближайшем к нему острове Ситха жили русские колонисты.

При Павле I была учреждена «Русско-американская компания», администрации которой давалось право «делать открытия и занимать открываемые земли в российское владение, заводить заселения и укрепления для безопасного пребывания, производить мореплавание по всем окрестным народам и иметь торговлю со всеми околлежащими державами...» Среди пайщиков этой компании были и великие князья, разорившиеся для этой цели на целых шесть тысяч рублей, правителем же заокеанских владений России был купец Баранов, уроженец города Каргополя.

Обладать американскими землями при отсутствии военного флота на нашем Дальнем Востоке оказалось затруднительным делом.

Для охраны этих колоний приходилось посылать военные суда из Кронштадта вокруг всей Европы, Африки и Азии.

В 1824 году, то есть в конце царствования Александра I, в эту длительную и небезопасную экспедицию был отправлен на парусном судне по имени «Крейсер» капитан 2 ранга Лазарев, впоследствии знаменитый адмирал, руководитель доблестного Черноморского флота. Одним из помощников себе пригласил он лично ему известного с наилучшей стороны молодого, всего двадцатидвухлетнего, лейтенанта Павла Степановича Нахимова.

Теперь чрезвычайно сложная наука управления парусами на огромном судне, как военном, так и торговом, уже забыта. В те времена она лежала в основе всего морского дела. Умение маневрировать, то есть управляться с парусами во всякую погоду, ценилось выше всего, да и не могло быть иначе. Матросы поэтому должны были уметь лазать по вантам, как акробаты, а ванты — веревки бывали очень часто, в зимнюю или осеннюю пору, обледенелыми, и слоем льда охватывало весь рангоут, то есть все дерево снастей.

В таком именно виде и был «Крейсер», добравшийся до Южного Ледовитого океана. Страшная буря трепала тогда фрегат. Его то взмывало на гребень огромной волны, то бросало стремительно в пучину, и все в нем трещало, рокотало, звенело, рвалось... Большую опытность и немалую ловкость и силу нужно было иметь, чтобы удержаться даже и на палубе, не только на вантах, где убирались последние паруса. И вот, случилось то, что вполне могло случиться в такой шторм: один молодой матрос сорвался с обледенелых снастей в воду.

Едва успел прокатиться по судну крик: «Человек за бортом!», а уж матроса отшвырнуло гигантской волной так далеко от судна, что нечего было и думать добросить до него «конец» — канат, за который он мог бы схватиться.

Но едва увидел далеко над водой голову своего матроса лейтенант Нахимов, он тут же кинулся к катеру, прикрепленному к боканцам фрегата.

— Спускай катер! — скомандовал он матросам около себя, и они спустили катер, и шесть человек из них вместе с Нахимовым тут же взлетели на гребень волны и рухнули в зеленую падь и снова взлетели, держа направление на матроса, который еще боролся с волнами.

У Нахимова это был героический порыв, мгновенный, нерассуждающий: нужно было спасти человека. Некогда было даже спросить разрешения на это у командира, у Лазарева,

который был в это время на другом конце фрегата. Нахимов помнил только слова Петра: «Промедление — невозвратной смерти подобно». Он не допускал даже и мысли, чтобы Лазарев мог не позволить ему броситься спасать сорванного штормом матроса.

А Лазарев ахнул, когда ему доложили об этом.

— Боже мой! Боже мой!.. Верну-уть!.. Покричать ему в рупор: «Командир приказал вернуться!»

Кричали в рупор, но уже не видели, кому кричали: сильнейший шквал принес вдруг ливень, сквозь который видно было так же, как сквозь войлок. Фрегат при этом накренило до предела и раскачало так, что волны начали перекачиваться через палубу. Не о катере с шестью матросами-гребцами — нужно было думать только о том, как спасти фрегат. И Лазарев, за плечами которого было уже несколько кругосветных путешествий, напряг всю свою энергию, всю опытность «старого морского волка», чтобы выдержать борьбу с разбушевавшейся стихией.

И три часа длилась эта неравная борьба, и экипаж фрегата выдержал ее с честью. Нечеловеческими были усилия и командира и команды, но они и не могли быть иными: смертельная опасность рождает их. Древняя, как жизнь человека на земле, пословица говорит: «Кто бежит от смерти, у того вырастают длинные ноги».

Только когда шторм явно пошел на убыль, а ливень пронесло дальше, Лазарев нашел возможность погоревать о своем любимце Нахимове, а также о шестерых матросах, свято исполнивших нахимовский приказ и теперь вместе с ним погибших.

— А вдруг они не погибли? — спросил он самого себя вслух. — А ведь нам сейчас уже можно, пожалуй, и паруса ставить и идти дальше.. Как же мы пойдем, когда.. когда даже не знаем, куда делся наш катер?.. Ведь катер-то сам по себе потонуть все-таки не мог!

И вот тогда-то обратился к Лазареву стоявший рядом с ним матрос:

— Вашвсокбродь! Дозвольте мне, я на салинг полезу, может, увижу, где катер!

— А-а! Чистозвонов!.. В самом деле ведь — у тебя не глаза — алмазы! — обрадовался Лазарев. — А ну-ка в самом деле — лезь на салинг, теперь уж не так сильно качает!

— Есть, лезть на салинг! — отозвался Чистозвонов и полез.

На старых парусных военных судах было множество пушек, и большинство матросов на таких кораблях, естествен-

но, были артиллеристами. Однако на каждой из трех мачт большого судна устраивались по две площадки для матросов-наблюдателей: нижние площадки назывались марсами, верхние — салингами, поэтому были особые в каждом экипаже судна матросы — марсовые и салинговые. Их обязанностью было во время хода судов днем смотреть, не идет ли судно к опасности, ночью — в любую погоду — ловить мигание маяков; во время учебной стрельбы или боя, когда палубы все сплошь заволакивались густым дымом, наблюдать, как ложатся снаряды.

Словом, эти матросы были глазами корабля, а среди них на «Крейсере» исключительной зоркостью с детства привыкший к туманам Финского залива, уроженец Петербургской губернии, не совсем ладно скроенный, но прочно сшитый Чистозвонов. Широкое лицо его было попорчено оспой, глаза же, которые славились зоркостью, еле различались на лице, до того были малы. Они буквально карабкались из тяжелых век, когда приходилось им «есть начальство». Годами Чистозвонов был ровесник Лазареву — лет тридцати пяти-шести.

Шторм далеко еще не утих, когда полез Чистозвонов на грот-салинг. Мачты вычерчивали еще в небе длинные дуги. Подниматься на салинг, хватаясь скользкими мокрыми руками за скользкие мокрые ванты и реи, было очень опасно, — каждую секунду Чистозвонов мог сорваться, как и тот потонувший матрос, однако еще труднее было, качаясь туда и сюда на мачте, не только держаться, но и все время пытаться разглядеть что-нибудь в кипящем, как котел, океане.

Лазарев и сам смотрел во все стороны в свою подозрительную трубу, но, кроме белой кипени, ничего нигде не видел. Время от времени он кричал Чистозвонову:

— Ну, что, как, а?.. Не видно?

— Никак нет, не видно! — кричал в ответ Чистозвонов, напрягая все силы, чтобы как-нибудь удержаться на своей карусели.

Лазарев смолоду послан был учиться морскому делу в Англию, где он провел пять лет. На корабле «Виктория», державшем флаг адмирала Нельсона, он участвовал в известном сражении при Трафальгаре, где английский флот уничтожил соединенный франко-испанский и тем избавил Британские острова от десанта Наполеона; по возвращении в Россию Лазарев совершил экспедицию в целях отыскания Южного полюса, и Южный Ледовитый океан был ему хорошо знаком. Но самые горестные минуты, по его же словам впоследствии, он переживал теперь, когда убеждался в ги-

бели Нахимова и матросов. Он видел, конечно, как мотало Чистозвонова, и, опасаясь, чтобы не сорвало в воду и его, крикнул наконец команду:

— С салинга долой!

— Дозвольте еще побыть, вашвсокбродь! — взмолился с салинга Чистозвонов.

Лазарев не ответил ему, но безнадежно-разрешающе махнул рукой.

Между тем с минуты на минуту начал утихать шторм, и Лазарев подал команду:

— Все наверх паруса крепить!

Матросы ринулись ставить паруса, и прошло еще с полчаса, пока они справились с этим делом, как вдруг, совершенно неожиданно для всех и больше всего для Лазарева, раздался крик с салинга:

— Вижу ка-атер!.. Ви-ижу ка-атер!

Это показалось всем почти чудом: где и как можно было разглядеть катер в еще не утихшем океане? Тем более что стало уже вечереть, темнеть.

— Что? Как? Катер?.. Кверху килем? — с замиранием сердца закричал вверх Лазарев.

И вдруг радостный ответ:

— Никак нет!.. Похоже... Похоже...

Чистозвонов медлил с ответом, потому что боялся ошибиться, обнадежить зря командира. Но вот он схватил напряженным взглядом, приковавшимся к тоненькой черной черточке там, в белой кипени волн, — схватил мельчайшие яркие блески... Они возникли, исчезли, возникли, исчезли, — они жили своею жизнью, это были лопасти весел, — не иначе, и Чистозвонов завопил радостно:

— Гребут, ей-богу, гребут!.. Они!.. Наши!..

Еще бы минута, и Лазарев отдал бы приказ продолжать плавание, то есть идти в направлении, противоположном тому, куда указывал Чистозвонов, но теперь, когда так уверенно закричал матрос с салинга: «Гребут!», «Крейсер» двинулся к своему катеру.

Это была торжественная минута, когда не только Лазареву, смотревшему в свою трубу, но и каждому матросу на выбкой палубе стало уже ясно видно: все семеро храбрецов в катере были налицо! Они не могли спасти упавшего за борт матроса, так как тот утонул раньше, чем к нему подбросило катер, но сами они вот — перед глазами: с головы до ног мокры, синелицы, полуживы, — однако все-таки живы!

Из разъяренной пасти океана выхвачен был будущий

герой Наварина, Синопа, Севастополя Нахимов и с ним его шестеро товарищей, — и океан не простил этого: едва только подняли на палубу фрегата семерых пловцов и хотели потом поднять катер на боканцы, неожиданный шквал свирепо разбил его о борт корабля, и обломки хрупкой посуды стали добычей волн.

Только теперь спустился с салинга Чистозвонов после новой команды Лазарева: «С салинга долой!»

— Друг мой! — растроганно обнимая своего спасителя, сказал Нахимов.

От прихлынувших слез он ничего не мог сказать тогда больше, но, прожив после того еще около тридцати лет, командуя сам и небольшими судами, и фрегатами, и линейными кораблями, и дивизиями флота, и эскадрой в Синопском бою, и, наконец, в чине полного адмирала руководя гарнизоном осажденного Севастополя, он называл каждого матроса не иначе, как «друг мой».

1941 г.

СОЛДАТ ЕГОР МАРТЫШИН

Новелла

огда французский император Наполеон III и его союзники начинали войну с Россией и местом этой войны выбрали Севастополь, они знали многое, что заранее сулило им легкую победу: и отдаленность Крыма от центральных губерний России, и отсутствие удобных путей сообщения, и плохое вооружение войск, и малочисленность Черноморского флота, и недостаток орудий крупного калибра, и еще больший недостаток снарядов к ним.

Они хорошо знали общую отсталость страны, с которой думали воевать. Они еще лучше знали царя Николая I, тем более что он часто бывал за границей и показывался там во весь свой рост, но они не знали несокрушимого духа русских войск, они не имели понятия о простом русском солдате, таком, как рядовой девятой роты Камчатского егерского полка Егор Мартышин.

Во время Дунайской кампании, которой началась тогда война России с большей половиной Европы, было в одном сражении довольно много раненых и переполнился до отказа небольшой перевязочный пункт.

Врачи заметили тогда невысокого и немолодого солдата, раза три подходившего к дверям. Он заглядывал в операционную, но потом, крутнув головой и махнув рукой в знак бесполезности, уходил. А между тем все лицо его было в крови, хотя серые усталые глаза его смотрели сквозь это кровавое кружево совершенно спокойно.

Когда работа в операционной подходила уже к концу, один свободный врач послал за ним санитаря вдогонку, чуть только он, еще раз заглянув в дверь, повернулся снова назад. Санитар привел раненого.

— Что это у тебя такое, дружище? — спросил врач.

Солдат только показал на свою щеку и открыл рот: говорить он не мог. Оказалось, что круглая, величиною с хороший лесной орех, турецкая пуля пробила ему щеку и застряла в языке, отчего язык сильно распух и потерял возможность ворочаться.

— Как же это пуля тебе в рот попала? — спросил врач.

Раненый молча развел руками, и за него ответил, улыбаясь, другой солдат, которому только что перевязали руку и ногу:

— Да ведь он, ваше благородие, песенник у нас... Шли, значит, мы в атаку, он и заведи: «Эх, зачем было город городить, да зачем было капусту садить?» Песня, известно, веселая, — под нее людям бойчее идетя... А турки как раз, конечное дело, по нас залоп дали.

Когда пулю вырезали и опухоль языка несколько опала, спросил все-таки врач раненого песенника, почему он раза три подходил к дверям операционной и все уходил обратно.

— Да ведь, как сказать-то вам, — стыдно было, — с усилием ответит тот. — У других действительно, я сознаю, раны, а у меня что? Я вполне и пообождать мог.

Этот солдат был Егор Мартышин.

Лежали охотники-камчатцы в ложементах перед своим многотрудным редутом в середине марта. Шагах в двухстах от них в подобных же ложементах лежали французы.

День был теплый. Пахло молодой свежей травкой и парной, разомлевшей землей. Перестрелка шла вяло, так как незачем было тратить заряды ни тем, ни другим: ложементы и там и тут были устроены на совесть, и противники не могли за плотными насыпями прощупать друг друга пулями.

Но случилось так, что какой-то шальной заяц вздумал промчаться между ложементами во всю прыть, а один солдат-камчатец прицелился в него, выстрелил и поал. Заяц подпрыгнул так высоко, точно всем захотел показаться в

последний миг своей жизни, и, грохнувшись оземь, лег неподвижно.

Солдат, его подстреливший, встал со штыком в руке и снял свою фуражку без козырька. Это был у него как бы парламентерский жест, обращенный к французским стрелкам-зуавам, и значил этот жест приблизительно такое: «Разрешите, братцы, зайчика подобрать, так как получилось тут не то чтобы война, а чистая, можно сказать, охота!»

И разрешили. Жест этот был понят французами как нельзя лучше. Своеобразное перемирие установилось вдруг между стрелками с той и с другой стороны, пока камчатец добежал до зайца, взял его за задние ноги, показал французам и неторопливо пошел на свое место в ложементах, из-за которых высунулось поглядеть на него много улыбающихся лиц.

Только когда улегся он снова, положив рядом свою добычу, раздалось в его сторону несколько выстрелов, но больше для проформы.

Этот солдат-камчатец был тот же Егор Мартышин.

— Как же это ты так отчаялся подняться, Мартышин? — спрашивали его потом однокотцы.

— Да что же я?.. Конечно, само собой, подумал я тогда: ведь не оголтелый же он, француз, должен понять, думаю, что и я ведь в него не стрелял бы в таком разе: ведь я не ему вред доставил, а только зайцу... А раз если заяц, выходит, по всем правилам стал теперь мой, — должен я его забрать или нет?

— Ну, брат, турок бы тебе этого не спустил! — говорили ему.

— У меня об турке и разговору нет, — спокойно отозвался Мартышин. — Турок, известно, азиатца, — он этих дел тонких понять не может.

Назначен был командиром батальона в Камчатский полк на открывшуюся вакансию майор из другого полка и в первый же день накричал на одного солдата своего батальона. После выяснилось, что совсем незачем было на него кричать, но майор был человек вспыльчивый, а перестрелка на укреплении велась в то время жаркая.

И что же случилось после того, как накричал майор? Не прошло и пяти минут, как тот же самый обруганный солдат бросился на своего нового батальонного с совершенно зверской, как ему показалось, хваткой, сгреб в охапку, свалил подножкой и крепко прижал к земле.

Майор ворочался, пытаясь сбросить с себя солдата, но тот держал его, как клещами, глядел на него страшно и бормотал бессвязное.

Вдруг оглушительный раздался взрыв рядом, повалил удушливый дым, полетели осколки: это разорвался большой снаряд.

Только тогда солдат и сам вскочил и потянул за рукав шинели своего батальонного командира:

— Извольте подыматься, вашсокбродь; лопнула!

Только теперь догадался и майор, что солдат не из мести за ненужный окрик бросился на него, а просто спасал его от не замеченной им бомбы, которая упала, вертелась и шипела рядом с ним.

— Как твоя фамилия? — спросил майор, поднявшись.

— Девятой роты рядовой Мартышин Егор, вашсокбродь!

— Что же это ты, мне ничего не говоря, прямо на меня кидаешься и подножку? И рожу зверскую состроил, а?

— По недостатке время, вашсокбродь!

Майор пригляделся к своему спасителю, обнял его, вынул кошелек, достал большой серебряный рубль времен Екатерины:

— На вот, спрячь на память, а к медали тебя при первом же случае представляю.

— Пок-корнейше благодарим, ваш-сок-бродь!.. — как бы и не за себя одного, а за всю свою девятую роту ответил Мартышин.

Если не находилось неотложных работ по редуту, солдаты, расположась за прикрытием, чинили свои сапоги, штопали дыры рубах или безмятежно курили трубки.

Безмятежность — это и было первое и главное, что кидалось в глаза любому молодому офицеру, только что переведенному в Севастополь и попавшему на редут, или флигель-адъютанту, приехавшему сюда из Петербурга, когда он видел невысокого, немолодого, сероглазого Егора Мартышина, а тот говорил ему остерегающе:

— Здесь ходить не полагается, вашбродь!

— Почему это не полагается?

— Да вот — пульки-с, — кивал Мартышин на веревочный щит амбразур, в который действительно одна за другой стучали пули; кое-где пробиваясь, они то и дело жужжали и пели под площадной редута.

— Однако ты-то сидишь себе, и ничего, — заметал призывный офицерик, а Мартышин отзывался на это спокойно:

— Да ведь нам-то что же-с, мы — здешние.

Завелись как-то на редуте купленные одним из офицеров три курицы и петух, причем петуха — черного, с зеленым отливом, огненный гребень лопухом — солдаты прозвали Пелисей, — едва ли в честь французского маршала Пелисье, — скорее в явную насмешку над ним.

Пелисей расхаживал по редуту довольно важно, куры же чувствовали себя здесь не так уверенно; впрочем, солдаты и матросы кормили их хлебом изобильно. Пелисей пел свое «кукареку» чрезвычайно старательно, стремясь, конечно, вызвать на то же других петухов поблизости, но других нигде не было.

Зато голосистое пение петуха сделало его знаменитостью не только на всем редуте, но и в расположенных недалеко уже французских траншеях: мало ли о чем может гревиться стрелкам под бодрый утренний петуший крик?

Пелисей привык и к пулям и даже к ядрам, которые мог разглядеть в небе. Быть может, эти ядра казались ему ястребами, потому что он по-особому кричал тогда курам, и куры бросались, распустив крылья, к ближайшему оружию, вполне естественно у него ища защиты и вызывая этим веселый хохот солдат.

Но случилось однажды — разорвалась шагах в десяти от Пелисея большая бомба, и это перевернуло все его петушьи понятия о личной доблести. Его точно сдуло вихрем. Он заорал совершенно неистово, взлетел на воздух, пролетел сквозь отверстие в амбразуре, не завешенное щитом, и свалился в ров.

Это очень развеселило французских стрелков: они захлопали в ладоши. Но вот вслед за черным петухом тем же самым путем, сквозь амбразуру, ринулся в ров Егор Мартышин.

Как можно было дать пропасть украшению своего редута Пелисею? И он не дал ему пропасть. Он поймал его там, во рву, и, держа его в руках, полез снова к той же самой амбразуре. Французы так были изумлены этой смелостью, что долго потом кричали «браво».

А в середине мая он не уберется от французского ядра, которое залетело в траншею Камчатки и нашло его там среди многих других.

Он как раз полез в это время в левый карман шинели за табачком; ядро, размозжив и оторвав кисть левой руки, раздробило также и ногу около паха... Не только товарищи его по траншее, но и сам он видел и чувствовал, что этой раны пережить ему уже не суждено.

Однако потерял ли он при этом присущее ему спокой-

ствие? Нет. Когда положили его на носилки, чтобы нести на перевязочный пункт на Корабельную, он нахмурился только потому, что за носилки взялось четверо.

— Я ведь легкий, — сказал он, — да еще и крови сколько из меня вышло... Так неужто ж вдвоем меня не донесут, а? Если с каждым, кого чугушка зацепит, по четыре человека уходить станет, то этак и Камчатку некому будет стеречь!

А когда остались только двое, он просил их пронести его вдоль траншеи проститься с товарищами.

— Прощайте, братцы! — обратился он к своим одноклассникам. — Отстаивайте нашу Камчатку, — ни отнюдь не сдавайте, а то из могилы своей приду, стыдить вас стану!.. Прощайте, братцы, помяните меня, грешного!.. Вот умираю уж, а мне ничуть этого не страшно, и вам, братцы, тоже в свой черед не должно быть страшно ни капли умереть за правое дело... Одно только больно, что в своей траншее смерть застигла, а не там, — показал он правой рукой на французские батареи.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ СЕСТРА

Новелла

ел сентябрь 1854 года. Севастополь ожидал французов и их союзников, которые так внезапно высадились на евпаторийском берегу Крыма. Они уже успели опрокинуть слабый заслон, выставленный против них князем Меншиковым на речонке Альме.

Ведавший обороной города вице-адмирал Корнилов устроил на случай бомбардировки и штурма два перевязочных пункта: один — в городе, другой — на Корабельной слободке. В этот последний была зачислена им лично в штат медицинского персонала первая русская сестра милосердия — восемнадцатилетняя матросская сирота Даша.

Корабельная слободка основалась в одно время с тем казенным Севастополем, который показывал Екатерине II Потемкин в 1787 году. Слободку эту заселили корабельные плотники, уроженцы Воронежской, Рязанской, Калужской и других губерний, где привился этот промысел с легкой руки Петра.

Впоследствии рядом с ними стали селиться отставные

матросы, занимаясь кто извозом, кто яликами для рыбной ловли, кто огородом. Селились тут и матросы старых сроков службы, обзаводившиеся семейством.

Таким матросом, кое-как устроившим себе с женой хатенку, был и отец Даши. Он был убит в Синопском бою, всего год прошел с тех пор, а мать ее умерла раньше.

Даша выросла как дитя бухты и взморья. Плавала она, как дельфин, гребла не хуже самого заправского гребца и ловко ставила парус. Ее приятели были приходившие к отцу матросы.

Но вот перед ее глазами два батальона этих матросов, поблескивая ружьями в пешем строю и лихо распевая песни, пошли вместе с батальонами армейцев встречать неприятеля на Альме.

Долго глядела им вслед Даша и... не могла усидеть дома.

Она продала отцовский ялик и сети, кур и восьмимесячного борова — все, что можно было продать, чтобы купить у водовоза-грека его клячу весьма пожилых лет вместе с двуколкой и упряжью. Двдцативедерную бочку его она променяла на два крепких бочонка, не тяжелых для клячи, нажарила рыбы, напекла хлеба, собрала у себя и соседей разного тряпья для перевязки ран и задумалась над тем, как же ей появиться на поле сражения в ее розовом ситцевом платье. И не допустят, пожалуй, и мало ли что из этого может выйти!

Висевшая на стене отцовская бескозырка дала ей мысль переодеться юнгой, каких довольно было во флоте.

Она перешла на свой рост широкую отцовскую матроску и шаровары, спрятала в недрах его бескозырки свою золотистую длинную косу и, сделавши все, что могла, двинулась наконец через долины речек Бельбека и Качи к ровной Альме.

Через казачьи пикеты пробралась, лихо держась, как самый заправский юнга, увязалась в хвост какого-то обоза, чтобы не очень бросаться в глаза. Но обоз остался около Качи, она же под покровом сумерек двинулась дальше и как раз накануне сражения добралась до войск.

Устроившись в открытом месте, в кустах дубняка, жадными глазами следила она за передвижениями батальонов, за разрывами неприятельских гранат, за всем, что могла разглядеть издали в сплошном почти дыму пороховом и от пожаров.

Но вот повалили раненные в тыл, на перевязочные пункты, а иных несли на скрещенных ружьях, покрытых шинелями.

Тогда началась работа Даши.

— Сюда, сюда! — кричала она тем, кто шел ближе, и зазывающе махала руками.

Подходили. И таким чудодейственным, воскресающим напитком оказалась для раненых обыкновенная вода в ее двух бочонках, что она все жалела, что не взяла третьего...

Очень быстро расхватили и хлеб, и жареную рыбу, и тогда-то она развязала свой узел чистой ветоши, чтобы перевязывать раненых.

Ей никогда не приходилось делать этого раньше, и солдаты сами показывали ей, как надо бинтовать руку, ногу, шею, голову.

Перевязывая раны и всячески пряча при этом поглубже свой ужас перед такими, никогда не виданными ею раньше жестокими увечьями человеческих тел, Даша однообразно, но с большой убедительностью повторяла каждому:

— Ничего, заживет... Ничего, срастется... Затянет — кровь у тебя здоровая, это уж мне видать!..

И раненым становилось легче от одного певучего голоса юнги, и от его осторожных ловких тонких рук, и от участливых васильковых глаз.

А один, с раздробленной осколком снаряда рукой, которому несмело завязала она руку полотнищем своего старого линялого платья с голубыми цветочками, бормотал, покачивая головой:

— Это прямо ангела своего небесного бог нам послал!

Но этот раненый мог идти, а на свою двуколку, сбросив с нее бочонки, Даша усадила другого, тоже перевязанного ею, раненного в обе ноги, а сама шла рядом, держа вожжи в руках.

Этот раненый был беспокойный: оглядываясь крутом, он повторял то и дело:

— Теперь шабаш! Будь бы ноги в исправности, ушел бы, а так каюк... Вот-вот француз нагрянет конный, и крышка.

— Доедем небось, — спокойно отзывалась ему Даша.

Через Качу в сумерках переходили вброд. Кобыла долго пила, когда вошла в речку. У Даши выбилась коса из-под фуражки, и раненый спросил удивленно:

— Да ты же, никак, девка, а?

Даша уже не скрывалась, а раненый говорил:

— То-то я даве думаю: «Отколь у этого малого сердце могло такое взяться, до людей приветное?» Мне оно и даве мстилось: не девка ли? Да спросить у тебя робел я через свои ноги...

Когда же утром добрались до Северной стороны, до бухты, кругом Даши все уже знали, что она матросская сирота с Корабельной слободки, потому что узнали ее столпившиеся у пристани матросы из морских батальонов.

После этого памятного дня Даша не хотела уже расставаться со своими ранеными, которых перевязывала ветошью на Альме. Она продала и кобылу, и двуколку, явилась к начальству и просила, чтобы ей разрешили ходить за ранеными в госпитале.

Очень несообразной показалась начальству такая просьба, однако передали ее самому Корнилову, и адмирал потребовал к себе Дашу. Худой, длинный, очень строгий на вид, Корнилов, оглядев ее, спросил сурово:

— Чья такая?

— Матроса Александрова, сирота, — смутившись немного, сказала Даша. — Марсовый на корабле «Три святителя» был...

— О чем просишь?

— Дозвольте мне за моими ранеными ходить.

— За какими такими «твоими»? — удивился Корнилов. — Чем ты их ранила?

— Какие на сражении крепко раненные были, а я им перевязку делала...

— В сражении была? Вот ты какая! — И подобрело вдруг сразу суровое художеское лицо адмирала. — Да ты — героиня! О твоём подвиге непременно напишу в Петербург.

Даша же и не догадывалась, что сделала подвиг, да и самое слово это «подвиг» понимала смутно.

А в Петербурге, в царском дворце, как раз в это время томительно долго решался вопрос об «Общине сестер милосердия», которую предположено было назвать «Крестовоздвиженской», и готовились особой формы золотые кресты, какие должны были носить сестры, большей частью дамы из высшего общества, на груди, на голубых лентах.

Знаменитый хирург, академик Пирогов, получивший разрешение ехать в Севастополь с отрядом сестер, привлечен был дворцом для составления устава общины. Дамы, готовясь возложить на себя тяжелый крест, практиковались под его руководством в деле ухода за ранеными в одном из лазаретов столицы. Столичное общество смотрело на это новшество в полнейшем недоумении... А в Севастополе юная Даша с Корабельной слободки уже вошла самочинно в историю как первая русская сестра, настоящая и подлинная сестра всей миллионной массы солдат и матросов.

Николай Иванович Пирогов, опередив первый отряд сестер «Крестовоздвиженской общины» и приехав в Севастополь в начале декабря, немедленно отправился осматривать госпитали и перевязочные пункты Севастополя.

Под городской перевязочный пункт было занято самое роскошное здание в городе — дом дворянского собрания, где до войны давались балы, где на хорах гремели судовые оркестры, где были огромный двухсветный зал для танцев и несколько прекрасно обставленных кабинетов. В одном из кабинетов, в котором размещено было человек десять тяжело раненных и между ними пленный француз с отрезанной по самое плечо рукой, Пирогов встретил Дашу. Она помогала фельдшеру перебинтовывать соседа французского матроса, раненного пулей в шею, причем француз, смуглый и с узкой черной бородкой, восторженно глядел на нее и повторял на своем языке:

— Ах, сестра, сестра!

Сюда перевелась Даша всего недели три назад, после того как хатенку ее на Корабельной совершенно разнесло снарядом. Но здесь, на новом для нее перевязочном пункте, она старалась держаться, как старослужащая, отлично знакомая с лазаретной обстановкой и с полуслова понимающая, что и как надо делать.

Она привыкла уже к здешним врачам, но когда они вошли в небольшую палату, сразу несколько человек, окружив еще двух-трех новых, то такое многолюдство не могло ее не встревожить, и она так и застыла, обернувшись к ним, с белым длинным бинтом в руках, с вопросом в расширенных глазах и с невольным замиранием в сердце.

А Пирогов, заметив у нее на груди, на белом переднике, серебряную медаль на алевшей аннинской ленте, сразу догадался, кого он видит, но на всякий случай обратился вполголоса к сопровождавшему его лекарю:

— Даша?

— Да, это и есть Дарья, — отозвался тот, снисходительно улыбнувшись.

— А я ведь о тебе, Даша, слышал, — весело обратился к ней Пирогов, — только, признаться, представлял тебя постарше! Здравствуй!

— Здравствуйте, ваше... — запнулась и покраснела густо Даша, затруднившись определить чин этого приземистого человека с голым черепом, с русыми баками и маленькими серыми глазами, ушедшими глубоко в глазницы: на шинели его совсем не было погон.

— Что стала в тупик? — притворно-строго нахмурился Пирогов. — Бери как можно выше и попадешь в точку... Хотя я еще заслужу ли такую медаль, а ты уж заслужила — ого!

— И еще кроме этого целых пятьсот рублей деньгами, — добавил лекарь.

— Пятьсот? Вот, полюбуйтеcь на нее, господа! Замужняя?

— Никак нет, девица! — ответила Даша.

— Завидная невеста... И кто же именно так наградил ее? Князь Меншиков?

— Не-ет, — протянул лекарь. — Это по приказу из Петербурга.

— Ага! Вот, кстати сказать, Даша, скоро сюда приедет целая община сестер милосердия, чтобы одной тебе не было жутко.

И, говоря это, дружелюбно положил ей руку на плечо Пирогов.

— Какая же тут может быть жуть? — удивилась Даша.

Она говорила тихо, хотя и вполне внятно, но, видимо, и самый этот намеренно тихий девичий голос волновал безрукого француза.

— Ах, сестра! — снова проговорил он с чувством, восторженно глядя только на нее, а не на всех этих, толпою вошедших врачей.

Может быть, забыл он в эту минуту, что он в плену, что он тяжело ранен, лежит на госпитальной койке не в Марселе и даже не в турецком Скутари, а в том самом Севастополе, который ему приказано было взять и который так жестоко его изувечил.

Он не обратил, казалось, никакого внимания и на человека, к которому относились почтительно русские врачи, у которого был внушающий уважение угловатый и плешивый, как у Сократа, череп. Для него вполне ясна была только одна беспорная истина: приходят и уходят, отгремев, отгорев, отблестав, войны, приходят и уходят со своими ланцетами и бинтами лекари — женщина остается.

Пирогов же, наблюдая из-под нависших надбровий внимательно и зорко за всем кругом — за французом так же, как и за Дашей, — сказал, обращаясь к лекарю:

— Да пусть там что угодно говорят всякие умники и скептики, между прочим, и сам князь Меншиков, как я сегодня от него слышал... а мысль послать сюда сестер — это превосходная мысль!

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА

Новелла

Первого мая 1855 года в осажденном войсками англичан, французов, итальянцев и турок Севастополе праздновали... Что именно? Повод к этому был — полковой праздник доблестного Охотского полка, ровно полгода стоявшего на сева-стопольских бастионах и покрывшего себя славой в упорном Инкерманском бою.

Каждый месяц защиты Севастополя считался за год, — было, значит, что праздновать, на бастионах же установилось сравнительное затишье, так как в Вене заседала в это время мирная конференция. Правда, видно уж было тогда, что конференция эта окончится ничем, но все-таки у всех в Севастополе было сознание непобедимости, а душою праздника явился один из виднейших сева-стопольских героев — начальник всех укреплений Корабельной стороны генерал-лейтенант Хрулев. Охотский полк числился в его гарнизоне, и для праздника уступил он двухэтажный дом на Корабельной слободке, который занимал вместе со своим штабом; на верхнем этаже угощались офицеры, нижний же, а также палисадник около дома, отведен был для угощения солдат. Везде на столах стояли огромные букеты пахучей белой акации, вина — даже и шампанское — лились рекой, и дым стоял коромыслом.

Тогда-то и появилась перед шумным домом женщина лет сорока пяти на вид, с крупными мужскими чертами лица, в коричневом платье сестры милосердия и в белом чепчике, похожем фасоном на лист лопуха, но без золотого креста на голубой ленте, какой носили сестры из Петербурга. Обращаясь ко всем на «ты», она все добивалась, как бы ей повидать генерала Хрулева, поговорить с ним о деле.

Ей отвечали, что генерал сейчас занят, к нему пельзя, но она была очень настойчива и упорна и дождалась все-таки, когда Хрулев спустился со второго этажа, багровый, черноусый, бравый.

— Это ты, стало быть, будешь генерал Хрулев? — обратилась к нему, подойдя, женщина. — Я к тебе, дорогой, поговорить пришла.

Хрулев удивленно поднял брови: давненько уж, лет, пожалуй, около сорока, никто не говорил ему так вот с подходу «ты».

— Гм... я действительно генерал Хрулев, а ты кто же такая? — в тон женщине отозвался он.

— А я зовусь Прасковья, по батюшке Ивановна, а по фамилии Графова, — речисто ответила та. — Прибыла я сюда, значит, в Севастополь, еще в марте месяце с сестрами милосердными из Петербурга, только в общине этой ихней я не состояла и состоять, скажу тебе, дорогой, от чистого сердца, не желаю! Знаю я, чем они дышат, эти все сестрицы милосердные, также и называемые сердобольные вдовы!

— Ну хорошо, а в чем же дело твое?

— А дело мое такое, родимый... Поместили меня, видишь, в домишке одном с сердобольной вдовицей, а вдовица эта старушонка вредная оказалась, злоязычица такая — не приведи бог!.. Я ей слово — она мне десять. Я ей опять же слово — она мне двадцать! А сама же — сморчок, и перхает как овца!.. Какая от нее польза могла быть военным раненым? Ни-ка-кой, уж ты мне поверь!.. А как пошла жаловаться начальству, чью, думаешь, сторону начальство взяло? Ее, этой самой овцы перхучей!.. «Ты, — говорят мне, — зачем ее вещички самовластно выкинула в окошко? Ты должна была заявить по команде!..» Ну, мне, милый, не иначе подошло так — оттудова уходить.

— Так, все понял! А от меня чего же ты хочешь? — спросил Хрулев.

— Возьми ты меня на бастион свой, родимый!

— Гм... Дело мудреное... Где же ты жить думаешь на бастионе?

— А где солдаты там живут, и я с ними буду, — тут же ответила Прасковья Ивановна.

— Лучше будет, пожалуй, тебе в офицерский блиндаж поместиться, — начал раздумывать вслух Хрулев.

— Ну что ж, как находишь, дорогой, в офицерский так в офицерский, только чтобы сегодня ты уж меня к месту приставил.

— Спешешь, значит? Ну тогда иди к капитану первого ранга Юрковскому на Малахов, — скажешь ему, что я послал... Сестры милосердия, правда, нигде на бастионах еще не жилали — сделаем такую пробу, с тебя начнем... Только имей в виду — там пули так и жужжат, как мухи, а о снарядах уж не говоря.

— И-и, дорогой, нашел чем меня пугать — пу-ули! На то ж она и война, чтобы пули... К кому, говоришь, мне там обратиться? К Юрковскому?

— Да, он там главный начальник... А чтобы блиндажик для тебя, вроде бы перевязочного пункта, сделали, это уж я завтра прикажу сам.

— К Юрковскому, значит? Ну, вот я и пойду теперь. Будь весел, родимый.

— Да я и так не грущу, — буркнул Хрулев, глядя вслед грузно повернувшейся и размахисто уходящей широкой женщине в коричневом платье и белом чепчике лопухом.

Скоро все уже знали, что на Малаховом кургане, на Корниловском бастионе, поселилась в маленьком, наскоро сделанном блиндаже Прасковья Ивановна, к которой тащили на первую перевязку каждого раненого, и что она не только не боится никакой стрельбы — ни штуцерной, ни орудийной, но всегда балагурит, всегда весела сама и всем вместо «здравствуй» и «до свидания» говорит: «Будь весел, родимый!» — и всем, даже самому командиру всех укреплений Малахова Юрковскому, говорит «ты».

Дошло это и до главнокомандующего Крымской армией князя Горчакова, и тот захотел посмотреть, что это за чудо природы, и вызвал ее к себе в ставку, на Инкерманские высоты, за шесть километров от Севастополя.

Приехали ради этого два казака из княжеского конвоя, но Прасковья Ивановна командует им: «Лошадь мне верховую!.. Он, князек, думал небось, что пешком к нему пойду — шесть верст киселя месить? Не-ет, не таковская!.. Да еще, пожалуй, князек-то меня, бабу простую, и за стол не посадит и чаем меня не напоит, так вы мне хоть бутылки две квасу на дорогу захватите».

Дали ей лошадь. Влезла Прасковья Ивановна в казацье седло — не понравилось.

— Вот, — говорит, — седло — сроду такого я не видала! Черт-те что, а не седло! Прямо голубятня какая-то!.. Ну, все-таки ехать, так поехали! Будьте веселы, милые!

Надвинула свой лопух поглубже, чтобы ветром не сдуло, да так вшпарила, что только природным наездникам-казакам впору.

Только часа через три прискакала она назад, и хохот стоял долго на бастионе, когда передавала она, как ее принимал Горчаков.

— Я ему, князьку-то, говорю с приезду: «Только уж ты меня, дорогой, чаем сначала напои, а то и говорить и словечка не стану: покамест сюда к тебе доехала, вся глотка насквозь высохла, как дымовая труба!» А он мне, князек: «Не только я тебя чаем напою, а еще даже думаю к ордену

тебя представить, или же возьму да сам орден тебе навешу...» Я же ему на это: «Это смотря какой орден ты мне дать захочешь, а то, пожалуй, я ведь и не возьму — я такая!..»

После небольшого затишья в конце апреля — начале мая, вызванного конференцией держав в Вене, начались опять очень жаркие бомбардировки и ночные бои, поэтому работы у Прасковьи Ивановны было довольно. Однажды случилось даже так, что в одну ночь ей пришлось перевязать сто восемьдесят шесть раненых, и она, не приседая ни на минуту, сделала это. Перевязывает солдата или матроса, хлопнет его по спине мощной ручищей и непременно скажет при этом: «Ну, будь весел, милый!» И каждый раненый, глядя на нее, непременно улыбнется в усы.

Павел Степанович Нахимов, адмирал, отец матросов, никогда не забывал поздороваться с ней, приходя на Малахов, и вот в несчастный день 28 июня, когда смертельно был ранен он в голову пулей французского стрелка, ей первой довелось сделать ему перевязку. Нужно сказать, что тут в первый раз изменила ей ровность характера и вселость.

Когда матросы, уложив своего «отца» на черные от застарелой, запекшейся крови носилки, принесли его к блиндажику бастионной сестры, та заметалась, точно подстреленная, и заголосила:

— А-ах, господи милосердный!.. А-ах, батюшки!.. А-ах, злодеи проклятые!.. Ах, голубчик ты мой!

— После, после нить будешь! — остановили ее матросы. — Перевяжи скорее! Это дело скорости требует!

И Прасковья Ивановна начала перевязывать голову адмирала, насквозь пробитую пулей над левым глазом, и в первый раз заметили, как широкие могучие руки ее дрожали.

— Как считаешь — живой останется? — шепотом спрашивали ее матросы.

Опыт подсказывал ей страшный ответ, но она сама пугалась тех слов, которые лезли на язык, и бормотала:

— Несите к доктору, на перевязочный, — как он определит... А я что же, баба глупая, тут могу?..

И когда унесли матросы бесчувственное тело того, кто был душою обороны, зарыдала она разрешенно, самозабвенно, по-бабьи.

Нахимов говаривал привычно и совершенно спокойно:

— Мы никуда-с не уйдем из Севастополя-с, мы все здесь останемся!

И он остался; но осталась также и Прасковья Ивановна, своим бесстрашием напоминавшая этого исключительного человека.

Был июльский вечер, свалила жара, и прекратилась, как всегда по вечерам, оружейная перестрелка, чтобы дать небольшой отдых и орудиям, чересчур накалявшимся от частой пальбы, и людям при них.

В этот вечер три офицера сидели на бревнах, привезенных для ремонта блиндажей и сваленных под нависшей крышей одного из больших таких блиндажей, и кто-то из них сказал, кивнув головой в сторону:

— А вот и наша Прасковья Ивановна вылезла из своей берлоги!

Действительно, в своем коричневом платье, без чепца, загорелая до черноты, на толстых прочнейших ногах, не имевших даже и намека на щиколотки, бастионная сестра похожа была на матерею медведицу, хозяйку леса.

Она подошла к офицерам, всем по очереди подав пудовую руку, и спросила густым басистым голосом:

— А что это вы такое чавкаете, голуби сизые?

«Чавкали» шоколад, которым угощал двух других, поручика и лейтенанта флота, младший из офицеров — мичман. Он же угостил и сестру, отломив ей кусок плитки.

Прасковья Ивановна уселась не с ними рядом, а напротив, на отдельно лежащем, шагах в четырех, бревне, чтобы всех троих было ей хорошо видно, и заговорила как бы в шутку, но тоном вполне серьезным:

— Вот погодите, кончится война, приезжайте тогда в Петербург, — всем трем хороших невест найду... А то что же это? Сколько народу пропадает что ни день, — подумать надо, как это теперь прорехи такие залатать! Все молодые люди об этом стараться тогда должны!

Как будто уже не бастионная сестра эта, а вся целиком грубоватая, но могучая простонародная Россия сидела на смолистом краснокором шершавом бревне, та самая Россия, которая веками старалась пошире и крепче утвердиться на земле в роды и роды, чтобы и наполнить до границ, и преобразить ее...

И вдруг завопил где-то сзади блиндажа сигнальный матрос:

— На-ша-а... Береги-ись!

И не успели еще офицеры вскочить с места, как большой гаубичный снаряд, пущенный с французской батареи совершенно в неурочное время, оглушительно разорвался в воздухе как раз над Прасковьей Ивановной, не выше как

в шести метрах от ее головы... Офицеров же спас выступ крыши блиндажа, под которой они стояли.

И так как все они были артиллеристы с батареей Корниловского бастиона, то не один снаряд из крупнокалиберных мортир был послан каждым из них в этот вечер врагу, коварно отнявшему у славного Малахова кургана его героиню.

На Северной стороне Севастополя, на братском кладбище, схоронили Прасковью Ивановну в общей могиле с теми, кто крепко стоял на страже родины и просто и свято отдал за нее жизнь.

О ТЕХ, ЧЬЕ ДЕЛО ВЫ ПРОДОЛЖАЕТЕ

Статья

В дни, когда войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии завершают освобождение Крыма, мне хочется напомнить вам один из многочисленных эпизодов беспримерной обороны Севастополя в 1941—1942 годах, ибо вы, освободители Крыма, — законные наследники и продолжатели тех, чье мужество и героизм навеки вошли в историю Отечественной войны.

...Лейтенант сказал связисту Девицарову:

— Девицаров, нужно восстановить связь с соседней частью справа.

— Есть, восстановить связь, товарищ лейтенант, — ответил Девицаров и пошел.

Он взял автомат, гранаты, поглубже надвинул свою матросскую бескозырку... Местность была открытая, простреливалась густо.

Краснофлотец полз, стараясь плотнее прижиматься к земле. Ему удалось отползти довольно далеко, пока, наконец, он был замечен. Есть пословица: «Один в поле не воин». Но Девицаров был один и был воин. В него стреляли, и он стрелял в тех, кто хотел окружить его и захватить. Их было семь-восемь против одного.

— Держись, чистокровные! — крикнул Девицаров, начиная работать автоматом.

И вот один из его врагов широко раскинул руки, за ним другой, третий... А четвертый завопил, сам прячась за бугорок:

— Рус, сдавайся!

— Дурак, севастопольцы не сдаются! — ответил Деви-
тяров. Тут же он почувствовал острую боль в плече и ска-
зал: — Ни черта не составляет. Не возьмешь!

...Шестерых заставил замолчать Девиляров, сам в то же
время истекая кровью, когда на него двинулся, лязгая и да-
вя кусты, немецкий танк. И боец вскочил с места, мгновенно
позабыв про свои раны. Вот когда боевой азарт его до-
стиг высшей точки. Три гранаты были привязаны к поясу.

— Не запугаешь! — вне себя закричал он. — Ура, Сева-
стополь! — и кинулся под танк.

Кто узнал бы о подвиге бойца? Никто, конечно, если бы
вскоре после того, отбив атаку, наши части сами не пере-
шли в контратаку. При этом был подобран один из тех, ко-
торого тяжело ранил краснофлотец.

— Я на войне уже давно, видел много и многое из ви-
денного уже забыл. Но поединка вашего матроса с нашим
танком я не забуду, пока я жив.

Не забудет его и наша страна. Умножайте же боевую
славу защитников Севастополя, доблестные освободители
Крыма! Ваш героизм и мужество сегодня — достойный про-
щальный салют тем, кто кровью своей подготовил наши се-
годняшние победы.

30 апреля 1944 г.

БЕРЕГИТЕ ОТЧИЗНУ

Статья

аше Советское государство вступило в пятое де-
сятилетие своего существования. Сейчас, когда
сорок мужественных лет осталось позади, а впе-
реди еще более значительные времена, невольно
испытываешь чувство небывалой гордости.

Советским людям есть чем гордиться, обозревая свой
суровый и прекрасный путь. За эти сорок лет Советский
Союз достиг великих успехов, которые радуют не только
нас, соотечественников, но и трудящихся всего мира. Пре-
ображенная Россия показывает пример строительства ком-
мунистического общества. Нельзя при этом забывать, что
строить новое, свободное общество пришлось нам в усло-
виях ожесточенной борьбы. Почти двадцать лет были отда-
ны жестоким войнам и ликвидации их последствий.

Великие завоевания Октябрьской революции, победив-

шей под руководством партии коммунистов и ее вождя Владимира Ильича Ленина, дважды за это сорокалетие пришлось отстаивать в кровопролитнейших войнах.

Доблестные Вооруженные Силы нашей Родины с честью выполнили революционный и патриотический долг.

Четырнадцать иностранных держав и внутренняя контрреволюция стремились в годы гражданской войны удушить молодую Страну Советов. Но Красная Армия, армия рабочих и крестьян, не только отбила все эти вражеские походы, но и наголову разгромила врагов, обеспечив своей стране мирное существование.

Во времена гитлеровского нашествия в неизмеримо тяжелых условиях Советские Вооруженные Силы, опираясь на патриотические традиции русского оружия, снова отстаивали честь и независимость своей Родины. И сразу же после войны весь наш народ, руководимый Коммунистической партией, приступил к великому строительству.

Трудом советского народа воздвигнуты могучие гидросооружения, заводы, шахты, распаханы многие миллионы гектаров веками не тронутой целины. Советские ученые проникли в тайны атома и заставили его гигантские силы служить интересам прогресса. Запуск первых в мире двух искусственных спутников Земли — ярчайшее свидетельство всепобеждающей силы нашего советского строя.

Преображая свою Родину, героический советский народ, наша родная партия окружили отеческим вниманием и заботой славных защитников завоеваний Октября. Ныне Советские Вооруженные Силы, оснащенные всеми видами современной военной техники, еще зорче хранят свою Родину и весь лагерь социализма.

Советский Союз никогда никому не угрожал и не угрожает, но слишком дорого досталась нашему народу свобода и независимость, чтобы в обстановке новых угроз по нашему адресу мы были беспечными. И потому так благодарен каждый гражданин нашей Родины замечательным советским труженикам, создавшим межконтинентальную баллистическую ракету, которая должна охладить воинственный пыл трубадуров атомной и водородной бомбы.

Моим дорогим соотечественникам, оберегающим мир, безопасность и счастье Советской Отчизны, всем сердцем я желаю с честью хранить боевые традиции нашего славного оружия, быть и впредь достойными героического прошлого нашей замечательной Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

НАРОД-ГЕРОЙ: Исторический очерк. Впервые напечатан в журнале «Новый мир», 1941, № 11—12. Выходил отдельным изданием в Воениздате в серии «Библиотека красноармейца», 1942. Вошел в книгу «Трудитесь много и радостно» (М.: Молодая гвардия, 1975). Дается по тексту последнего издания.

Стр. 24. *Пол* — небольшое парусное двухмачтовое судно.

Стр. 24. *Карбас* — грузовое гребное или небольшое парусное судно на Белом море и впадающих в него реках.

ГЕРОИЗМ РУССКИХ МОРЯКОВ: Исторический очерк. Впервые опубликован в журнале «Большевик», 1942, № 3. Вошел в книгу «Трудитесь много и радостно» (М.: Молодая гвардия, 1975). Дается по тексту книги.

АДМИРАЛ Ф. Ф. УШАКОВ: Исторический очерк. Впервые опубликован в журнале «Октябрь», 1941, № 3. Вошел в книгу «Флот и крепость» (М.: Воениздат, 1975). Печатается по тексту книги.

АДМИРАЛ Д. Н. СЕНЯВИН: Исторический очерк. Впервые напечатан в газете «Красный флот», 25 августа 1940 г. Вошел в книгу «Флот и крепость» (М.: Воениздат, 1975). Дается по тексту книги.

АДМИРАЛ М. П. ЛАЗАРЕВ: Исторический очерк. Впервые опубликован в газете «Красный флот», 14 августа 1940 г. Вошел в книгу «Флот и крепость» (М.: Воениздат, 1975). Дается по тексту книги.

Стр. 92. *Ушкуйник* — в Древней Руси вольный человек, разбойник, промышлявший на лодках, которые назывались ушкуями.

АДМИРАЛ В. А. КОРНИЛОВ: Исторический очерк. Публикуется впервые по тексту газеты «Красная звезда» от 4 октября 1940 г.

АДМИРАЛ П. С. НАХИМОВ: Исторический очерк. Впервые опубликован в газете «Комсомольская правда», 16 октября 1955 г., под названием «Великий русский флотоводец», и в журнале «Наука и жизнь», 1955, № 7, под названием «Павел Степанович Нахимов». Дается по тексту журнала.

АДМИРАЛ В. И. ИСТОМИН: Вторая глава шестой части эпопеи «Севастопольская страда». Дается по пятому тому последнего прижизненного издания (Собр. соч. М.: Художественная литература, 1955—1956).

ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР Э. И. ТОТЛЕБЕН: Исторический очерк. Впервые был напечатан в газете «Красная звезда», 15 октября 1940 г. Публикуется по тексту газеты.

ГЕНЕРАЛ С. А. ХРУЛЕВ: Исторический очерк. Впервые напечатан в газете «Красная звезда», 28 декабря 1940 г. Дается по тексту газеты.

ГРЕНАДЕР СЕМЕН НОВИКОВ: Рассказ. Впервые напечатан в журнале «Красноармеец», 1944, № 5. Вошел в Собр. соч. (М.: Худо-

жественная литература, 1955—1956 и другие издания). Дается по пятому тому Собр. соч.

ГВАРДЕЕЦ КОРЕННОЙ: Новелла. Впервые опубликована в «Литературной газете», 17 сентября 1941 г. и в том же году — в журнале «Красноармеец», № 2. Вошла в книгу «Настоящие люди» (М.: Советский писатель, 1943) и книгу «Флот и крепость» (М.: Воениздат, 1975). Печатается по последнему изданию.

МАТРОС КОШКА: Отрывок из пятой главы четвертой части эпопеи «Севастопольская страда». Дается по пятому тому Собр. соч. (М.: Художественная литература, 1955—1956).

МАТРОС ИГНАТ ШЕВЧЕНКО: Отрывок из пятой главы четвертой части эпопеи «Севастопольская страда». Печатается по пятому тому Собр. соч. (М.: Художественная литература, 1955—1956).

МАТРОС ЧИСТОЗВОНОВ: Новелла. Впервые опубликована в журнале «Новый мир», 1941, № 9—10. Вошла в сборник «Настоящие люди» (М.: Советский писатель, 1943). Дается по последнему изданию.

СОЛДАТ ЕГОР МАРТЫШИН: Новелла. Впервые появилась в сборнике «Настоящие люди» (М.: Советский писатель, 1943). Дается по тексту книги.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ СЕСТРА: Новелла. Впервые напечатана в книге «Настоящие люди» (М.: Советский писатель, 1943). Дается по тексту книги.

ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА: Новелла. Впервые появилась в сборнике «Настоящие люди» (М.: Советский писатель, 1943). Публикуется по тексту книги.

О ТЕХ, ЧЬЕ ДЕЛО ВЫ ПРОДОЛЖАЕТЕ: Статья. Впервые появилась во фронтовой газете 51-й отдельной армии «Сын отечества» в мае 1944 года и перепечатана без изменений в газете «Крымская правда» 9 мая 1969 года. Материалом для статьи послужили подлинные события, произошедшие в дни героической обороны Севастополя в 1942 году, о которых рассказали писателю моряки во время одной из встреч. Дается по последней публикации.

БЕРЕГИТЕ ОТЧИЗНУ: Статья. Впервые напечатана в газете «Красная звезда», 21 февраля 1958 г. Вошла в книгу «Трудитесь много и радостно» (М.: Молодая гвардия, 1975). Дается по тексту книги.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Козлов. Певец боевой славы русского народа	3
Народ-герой. <i>Исторический очерк</i>	15
Героизм русских моряков. <i>Исторический очерк</i>	25
Адмирал Ф. Ф. Ушаков. <i>Исторический очерк</i>	36
Адмирал Д. П. Сенявин. <i>Исторический очерк</i>	64
Адмирал М. П. Лазарев. <i>Исторический очерк</i>	86
Адмирал В. А. Корнилов. <i>Исторический очерк</i>	103
Адмирал П. С. Нахимов. <i>Исторический очерк</i>	108
Адмирал В. И. Истомина. <i>Отрывок из эпопеи «Севастополь- ская страда»</i>	117
Военный инженер Э. И. Тотлебен. <i>Исторический очерк</i>	123
Генерал С. А. Хрулев. <i>Исторический очерк</i>	133
Гренадер Семен Новиков. <i>Рассказ</i>	138
Гвардеец Коренной. <i>Новелла</i>	143
Матрос Петр Кошка. <i>Отрывок из эпопеи «Севастопольская страда»</i>	147
Матрос Игнат Шевченко. <i>Отрывок из эпопеи «Севастопольская страда»</i>	154
Матрос Чистозвонов. <i>Новелла</i>	164
Солдат Егор Мартышин. <i>Новелла</i>	169
Первая русская сестра. <i>Новелла</i>	174
Прасковья Ивановна. <i>Новелла</i>	180
О тех, чье дело вы продолжаете. <i>Статья</i>	185
Берегите Отчизну. <i>Статья</i>	186
Примечания	188

Сергеев-Ценский С. Н.

С32 Витязи морей: Исторические очерки, рассказы, новеллы, статьи. — М.: Воениздат, 1985. — 190 с.

В пер.: 1 р. 40 к.

В сборник вошли исторические очерки, рассказы, новеллы, статьи о людях большой судьбы, прославивших нашу Родину и свои имена. Среди них адмиралы Ушаков, Сенявин, Нахимов, военный инженер Тотлебен, а также матросы Кошка и Шевченко, солдат Мартышин, первая медсестра Даша Севастопольская и другие.

В центре изобитования — оборона Севастополя в 1854—1855 гг.

С 4702010200-015
068(02)-85 141-85

ББК 84Р7

Р2

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

ВИТЯЗИ МОРЕЙ

Редактор *Л. П. Миронова*
Художник *Т. Ф. Елагина*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Г. Р. Дмитриева*
OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа
ИБ № 2514

Сдано в набор 30.08.83. Подписано в печать 13.08.85. Г-72113.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обычнов. новоя. Печать высокая.
Печ. л. 6. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 4/9354. Тираж 100 000 экз. Зак. 5-1357. Цена 1 р. 40 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
Набрано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Отпечатано с матриц на княжной ф-ке им. М. В. Фрунзе.
310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского, дом 6/8